

ноябрь 2001

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

**Борьба с терроризмом
набирает обороты**

Спецназ воюет за идею

Береговые проблемы страшнее рифов

Мы и сегодня с теми, кто на Кавказе

НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ

10 НОЯБРЯ — ДЕНЬ МИЛИЦИИ

Ежедневно на протяжении тридцати пяти лет военнослужащие специальных моторизованных воинских частей внутренних войск МВД России вносят свой вклад в поддержание внутренней безопасности Российской Федерации. Совместно с сотрудниками органов внутренних дел они несут службу по охране общественного порядка и безопасности граждан в городах и населенных пунктах нашего государства. Но не только улицами ограничиваются маршруты воинов СМВЧ. Они достойно прошли через многие "горячие точки". Фергана, Баку, Карабах, Ингушетия, Северная Осетия и теперь Чечня. Сотни солдат, прапорщиков и офицеров, за проявленный героизм, мужество и отвагу, награждены государственными наградами. Нередко только благодаря военнослужащим внутренних войск удается обеспечить порядок там, где его нет. И делают они это профессионально.

С праздником, боевые друзья!

Лейтенант Виктор БОЛТИКОВ,
фото Александра БУТКЕВИЧА

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

**Редакционная
коллегия:**

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ
И.А., БАННИКОВ А.Ю. (зам.
главного редактора —
ответственный секретарь),
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ГЕРАСИМОВ
В.Н., ДОМОЖИРОВ В.К. (зам.
главного редактора),
ЕРМАКОВ П.И., ЖУРАВЕЛЬ
В.П., КАЗАКОВ Н.Н., КАРПОВ
Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П. (зам.
главного редактора),
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ
А.В., МАКАРОВ А.В.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ОБРЕВКО
В.М., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
СВИТКО Е.В., ТОНКОНОГОВ
В.П., ЮРЧЕНКО С.П.

**Художественное
оформление**

БАННИКОВ А.Ю.
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка

ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректор

БОГДАНОВА Е.А.,
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
Герой Российской Федерации
Александр ЯНКЛОВИЧ
фото НИКОЛАЙЧУКА В.Н.

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —

МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —

Главное командование
внутренних войск

**Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.**

Регистр. № 01420.

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал
обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2001

Сдано в набор 20.09.2001
Подписано к печати 27.10.2001
Формат бумаги 84x108 1/16.
Общий тираж изданий 12 700
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 11. Зак. №2235
Индекс для индивидуальных
подписчиков — 70610
для предприятий и организаций —
73175

Отпечатано в ФГУП
Издательство и типография
газеты «Красная звезда»
123007, Москва,
Хорошевское шоссе, д. 38

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Содержание

№ 11 ♦ 2001

А. МИХАЙЛОВСКИЙ: Борьба с терроризмом набирает обороты. Наступило время "Ч".....	2
Ю. КИСЛЫЙ Спецназ воюет за идею	6
А. МАКАРОВ Батальон на войне.	11
К. АЛЕКСЕЕВ Крылатая гвардия	16
С. КОРНЕЕВ Береговые проблемы страшнее рифов	20
Р. САЙГАНОВ Мы и сегодня с теми, кто на Кавказе	23
Ж. ЛАБУТИНА Возвращение Сани Григорьева	26
А. ЛЕБЕДЕВ Упокой душу.....	28
Назовем поименно	30
Б. КАРПОВ "Я рядовой. Я имярек..."	32
Г. ИВАШКОВ Папка полная сердец	33
В. ЖУРАВЛЕВ Парад равный победному сражению	36
Ю. ДУРНЕВ Военная молодость.	40
Д. КОЗЛОВ Игры юнных патриотов	44
Д. ДАЖИН Я вышиваю свой узор (стихи)	46
Р. БАЛАКШИН И в вечную жизнь (повесть)	48
Кроссворд	64

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

Адрес редакции: 107120, Москва, Б-120, Сыромятнический проезд, 8
Телефон для справок: 361-81-71 Тел./факс 917-72-66 E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

Доктор политологии
Международной педагогической академии,
член Союза журналистов России,
полковник запаса
Александр МИХАЙЛОВСКИЙ:

Борьба с терроризмом набирает обороты. Наступило время "Ч"

МИХАЙЛОВСКИЙ Александр Леонидович родился в 1947г. в Ташкенте. Командовал танковым взводом, выполнял задачи в составе разведывательного батальона в Туркмении и Казахстане. Участвовал в боевых действиях в Афганистане. После окончания Военного института иностранных языков офицер занимался военно-политическими проблемами Дальневосточного и Центрально-Азиатского регионов.

Сегодня мир с напряжением и тревогой следит за развитием военно-политической обстановки в Центральной Азии и других регионах. Каждый новый день приносит больше вопросов, чем имеется на них ответов. Нет, наверное, такого уголка на земном шаре, где бы не гудели возбужденные людские массы, где бы не спрашивали друг у друга: "А что же будет дальше?" Кажется, что все пронизано невиданным ранее беспокойством. И для этого есть достаточные основания.

В ночь с 7 на 8 октября 2001 года началась акция, которую большинство политических экспертов рассматривает как логический ответ цивилизации на вызов террористов. Как известно, месяцем раньше группа фанатиков-камикадзе захватила в воздухе несколько пассажирских самолетов, вылетевших из американского города Бостона, что-

бы обрушить их на головы мирных жителей Нью-Йорка и Вашингтона. Ситуация, в которой оказались многие страны после 11 сентября, дня, вошедшего в список трагических дат в истории человечества, потребовала выработки единых подходов к ее оценке и плана единых действий. Стало понятно, что террор, остающийся без ответа, представляет серьезную угрозу международной стабильности. Руководители различных государств, политические и общественные деятели, простые граждане под воздействием неумолимой реальности пришли к пониманию того, что международный терроризм должен быть искоренен повсеместно. Поэтому неизбежность осуществления мощной силовой акции возмездия во имя решения этой проблемы из умозрительной перешла в разряд очевидной.

Администрация США совместно с союзниками по НАТО разработала и привела в действие долговременный план по борьбе с международным терроризмом. С этой целью американское командование в течение довольно продолжительного времени осуществляло необходимые мероприятия, в том числе переброску дополнительных сил и средств на свои военные базы, разбросанные по всему миру, а также на территории некоторых республик, входящих в Содружество независимых государств.

Первым объектом, испытавшим на себе мощь бронированного кулака международной анти-террористической коалиции, стал Афганистан, находящийся под контролем движения "Талибан". В соответствии с этапами намеченной операции, получившей кодовое наименование "Безграничная справедливость", бы-

ли нанесены ракетно-бомбовые удары по выявленным и предполагаемым местам дислокации вооруженных групп террористов, их лагерям и тыловым базам. Атакованы средства ПВО, аэродromы, командные центры и пункты связи в окрестностях Кабула, Кандагара, Джелалабада, Герата и других городов.

Второй этап операции, начавшийся 16 октября, включает выборочное преследование разрозненных формирований "Талибана" с использованием истребителей, способных наносить удары по любым движущимся наземным целям с небольшой высоты. Американские спецчасти - "зеленые береты" из элитного 160-го авиационного полка специального назначения, которому приданы вертолеты "Блэк-хок", а также британские особые антитеррористические службы "Дельта форс" уже действуют малыми группами на территории Афганистана. В их задачи входит зачистка определенных территорий, наблюдение за линиями связи, определение целей для атак и выслеживание замаскированных убежищ террористов. Судя по всему, террористам, где бы они ни находились, не удастся избежать правосудия.

Война в Афганистане является частью всемирной полицейской операции по искоренению терроризма. В своем обращении к нации президент США Дж. Буш-младший заявил, что Афганистан — далеко не единственное место, по которому будут наноситься удары. "Борьба против международного терроризма нового типа, — подчеркнул он, — требует чрезвычайно широкой и долговременной стратегии, и к этому должны быть готовы все военнослужащие, принимающие участие в операции". Нынешняя операция, по замыслу ее организаторов, имеет три составляющие: военную, политическую и пропагандистскую. Военная состоит в поимке или уничтожении всех обнаруженных террористов и свержении режима, их укрывающего. Политическая составляющая направлена на создание предпосылок для установления такой власти в Кабуле, которая смогла бы восстановить спокойствие в стране и создать условия

для возвращения миллионов беженцев. На пропагандистском фронте предполагается преодолеть чувства недоверия, а порой и открытой ненависти стран исламского мира по отношению к США.

К операции подключены силы и средства ведения психологической войны. Идеологическая обработка населения осуществляется путем ведения радиовещания на афганское население на языках пушту и дари. Радиостудия установлена на специальном самолете "Коммандо соло", входящем в состав 193-й эскадрильи специальных операций американских ВВС. Обслуживают специальную передающую аппаратуру сотрудники 4-й группы психологических операций, постоянно базирующейся в Форте Брэгг (штат Северная Каролина). Американские самолеты разбрасывают над территорией Афганистана листовки, в которых объясняются цели операции.

В инициированной Соединенными Штатами контртеррористической операции прямо или косвенно сотрудничают около сорока стран мира. Практически вся территория Афганистана окружена государствами, давшими свое согласие на участие в той или иной степени в международной акции возмездия. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил, что авиаудары по Афганистану оправданы с точки зрения самозащиты. На стороне действий США и Великобритании твердо выступил Президент Российской Федерации Владимир Путин.

Особая роль России в контртеррористической операции определяется особым положением нашей страны в мире. Это — положение буфера между Западом и Востоком, между христианством и исламом. Как известно, в нашей стране эти две мировые религии представлены не только конфессионально, но и территориально. В России убеждены, что борьба с терроризмом не предполагает действий, направленных на демонизацию последователей других религий. Видимо, глубоким пониманием этого обстоятельства было вызвано заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о том, что

"нельзя связывать ислам с терроризмом, который не имеет религии и национальности".

Как считают специалисты, военнотехническое превосходство Пентагона, так необходимое для успеха задуманного, не вызывает никакого сомнения. Особую значимость в данной ситуации приобретает 5-й оперативный флот США со штабом в Бахрейне, размещенный на постоянной основе в зоне Персидского залива с 1991 года. Дислоцированные в Аравийском море авианосцы "Теодор Рузвельт", "Карл Винсон" и "Энтерпрайз" способны нести более 250 штурмовиков, а "Китти Хок" является базой для боевых вертолетов и подразделений специального назначения. Как никогда кстати оказались для американцев опорные пункты и транспортные базы морского и воздушного базирования, расположенные в Египте, Йемене и Турции. Стратегическое значение имеют базы США на юге Турции (Инджирлик) и в северной части Индийского океана (атолл Диего-Гарсия). Всегда готовы вступить в действие силы базирующегося рядом 7-го флота ВМС США. Обычно при проведении крупных операций к работе подключаются корабли 6-го американского флота, обосновавшиеся в Средиземном море.

Истинная картина событий, происходящих в районах кризисов, как правило, становится известной лишь через месяцы, а иногда и через годы после произошедшего. Что же касается нынешней войны в Афганистане, то спрос на информацию о ней пока значительно превосходит предложения. "Много слышали, мало видели и еще меньше знаем", — сетуют журналисты, вынужденные находить за сотни километров от эпицентра боевых действий. Поэтому для полного понимания всего масштаба трудностей, с которыми может столкнуться международная антитеррористическая коалиция, следует внимательно проанализировать основные особенности региона ведения боевых действий, мало изменяющиеся со временем. А среди них на первом по важности месте стоят географические, исторические, религиозно-этнические, экономические и социально-

политические факторы. Это необходимо сделать, чтобы не допустить опьянения от первых успехов — охладить его смогут только потоки крови, почти всегда проливаемой напрасно.

Афганистан расположен в Юго-Западной Азии и занимает площадь чуть более 650 тысяч квадратных километров. Большую часть страны занимают труднопроходимые горы и возвышенности, изрезанные котлованами и ущельями. На севере и юге простираются каменистые равнины и безводные плоскогорья. Климат континентальный, требующий от жителя средних широт определенного периода адаптации. В административном отношении Афганистан делится на двадцать девять провинций (вилаятов), для которых характерны низкая плотность населения и мозаичность культур многочисленных племен и народностей. Подавляющее большинство территорий, городов и поселков страны находится в запущенном состоянии или разрушено в ходе боевых действий, непрекращающихся вот уже в течение четверти века. Не одно десятилетие население Афганистана проживает в условиях родоплеменного общества. По оценке экспертов, уровень развития афганской экономики не поднимается выше средневековых стандартов. Социально-экономическая нестабильность и нищета подавляющих слоев афганского населения и стали главной питательной средой для порождения терроризма.

Если заглянуть в отдаленную историю, то можно увидеть, что возникновение первых афганских государственных образований относится к 16 веку. В 1747 — 1818 годах на территории Афганистана существовала Дурранийская держава, включавшая в период наибольшего расширения территории современного Афганистана, северо-западной Индии, восточного Ирана и южного Туркестана. Афганистан постоянно привлекал к себе алчные взоры ближних и дальних правителей, намеревавшихся за счет богатства его недр поправить собственные дела. Но не зря за ним тянется заслуженная слава могильщика великодержавных амбиций. Так, в XIX веке закончи-

лись провалом попытки Великобритании подмять под себя свободолюбивый афганский народ.

В 1919 году правительство Амануллы-хана, афганского короля, провозгласило независимость страны и приступило к реформам, направленным на ликвидацию архаичных феодальных институтов и развитие капиталистических отношений. В январе 1929 года власть захватила феодально-клерикальная реакция, поддержанная англичанами. В октябре того же года к власти пришла династия Надир-шаха Мухаммеда, которая правила до июля 1973 года. Последним королем Афганистана был Захир Шах Мухаммед. Ныне это человек довольно преклонного возраста, проживающий в изгнании. 17 июля 1973 года страна стала республикой. Решающую роль в деле успешного развития Афганистана до конца 70-х годов XX века играл Советский Союз, предоставивший Кабулу экономическую, военную, научно-техническую и политическую помощь.

Огромное значение для понимания характера и векторов развития внутривосточной обстановки в Афганистане имеют этнические, клановые и религиозные факторы. В Афганистане никогда не проводилась перепись населения. По приблизительным подсчетам, как указывает радиостанция "Немецкая волна", до начала конфликта в стране было пятнадцать миллионов жителей. Самый многочисленный этнос афганского народа — пуштуны (40% населения), занимавшие ключевые посты в стране на протяжении всей афганской истории. Остальные — это представители нацменьшинств (таджики, узбеки, казарейцы, туркмены и другие). Сохраняя свою этническую особенность и относительную самостоятельность, они вносили важный вклад в политическую, социальную и экономическую жизнь Афганистана. Регион их исторического проживания — северные провинции страны.

Родо-племенные образования удерживают практически полный контроль над территориями своего обитания. В силу этого обстоятельства общеафганские правители в Кабуле никогда не обладали абсолютной властью

над всеми своими подданными (как пуштунами, так и другими этносами). Они были вынуждены или договариваться со своими вассалами, или выторговывать себе их верность. Таким образом, на протяжении столетий Афганистан, будучи унитарным государством де-юре, никогда не являлся таковым де-факто.

Главной целью ударов объединенной антитеррористической коалиции в Афганистане избран режим талибов, которые удерживали господство над большей частью территории страны. Основные силы талибов — а под их знаменами воюют около 40 тысяч человек — дислоцируются в основном в южной и юго-восточной частях Афганистана. К этой цифре следует прибавить многочисленные отряды наемников из арабских стран и до десяти тысяч пуштунов из северо-западных провинций Пакистана. В распоряжении талибов до первых чисел октября сего года находилось значительное количество вооружения и боевой техники. Лидером движения "Талибан" является мулла Мохаммад Омар, называющий себя "Амиром мумини" — "Повелителем правоверных". Так в Османской империи мог называть себя только султан, одновременно являвшийся и главой государства, и халифом, то есть духовным лидером всех мусульман-суннитов.

Под руководством Омара талибы законсервировали экономическую отсталость Афганистана, превратили его в страну, на сотни лет отброшенную назад в историческое прошлое, осуществляют дискриминацию на религиозной почве, проводят политику насильственной исламизации, пренебрежительно относятся к достижениям мировой цивилизации. Афганистан при талибах превратился в плацдарм агрессии против независимых государств Центральной Азии. По сообщениям зарубежной печати, многие простые афганцы, пострадавшие от режима "Талибан", готовы вести с ним борьбу до последней капли крови.

Официальный Вашингтон в начале операции возмездия предупредил талибов о том, что их ожидают серьезные последствия, если они не выдадут антитерро-

ристической коалиции Усама бен Ладена, названного "террористом № 1". В прошлом гражданин Саудовской Аравии, мультимиллионер Усама бен Ладен, окопавшийся с 1996 года в Афганистане, возглавляет организацию "Аль-Кайда" ("База"), имеющую разветвленную сеть в более чем 60 странах мира. По словам директора ЦРУ Джорджа Тенета, он представляет собой "наиболее серьезную и непосредственную внешнюю угрозу национальной безопасности США".

Послужной список этой харизматической в исламском мире фигуры до того велик, что требует отдельного разговора. Здесь достаточно заметить, что Усама бен Ладен представляет собой, еще плохо изученный, тип организаторов террора. Воздействовать на него каким-либо известным способом, а тем более запугать практически невозможно. Так, в ответ на начало боевых действий в рамках операции "Безграничное возмездие" он объявил "джихад" ("священную войну") всему иудейскому и христианскому миру. "Начав операцию в Афганистане, — многозначительно изрек бен Ладен, — США открыли дверь, которая не закроется никогда".

Закоренелыми врагами талибов, состоящих почти на 90% из пуштунов, традиционно являются ирано-таджикские кланы, расселенные на востоке (провинции Бадахшан, Тахар, Парван, Каписа и частично Кабул), а также на западе (провинции Герат и Гур) страны. Доля таджиков среди населения Афганистана составляет 18%-20%. Аналогичен и удельный вес территории, которую этот народ занимает. Таджики составляют этническую основу (до 75%) войск Северного альянса и являются наиболее боеспособной частью личного состава антиталибской коалиции. Силы Северного альянса после гибели Ахмада Шаха Масуда возглавляет 44-летний генерал Мухаммад Фатимхан. Военные эксперты отмечают отсутствие у Северного альянса организованных, хорошо обученных и оснащенных формирований, способных успешно вести масштабные наступательные операции.

По официальному заявлению министра обороны РФ Сергея

Иванова, Северный альянс уже в течение десяти лет получает военное-техническую помощь от России. Сейчас ему поставляются военные грузы, ориентированные на активное использование в наступательных операциях: танки, бронетранспортеры, системы залпового огня, а также большое количество боеприпасов, стрелкового оружия, патронов к нему и топлива для техники.

Народ Афганистана, претерпевший огромные страдания в прошлом и терпящий их сейчас, заслуживает лучшего будущего. Понимая это, российское правительство выделило более ста миллионов рублей и четыреста тысяч долларов для закупки и транспортировки гуманитарной помощи. Только за первую декаду октября МЧС России доставило туда более 130 тонн гуманитарных грузов. По признанию афганского военного атташе в Таджикистане Вадуда Кундуси, Россия пока единственная страна, которая направляет в Афганистан вещи, без которых афганцы не смогут пережить ближайшую зиму. Ведь борьба против терроризма становится более эффективной, если наряду с решительными военными действиями идет битва за социальную и экономическую справедливость, умы и сердца людей.

В этом контексте становится понятной политика российского руководства по отношению к событиям в Чечне. Чеченский народ, как и народы Афганистана, оказался разменной монетой в далеко идущих планах сил международного терроризма и религиозного экстремизма, пытающихся создать на юге России плацдарм для своей глобальной экспансии. Сегодня уже невооруженным глазом видно, что афганские и чеченские террористы — ветви одного дерева. В 1997 — 1998 годах у талибов побывали проповедники так называемого "нового исламского порядка" в Чечне Зелимхан Яндарбиев и Мовлади Удугов. Идеологи чеченского сепаратизма и их боевики служат бен Ладену, от которого и вернулся весь мир. Так называемая "шариатская шура", созданная в Чечне, является крылом военизированной террористической организации "Аль-Кайда". Чеченские боевики проходят во-

енную подготовку в лагерях талибов в Афганистане. Это давно уже знают и чувствуют на себе федеральные силы, в том числе и части внутренних войск МВД России, действующие в Чечне в рамках операции по установлению конституционного порядка. Цена стремления к этому порядку — тысячи погибших и раненых российских военнослужащих. Можно только восхищаться самоотверженностью и героизмом наших солдат и офицеров!

Россия всегда рассматривала ситуацию в Чечне в международном контексте. Многие наблюдатели на Западе полагали, что Москва, воспользовавшись американской операцией возмездия в Афганистане, попытается "под шумок" обрушить на чеченских боевиков новые неожиданные и мощные удары. Однако ничего подобного не случилось. Напротив, российские власти предприняли в отношении Чечни шаг, который мало кто ожидал. Президент РФ Владимир Путин предпочел обратиться к тем, против кого федеральные силы вот уже два года проводят антитеррористическую операцию, чтобы они поврали все связи с террористами, сложили оружие и начали мирную жизнь. Руководство России не отождествляет весь чеченский народ с бандитами и иностранными наемниками. Часть чеченцев могла взять в руки оружие под воздействием эмоций и ложных лозунгов, а также в результате навязывания им искаженных нравственных ценностей. Предлагая им все трезво взвесить, центр оставляет за этими людьми право самим теперь определиться, с кем они: с международными террористами и наемниками или с подавляющим большинством человечества и чеченским народом.

Борьба с международным терроризмом набирает обороты. Наступило время "Ч". У международных преступников не осталось никаких шансов. На переднем крае борьбы с ними в одном ряду с международными силами стоят и внутренние войска России, не раз в тяжелых испытаниях доказавшие глубочайшую верность присяге, Родине, своему народу.

Полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото Дмитрия БЕЛЯКОВА
и из альбома
Александра ЯНКЛОВИЧА

СПЕЦНАЗ ВОЮЕТ ЗА ИДЕЮ

Если дорог тебе твой дом

ЕМУ долго не везло с наградами. За "первую Чечню" представляли к ордену Мужества. Не проходили наградные документы в высоких инстанциях. По причинам совершенно формальным и пустяковым, о которых он сегодня и не помнит. Не везло и все тут. Даже ранения не "помогли". Потом после войны за выполнение специальных задач на чеченской границе весной 98-го вновь на "Мужество" послали наградной. Трижды возвращалось представление: то оформлено неправильно, то формат бумаги не-

стандартный. Наконец сверху дали понять: надо подкорректировать характеристику с учетом того, что боевых действий в регионе нет. Словом, обтекаемо, без подробностей, одними намеками. Не придумали в полку, как тут исхитриться, и махнули рукой: на нет и суда нет. Посочувствовали только: "Видать, не судьба тебе, капитан Янклович, орден носить. Хоть и заслужил ты его по самому большому счету. Не обижайся, брат". Он не обиделся. Сказал серьезно:

— Спецназ не за награды воюет. За идею. И будет воевать с бандитами до полной победы.

Позже, когда был подписан президентский Указ о присвоении ему звания Героя России, командир группы спецназначения капитан (ныне майор) Александр Янклович, отвечая на вопросы одного дотошного корреспондента, очень понятно растолковал, за какую идею воевал и вновь готов с братишками под пули идти:

— Перед выездом на боевые в августе 99-го я солдатам своим на живых примерах разъяснил задачи федеральных сил в Северо-Кавказском регионе. Напомнил о страшных преступлениях против русских в Чечне. О том, сколько людей за-

хвачено в рабство и для получения выкупа. О бандитском беспределе в приграничных районах. Вывод: не накажем агрессоров — террор пойдет гулять по всей России. Так что если дорог тебе твой дом, солдат, вой с бандитами отважно и умело, ты сражаешься за покой страны. За то, чтобы твоим сыновьям через двадцать лет не пришлось идти с боями по кавказским дорогам. Вот она, наша идея.

Очень убедительно тогда прозвучали слова Героя перед журналистским диктофоном. Ну а что касается ратного умения, без которого не победишь матерых врагов, то его, как и правильных идей, укрепляющих моральный дух человека в погонах, тоже не занимать ни командиру, ни бойцам его ГСН. На том стоит спецназ. И берет верх над бандитами в самых критических ситуациях...

Боевое крещение

КОГДА отряд, успешно выполнив задачи по зачистке селений Ботлихского района Дагестана от недобитков, прибыл в Кадарскую зону, Александру сразу же пришла на ум пословица про цветочки и ягодки. “Здесь, пожалуй, будет покруче, чем в “первой Чечне”, — подумал. — Молотиловка идет будь здоров!” Однако по старой привычке находить плюсы при любых неласковых обстоятельствах загасил чувство тревоги, поблагодарив судьбу за то, что дала возможность обкатать необстре-

ленных пацанов во фронтовой обстановке без потерь. Втягивались в боевую работу, как новички в учебный процесс. От простого — к сложному. В Шадроде наступающим спецназовцам противостояли лишь группы прикрытия “духов”; постреляв для острастки, они быстро сделали ноги. Не встретив сильного сопротивления, точно нож в масло, вошли спецы в Ансалту и Рахату.

В ходе операции было обнаружено и уничтожено 28 минно-взрывных заграждений, захвачено 10 единиц стрелкового оружия с большим количеством боеприпасов; капитан Янклович лично подбил из гранатомета машину отступавших ваххабитов. Неплохой результат для начала. А главное — солдаты понюхали пороху, получили психологическую закалку. Для Янкловича и других фронтовиков это было так же важно, как пристрелять новое оружие перед выходом на задание: отряд молодой, четырех месяцев не прошло после старта на полигонной дистанции — и тут позвала труба в поход. Правда, разбег взяли мощный, стремительный, Александр давал на занятиях такую нагрузку, что мало не казалось даже матерым “беретам”. Но как бы высоко ни была поднята тренировочная планка, невозможно за короткий срок на учебном оселке отточить навыки слаженных действий. Иное дело — оселок боевой. Он и на прочность испытывает жестко, и правит скоро. Лишь бы металл был высокой

пробы, да мастера при нем опыт имели.

Мастерами группу Бог не обидел, при формировании отряда плотно занимались подбором опытных бойцов, прошедших школу в элитных подразделениях, — тоже плюс большущий, настраивал себя на мажорный лад капитан, собираясь за “ягодками”. Один прапорщик Вячеслав Молоков* целого отделения стоит. Старшина Олег Редяев, сержанты Андрей Болдырев, Александр Камышан и Вячеслав Балаклеец — умелые, отважные спецы. Снайпер рядовой Виктор Асинов — зоркий глаз, верная рука. Ну а на запов, старших лейтенантов Кайрата Маусова и Анатолия Докшева, он, Янклович, как на самого себя, готов положиться — кремь мужики.

Есть крепкое ядро. Его команда получила боевое крещение. Увереннее, решительнее стал работать отряд, которым недавно приросла когорта спецназа внутренних войск. Молодо не зелено. Можно воевать по полной программе.

“Шмсли” жают смертельно

2 СЕНТЯБРЯ выехали с командиром на рекогносцировку — изучить визуально противника, уточнить нарезанные задачи. Впереди разведчики, следом — на прикрытии — группа Янкловича в полной готовности к бою. Чувствовал Александр: по всем признакам

*Некоторые фамилии изменены

денек обещает быть очень жарким. Повернувшись к Вячеславу Молокову, выразительно шевельнул стволом.

— Слышишь, Славик?! Принимаем боевую стойку! Кажется, готовы нам встречу с оркестром...

— Все будет тип-топ, с ответом не задержимся! — азартно сверкнув глазами, ответил бесстрашный прапорщик.

На подступах к Карамахам нарастает захлебистый пулеметный лай, гулким эхом в горах отзывается грохот "шайтанок". В эфире на тревожной ноте — позывной "калачей": бандиты крепко зажали колонну бригады, подбит бэтээр, есть "двухсотые" и много "трехсотых".

— На тебя, Юрьич, вся надежда. Пойдешь со своей гвардией спасать калачевцев, — осмотрев в бинокль окрестности, сказал командир отряда. — Не хотелось бы дробить нашу группу, у самих каждый штык на счету, да иного выхода нет. Пока пришил подмогу, "духи" расколошматят к дьяволу колонну. Там, сообщают, все офицеры ранены. План такой: быстро выдвигаешься на северную окраину села, в тыл бандитам, и занимаешь лысую высотку, не доходя до макушки, она наверняка ваххабитами из минометов пристреляна. Дальше — снайперская техника. Как учили. С Богом!

Янклович мысленно поаплодировал полковнику, давшему ключ к решению непростой тактической задачи. "Внезапный и скрытный маневр — считай, половина успеха.

Затем, оценив на месте ситуацию, подловим "духов" на крючок. Хитрый ход подскажет обстановка. Только бы не засветиться раньше времени, а там покажем такую технику — шайтанам в аду тошно станет", — подстегивал себя на бегу, прокручивая в голове разные варианты предстоящего боя.

Расстояние до плешивой сопки прошли на одном дыхании. Цена выигранным у бандитов секундам — жизнь попавших в беду братишек из калачевской бригады. Об этом не нужно было напоминать ни Молокову, ни Маусову, ни Докшеву, ни Камышпану, ни Асинову, ни молодым взводным Андрею Луконину и Дмитрию Аташеву, которых взял с собой командир ГСН на трудное и опасное дело.

Так же стремительно прозвенели по крутому каменистому склону. Залегли в траве. Минута, другая на размышление-решение. Бандюки долбят по нашим с капустного поля — сверху видно даже без бинокля. Груша у них небольшая, но засечь огневые точки калачевцы не успевают, "духи", ловкачи натасканные, перемещаются с неуловимой быстротой. Нужно перехватить у них инициативу.

— Камышпан, спускаешься вниз и начинаешь молотить по бандитам с фронта, непрерывно меняя позиции, — махнул рукой капитан. — Отвлекаешь своим пулеметом внимание "душков", втягиваешь их в перестрелку. Пусть побегают по капусте. А мы тем временем с тылу им задни-

цы поджарим. Вперед, Саня! Остальные работают парами... К бою!

— Классно придумано, командир! — одобрил прапорщик Молоков.

— Ты ж сам сказал, все будет тип-топ, — подмигнул Вячеславу Александр, снимая с плеча тубус "Шмеля".

Лихой маневр спецназа был полной неожиданностью для ваххабитов. Клонув на приманку, они, как и рассчитывал капитан, перенесли огонь во фронт, пытаясь разделаться с невесть откуда взявшимся пулеметчиком. Бойцы тут же засекли цели. И — дружно из реактивных огнеметов по врагам. "Шмели" жальют смертельно. Опешившие "духи" выскочили из укрытий и попали под меткие пули и воги Янкловича и его спецов...

Откуда стреляли "кукушки"?

ТОЛЬКО обеспечили отход калачевцев — новый приказ. Надо подсобить разведчикам отряда: бандитские снайперы, будь они неладны, достали.

Прибыли в указанный район, прикинули расстояние до зданий, откуда стреляли "кукушки", — далековато. Разве что из башенного КПВТ попробовать... Правда, риск немалый: без помощи корректировщика наводчику не справиться, а тому, кто будет давать целеуказания, придется заскочить на броню бэтээра, а значит, стать удобной мишенью для "духовских" стрелков. Но когда надо выручать товарищей, о риске меньше всего думаешь.

— Камыш, повторим нашу игру, у тебя это здорово получается! — кивнув пулеметчику, указал позицию Александр и присоединил к автомату магазин с трассерами. — Я буду на "коробочке" корректировать огонь наводчика.

И на этот раз хитрый замысел удался на все сто. По командам капитана водитель и пулеметчики работали четко и слаженно. Засветил бандит свое укрытие, вступая в перестрелку с Камышпаном, — бэтр стремительно выезжает из-за дома на открытую позицию, Янклович с кормы

посылает трассерные пунтиры в сторону находящейся на большом удалении цели, наводчик ефрейтор Дмитрий Васильев бьет туда из крупнокалиберного "владиминова". Двумя очереди — и скоренько назад, за укрытие. Несколько раз так выскакивали, охотясь на снайпера. Наконец засекли его позицию. Вслед за светящимися промельками трассеров Васильев послал длинную очередь в окопчик под фундаментом здания. Во время зачистки в том месте найдут пулемет и винтовку "Магnum" с мощной оптикой.

К концу дня благодаря военной хитрости и отваге Янкловича были уничтожены еще три вражеских снайпера.

Командирский поступок

ДАЛЬШЕ — сплошь ягоды, с предельным боевым напрягом пришлось работать.

7 сентября — большая охота. Испытанной в анτισнайперской борьбе 2-й ГСН — задание самое трудное. Действуя в авангарде отряда, захватить две господствующие высоты и обеспечить огневое прикрытие штурмовых групп. Продвигаться к селу околным путем, по ущелью, спугав все карты противнику. "Духи" в Карамахах за свои тылы особо не беспокоятся. Уверены: атака федералов начнется по классической схеме — со склонов гор вниз, характер здешнего рельефа исключает другие варианты. Себе дорожке с полной выкладкой перетяся по непроходимым местам, где лобой рискует шею свернуть. Именно поэтому было принято дерзкое по замыслу решение.

— На выходе из ущелья нас не ждут. Там почти отвесные склоны, — сказал командир отряда. — Нам это на руку. Чем труднее дорога, тем больше шансов красиво завершить маневр. Докажем, что спецназу под силу невозможное. Твоя группа — остальным пример, пойдете первыми. Отряд — вслед за вами. Мы должны пройти. И пройдем!

Они прошли. На спецназовской воле, на русском характере, на боевой злости. Следуя примеру капита-

на, у которого слово "надо!" всегда соединено с мобилизующим командирским поступком: "Делай, как я!".

Мокрые, как из парилки, седые от пыли бойцы и офицеры, цепляясь изодранными ладонями за камни, подсаживая и подтаскивая друг друга, из последних сил вскарабкались наверх. Перевели дух. И, как было задумано, стали окружать дома на окраине. В ответ — тишина, ни единого выстрела. Бандиты "пасли" военных с противоположной стороны. А спохватились — было уже поздно. Спецназ основательно закрепился в домах — не скovyрнуть.

На рассвете — рывок 2-й ГСН. Доклад Янкловича по радиации: "Готовы выполнять задачу. Две высоты — наши. Земля тут твердая, каменная. Не окопаешься. Поэтому предусмотрел запасной вариант". Командир отряда: "Пять баллов, Юрьич! Маневрируйте согласно обстановке. Держитесь!"

Началась боевая работа. Покуда подтягивались штурмовые группы, "душманы" открыли из "зеленки" минометный огонь по высотам, пытаясь сбить оттуда силы прикрытия отряда. Засвистели снайперские пули. Вот где по-настоящему туго пришлось... Ранение за ранением — у Аташева, Докшева, Маусова и еще у девяти бойцов. Будь на месте Александра офицер послабее, наверняка все там кровью умыли бы. А он и за себя, командира, и в роли санитаря поспевал управляться. Приказав старшине Редяеву со всех сторон закрыть позиции дыма-

ми, рассредоточил солдат по скалам. Давая целеуказания, крепко поддержал стрелков из подствольника. Вытащил из-под огня и перевязал пятерых раненых.

Тем временем штурмующие подразделения с боем продвинулись к очередному рубежу на юго-западной окраине Карамахов. Дальше, в глубь села, без артиллерии — никак. Янкловичу — отход.

На этот случай еще утром, когда его спецы оседлали сопки, Александр облюбовал пустующие дома севернее взятых высот. Там удобно и круговую оборону держать — из окон хорошо просматриваются подходы, и обеспечивать огоньком атакующих. Одно "но": от группы горстка осталась.

— Нам ли быть в печали, пацаны! Из пекла вырвались. Погибших нет. Живем! — организовав эвакуацию раненых, подбадривал уцелевших бойцов Янклович. — А для снайперской дуэли аккурат стволов хватит.

Горстка храбрецов во главе с капитаном в течение двух суток была для ваххабитов как кость в горле. Восьмерых снайперов нашибали из укрытий. С учетом боевой сноровки "духов" — впечатляющий результат. Знай наших!

Палочка — вырчалочка

10 СЕНТЯБРЯ. Близятся к финалу горячие события в Кадарской зоне. И вновь изрядно поредевшая

группа Янкловича — как палочка-выручалочка. И для своего отряда, и для соседней.

В тот день Александр несколько раз был на волосок от смерти. Рассказывает мне об этом, улыбаясь глазами — мол, везучий я, не берут снайперские пули. Лишь глубокие затяжки сигаретным дымом выдают его чувства. Душой он еще там, в кадарском аду:

“Утром по распоряжению командира вывел свою ополовиненную группу на отдых. Три ночи без сна. Все валятся с ног от усталости. Хоть бы часок нормально покемарить. Куда там! Нашим поставлена новая задача. Вперед! А тут еще в Чабанмахах снайперы начали долбить 17-й отряд, не могут спецы прорваться. Надо отвлечь “духов”. Опять мне задача. Генерал, руководитель операции, показал на карте маршрут. Из ущелья — в гору. “Действуй!” Ну что ж, не привыкать. Придали нам 50 омонцев и 10 сибровцев из дагестанского спецбатальона. Я их проинструктировал по вопросам взаимодействия — и пошли. Спустились в ущелье, впереди — склон, почти отвесный. Стена. Начнут сверху бить — не пройти нам.

На наше счастье, вижу — десять армейских танков. Я к командиру: “Выручай, брат!” — “Без проблем!” Танкисты кляли снаряды перед нами метров за 20-25, не давали бандитам высываться. Свист — мы жимаемся в землю за камнями, после взрывов — рывок. Так, словно за огненным щитом, поднимались к вершине. А как перевалили на обратные скаты, кончилась лафа: не достают туда пушки. И сразу “духовские” винтовки защелкали. После первого же выстрела омонцев как ветром сдуло. За пятнадцать минут вниз скатились крутые ребята. Очевидно, не нюхали пороху. Бывает. Скатертью дорога, думаю, такое войско — только обуза.

Упали на землю, чертыхаемся — место неудачное, открытое. Прижимают, гады, капитально, головы не поднять. Мы с Редеем работаем в паре. Рывочек — кое-как укрылись. Я — за разбитым ЗИКом, он метрах в пяти от меня — за КамАЗом. Крутится, как заяц, уворачиваясь от

пули. У меня похолодело внутри: еще немного — и достанут его волчары. Подползает Балаклеец со “Шмелем”. Я ему: “Давай!” Слава — на пули ноль эмоций! — начал дома напротив крушить. И тут я снайпера упас. Нарисовался он в окне — я по нему из подствольника. Попал! Из “гэпэшки” нормально стреляю, опыта во!

Бандиты чуть приутихли. А через минуту-две — “Аллах акбар!” — давай с новой силой по нам мочить. Я приказал Молокову с его бойцами зайти сбоку, между домами, и с фланга прижать “душков”. Остальным командую: “По моим сигналам из РПО синхронно, залпами!” Эта тактика у нас отлично отработана. Загасили несколько огневых точек. Три-четыре продолжают плотно долбить, а у нас “Шмели” кончились.

Умоляющий крик Редяева: “Парни, вытащите, дайте хоть немного повоевать!” Помог Болдырев Андрюша — красавец мужчина. Из кремлевского полка, между прочим, всю срочную строевой занимался, а тут такие вещи творил... По моей команде стреляем из автоматов, Андрюха — РПГ на плечо, только “дух” высунулся — получай, фашист, гранату! Тот, не успев “проакбарить”, вылетел от взрыва из окна. Эффектное зрелище. Как в кино! Пользуясь моментом, я прыгнул в высокую траву за обочиной, чтобы Олега хорошенько прикрыть, дать ему возможность поползти из-за машины и найти более надежное укрытие. Маленько не рассчитал — засек меня снайпер. Шельвельнусь — пули впереди чух, чух, чух. Начинаю отползать — сзади по грязи чмокают. Вилка! Эх, пан или пропал — ору Редяеву: “Олег, кидай дымовуху, прикрываю!” Бью длинными очередями, “дух” лупит по мне, пули в траве возле локтей — шух, шух. Редяй бросает дым, выскакивает стремглав в сторону, я, продолжая строчить, вижу: под ногами Олега фонтанчики земли, один, два... четыре... Слава Богу, не зацепило. Выбрался! Мой черед. Тоже швыряю дым и каким-то чудом под пулями добежал до холма вслед за сержантом.

Слышу: пальба на фланге. Браво, грозный прапорщик жмет бан-

дитов! Стало веселее. Общими усилиями прорвались с соборцами в указанный район. Накоротке советуемся, как быть. Я говорю: “Выше нас — дома. А уже темнеет. “Духи” из подствольников нас накроют влёт. Будем атаковать — брать эти дома”.

О дальнейших действиях капитана Янкловича и его группы расскажем скучными строками наградного листа. По-военному точные и лаконичные, они подчас убедительнее самого яркого и образного повествования.

“Под умелым руководством капитана Янкловича А.Ю. с дальних подступов были подавлены основные огневые точки ваххабитов. Грамотно оценив обстановку, командир группы принял решение атаковать противника с ходу и лично возглавил атаку. Решительным броском достигнув вражеских позиций, капитан Янклович А.Ю. и его подчиненные вступили в рукопашную схватку с бандитами, в ходе которой отважный офицер захватил в плен боевика. Получив пулевое ранение в ногу, капитан Янклович А.Ю. продолжал командовать группой до полного выполнения поставленной задачи. Благодаря его инициативе и мужеству указанный рубеж на окраине н.п. Кармахи был взят, что явилось решающим моментом в ходе освобождения села от незаконных вооруженных формирований”.

ЭТО село освобождено. Освобожден от захватчиков Дагестан. На сегодня завершена военная фаза контртеррористической операции в Чечне. Но в регионе по-прежнему горячо. Стреляют. Поэтому не вылазят спецы с Кавказа. Тянутся чередой тревожные командировки Героя России майора Александра Янкловича и его товарищей. Спецназ продолжает воевать. Не за награды. За правое дело.

Подполковник
Андрей МАКАРОВ
Фото автора

Батальон

на войне

Вот он, как на ладони, низкий и почти сельский Гудермес, несостоявшаяся чеченская столица. Перед ним поселок Дружба, потом стоит наш батальон от сорок шестой бригады и уже за нами начинаются горы.

И чего скрывать, сегодня огороженная территория батальона в чеченском предгорье, как островок России. Те же, кто здесь сегодня служит, считают даже более определенно, что островок этот земли Кировской, поскольку именно там формировался батальон перед убытием в Чечню.

Комбат подполковник Олег Бездобразов и сегодня хорошо помнит, как год назад создавался батальон. И как лично он ни отбирал офицеров, тех кого знал, в ком был уверен, а все равно половину из них пришлось призывать через военкомат из запаса. Две недели пути в воинском эшелоне, короткое обустройство, и с первого ноября батальон приступил к выполнению боевых задач. А это операции по всему югу

Чечни, в Аргуне, Центгоре. Разведка, инженерная разведка, служба на взводных опорных пунктах, сопровождение колонн. Так все это закрутилось, что, кажется, время здесь летит куда быстрее, чем на Большой земле.

Обустройство

Конечно, первые дни службы батальона и день сегодняшний — это небо и земля. Давно уже забыли про полевые кухни, заготовку дров и времена, когда свечи ценились на вес золота. Когда первая лампочка зажглась, был настоящий праздник. Пекут хлеб, живут с электричеством и газом. Да и новенькие домики вот-вот примут новоселов. Тут и спонсоры помогли, подмосковная Электросталь, снабдив телевизорами, выделив деньги на подписку. Кстати, поскольку визиты шефов стали постоянными, теперь они просто собирают заявки и с очередным гуманитарным рейсом достав-

ляют заказы. В последний раз это была, к примеру, обувь для женщин и спутниковый телефон, по которому теперь можно без проблем связаться с домом.

Присылает Электросталь даже корреспондентов местных газет, чтобы потом расписать, как живут подшефные и какая еще помощь им нужна.

Мы и чеченцы

А чеченцы, вот они, рядышком. Им любая наша воинская часть за счастье. Развернули торговлю — все что хочешь достанут и принесут. Только плати. И фрукты, и овощи на лотке, и шашлычок сготовят, фото пленку проявят. Форма износилась? И здесь обеспечат лучше военторга, даже к дембелю солдату сумку преподнесут камуфляжной расцветки и с надписью "Великая Россия".

И в городе, с кем из местных ни поговоришь, все друзья России на веки вечные, ненавидят бандитов и

*Фамилии изменены

мечтают о временах СССР. На самом деле все куда сложнее.

Однажды двое срочников решили поближе познакомиться с местными. Увольнений здесь нет, так их прямо из караула в гости зазвали. Сходили ребята ночью к новым знакомым раз, другой. На третий пропали. Их нашли на городской свалке со вспоротыми животами.

И молодых мужчин среди местного населения раз-два и обчелся, и в ином доме на вопрос, где мужчины, не лукавая могут бросить:

— Как где? В горах.

А так все в порядке. У всех паспорта. Через одного имеют удостоверения МВД, ФСБ, местной администрации. И даже непонятно, откуда тогда боевики берутся.

О "боевых"

Редко бывает все хорошо, особенно в наше время. Есть свои проблемы и в батальоне, как характерные и для других частей 46-й бригады, так и свои, возникшие прежде всего из-за удаленности от основных частей группировки.

Прежде всего, это проблема с "боевыми". То, что творится начиная с мая, многие офицеры иначе как бардаком не называют. Взять хотя бы июль. Были две крупные операции, проходившие по несколько дней. Простой расчет: число участвовавших умножаем на дни. Теперь прибавим к этому инженерную разведку, сопровождение колонн, тех, кто несет службу на взводных опорных пунктах. Всем им и по закону, и по справедливости надо бы заплатить положенное. Но выделяется на часть "боевых дней" в четыре раза меньше, чем необходимо.

На середину сентября нет приказа по "боевым" за март, апрель и июнь.

Но если это еще как-то можно объяснить тем же недостатком денег в казне, то как оценить такой факт? 27 мая батальон получает свой лимит по дням и распоряжение соот-

ветствующие приказы представить в Ханкалу в штаб группировки к 31 мая. Приказ-то подготовили, а вертолета нет. Вылетает офицер первым же бортом и 3 июня доставляет документы в Ханкалу. А там перед ним разводят руками: "Опоздали"...

Неразбериха творится и со сроками выслуги. Читаешь закон, там написано: день за три. Но представления на очередное воинское звание возвращаются назад.

Причем все это усугубляется тем, что люди-то увольняются, переводятся. И если не разобраться с этими вопросами сейчас, в дальнейшем будут судебные иски.

О службе и доме

Висит в палатке распорядок служебного времени. "Прибытие на службу — 8.45 утра, убытие — 17.45". Лукавый распорядок. Вроде

как без пятнадцати шесть куда хочешь, туда и иди. А с другой стороны, вроде как напоминание, да, мы живем в экстремальных условиях, но на постоянной основе. И здесь связь с домом имеет особое значение.

Воскресенье. В батальоне час письма. Сидят срочники, перышком скрипят. Написал письмо, отдал конверт командиру — тот галочку в списке поставил. "А как иначе, — говорит оставшийся за заместителя командира по работе с личным составом майор Евгений Трушин, — волнуются же родители. И пусть письма от нас порой по два месяца идут, лучше уж родители сразу пачку писем получат и читают по одному до следующей оказии".

У психолога батальона майора Сергея Рыжкова свое пожелание.

Ведь приезжают в ту же Ханкалу преподаватели военных вузов, у них богатый теоретический опыт, у нас практический, отдельная, обособленная донельная воинская часть. Вот бы и свести нас вместе, чтобы они с нами поварились, порой подкаказали, что и как. А то "академики"

наши дальше Ханкалы уехать не могут.

Не секрет, что многие военнослужащие-контрактники ехали сюда, чтобы побыстрее обрести жилье. Причем они даже не надеялись на получение квартиры во время службы в батальоне. Формировались то в другом округе, туда и хотели бы

вернуться. Да и здесь за год службы квартиру получил пока лишь один офицер — начальник штаба, и то теперь думает, как обменять жилье в Новочеркасске на родной город. Рассчитывали на другое — подкупить “боевых” и самим купить себе жилье.

Однако с “боевыми” вышла неувязка. Пережили и это, но пожелание одно у офицеров есть. Нельзя ли для них открыть накопительный счет в надежной строительной фирме, чтобы туда наши “боевые-премиальные” и перечислять.

О наградах

Каждый труд должен быть вознагражден, в том числе и воинский. Ну про деньги уже говорили достаточно много, но не они же все решают. Сегодня для поощрения остался один резерв — доброе слово. Год службы батальона в Чечне. Награды — одна медаль и несколько знаков “За отличие в службе”.

И опять здесь выручают шефы. Вымпел Электростали вручается лучшему взводу. Знамя города — лучшей роте. В очередной визит привезли медали “За ратную доблесть” от объединения “Боевое братство”, которым руководит губернатор области генерал-полковник Промов. Все пятнадцать вручили отличившимся в сентябрьском бою. Как на фронте — через два дня после боя. И как и должно быть.

Но ведь не только за подмосковный городок живут и воюют они здесь! Вы объясните увольняющемуся солдату, который год с лишним не вылезал из окопов и протопал сотни километров чеченских дорог, что не заслужил он не то что медали, а даже и знака!..

А цена-то вопроса не в миллионы рублей, как за “боевые”. Здесь же у части чеченцы торгуют. Сто рублей — знак, надо — и удостоверение сделают, как и положено, с печатью. Правда, к увольнению цены у них возрастают, но неамного. И покупают бойцы. Ведь он

же домой из Чечни едет. Как же без награды?! А ну как не поверят, что ты честно отслужил, получив за все время лишь благодарственное письмо домой!

Награды эти, купленные у посмеивающихся торгашей, наденет

он только в поезде, подъезжая к дому, чтобы батальон не подвести. Удостоверение-то липовое! В тех же Минеральных Водах на вокзале патруль может и знак отнять. У всех свой бизнес.

Два дня осенью

А осень в Чечне совсем не такая, как в остальной России. Днем все так же припекает солнце, зато ночью кутаешься в одеяло и мечтаешь, чтобы поскорее подали в палатку газ. Да и днем тепло-тепло, а то вдруг накатят

с гор тучи и ударит дождь, да так, что за периметром без резиновых сапог и шагу не сделаешь.

17.09

Их колонна вошла в город ночью. Два грузовика, автобус, шесть легковушек. Они появились словно ниоткуда, словно нет в Чечне блокпостов и КПП. Полные боевиков машины проехали Гудермес и встали на окраине. Здесь им авансом заплатили деньги, раздали привезенное загодя оружие и боеприпасы и нарезали позиции у железной дороги и с другой стороны шоссе, в частном секторе, среди домов, сараев и огородов.

Чеченский снайпер присмотрел позицию на втором этаже примыкающего к дороге дома. Еще два бан-

дита, поискав себе укрытие, наконец пристроили миномет, наведя его в сторону дороги.

Без помощников здесь не обошлось. Позиции и цели были намечены заранее. Да и город еще накануне словно вымер. Чеченцы, как по сигналу, уезжали целыми семьями.

А кто и оставался

— заранее занял место в подвалах.

С тех пор как Гудермес хотели сделать чеченской столицей, здесь оставили некоторые министерства. В скромном двухэтажном здании у дороги разместили чеченский Минсельхоз. Ночью министерство охраняли два чеченских милиционера.

мотор позиций бандитов, где могут остаться и раненые боевики.

Всю дорогу под гусеницами был странный хруст. Стоило спрыгнуть с брони, и под ногами увидели сотни гильз. Здесь же осколки, вспоротые цинки, воткнувшись в асфальт, торчат неразорвавшаяся мина. Лежит ствол СПГ, посеченный осколками. И остовы машин.

В боевой машине пехоты от падения гранаты сдетонировал боезапас. Корпус вздутый и раскуроченный, броня лопалась, как жестяная консервная банка. Сорванную взрывом башню забросило метров за тридцать. Летела выше деревьев и упала во двор дома.

Рядом створившие дотла "Уралы".

Над дорогой изрешеченная труба шипит, выпуская воздух. Местные жители наводят порядок, убирают стекла, битый кирпич. Мертвых коров вытащили к дороге. Хозяйка одной злобно ругает военных.

Комбат, не выдержав, взрывается:

— Да у меня восемь пацанов напротив твоего дома погибло. Не надо было бандитов к себе во двор пускать.

Мы идем по дворам, одну за другой находя лежки боевиков, по гильзам, по сделанным наспех амбразурам. Нашли и брошенные документы — медаль "От благодарного афганского народа", приколотую к удостоверению. А эта находка радует. Искореженный взрывом магазин снайперки под развороченным взрывом снаряда БМП окном. А вот цинк из створившего "Урала", шедшего с боеприпасами. Кто-то из местных уже после боя аккуратно вскрыл его и унес патроны.

Здание Минсельхоза пусто. Разбитые окна, кирпичная крошка в кабинетах, какие-то бумаги со сводками по уборке разбросаны по полу. Документы набраны на компьютере и отпечатаны на принтере. Только вот что-то ни одного компьютера не видно. Похоже, кто-то здесь уже провел зачистку сразу после боя.

Город оживает на глазах. И возвращаясь на машинах, местные, остановившись на КПП, не устают на показ ругать неожиданно напавших на Гудермес боевиков. Вот только на вопрос, почему и куда уезжали из города, лишь пожимают плечами:

Когда в пять утра в дверь черного хода постучали, они открыли, отдали бандитам оружие и... ушли домой.

К утру бандиты с двух сторон держали под прицелом прилегающую к железке дорогу.

В шесть пятнадцать утра в километре отсюда часть боевиков атаковала здание сводного отряда милиции Бурятии. Полуразрушенная еще, может, в первую войну двухэтажка была неплохо укреплена. В окружавшем ее заборе сделали амбразуры, и теперь милиционеры, запросив помощь, яростно отстреливались.

Батальон 46-й бригады поднялся по тревоге. Толком не прогревшись, БТРы, БМП, ГАЗы-66 и "Уралы" штурмового отряда двинулись на помощь попавшим в беду милиционерам. Повел колонну комбат.

Когда она вышла на дорогу, по ней ударили сразу с двух сторон. Гранатометчики били по бронетранспортерам и БМП, пулеметчики и снайпера по — "Уралам". Да еще миномет кидал мины точно посередине дороги. Запылал ГАЗ-66. Замкомбата майор Евгений Трушин в триплекс увидел, как загорелась шедшая впереди БМП. Впечатление было, будто бьют отовсюду.

И лишь когда спешили, рассредоточились и открыли прицельный огонь, немного придавили "духов". Один снаряд от БМП попал прямо в окно, откуда бил снайпер. А в эфире все это время был призыв о помощи от СОМа

Комбату с бронетранспортером

и БМП удалось вырваться из огневого мешка и прорваться к ним. Успели вовремя, у милиционеров уже и боеприпасы были на исходе.

А у переезда тоже продолжался бой. Вместо погибшего командира роты командование принял его заместитель капитан Евгений Волосняков. Раненых собрали в БМП и отправили в батальон. На первом же перекрестке по машине ударили из РПГ. От взрыва гранаты она завертелась на месте, как волчок. В открывшиеся дверцы раненые попросту повывлетали, и кто сам, кто с помощью товарищей, добрались до укрытий. В следующее мгновение в БМП рванул боезапас.

Бой шел несколько часов. Прилетели, отработали по боевикам "вертушки", вела огонь и минометная батарея батальона. Помогла и работавшая здесь же разведка 46-й бригады.

И лишь в четыре часа дня, когда бандиты поняли, что уничтожить штурмовой отряд не удастся, бой стал затихать.

19.09

Мы идем, повторяя путь расстрелянной колонны. Да другого пути в город просто нет. Впереди, как и в тот день, саперы, затем разведка. Бронетранспортеры, "Уралы", БМП. Замыкает колонну БТР медиков — бронированная "скорая помощь". Сегодня будут "чистить" Гудермес. Задача батальона — выставить передвижные КПП на перекрестках. И еще одна, негласная, — поиск и ос-

— Все поехали, и я поехал.

Мы продолжаем чистить город. Найдены и задержаны мужчины с огнестрельными ранениями, изъято оружие, боеприпасы, автомобиль с поддельными документами. Все данные от поисковых групп сходятся к полевому штабу у районной больницы. Здесь же стоит и резерв на случай осложнения обстановки.

Есть уже и оперативные данные о событиях семнадцатого сентября. Среди нападавших были и арабы, и негры, свыше пятидесяти бандитов ранено. Где они теперь? В каком городе вновь соберется для удара расценная в Гудермесе банда?

Наступает вечер. Операция закончена, и колонна батальона возвращается в расположение.

О солдате

Комбату в части всегда дело найдется. Но за всеми делами подполковник не забывал о просьбе раненых солдат зайти к ним. Их, только вывезенных из боя, погрузили в "вертушку" и отправили в Северный, где в расположении бригады стоит, помимо медсанбата и МОСН, медицинский отряд специального назначения. Потом "тяжелых" переправили во Владикавказ, а легкораненых должны были отправить в Нальчик. Да вот упросили врачей в медсанбате бойцы, чтобы их вернули долечиваться в часть. Их и вернули, с дурацкой записью в медкарте: "Направляется для лечения по месту жительства". Хотя для всех в батальоне Гудермес действительно сегодня место жительства. Так о чем может мечтать солдат? Что попросят раненые бойцы? Досрочный дембель? Допцаек? Или телевизор в палату?

Но не смог в этот раз угадать их желания комбат. Все девять раненых срочников попросили, чтобы с ними заключили контракт. Чтобы служить и дальше. Нельзя сейчас, так сразу после срочной. Но именно в 46-й бригаде и именно в своем батальоне...

Это был первый бой. Для солдат, для многих офицеров, для батальона. И они его выдержали.

Бадеевцы: 30 лет на службе Отечеству

Как плохо, что юбилей бывают редко...
Как хорошо, что они все-таки есть!

1 октября 1971 года в Высшем политическом училище МВД СССР начали обучение курсанты батальона, которым командовал Анатолий Трофимович Бадеев. Их было более двух сотен, и для большинства первый день учебы стал первым днем действительной военной службы.

Четыре года они ели из одного котла, делили поровну радости и печали, настойчиво постигали тонкости своей будущей профессии. И каждое утро возле казармы их встречал подтянутый и строгий офицер — кавалер ордена Красной Звезды комбат Бадеев. И как-то незаметно для себя они стали "бадеевцами", а командир — просто "батей".

11 июня 1975 года "батя" на выпускном вечере благословил своих питомцев на ратные подвиги. 184 молодых лейтенанта уехали из северной столицы в войска...

1 октября 2001 года они вдруг осознали, что прошло 30 лет с того дня, когда для них прозвенел первый звонок в учебном корпусе ВПУ МВД СССР. Они попытались собраться, но уже в Москве, и подвести некоторые итоги. Вот что удалось выяснить.

За три десятилетия более 60 выпускников-бадеевцев дослужились до полковников, среди них семеро были выдвинуты на высокие должности в различных управлениях ГК ВВ МВД РФ; четверо офицеров стали учеными: полковники Ю.Аманацкий, А. Мусаев, В. Скрыбин и Н. Суслов защитили кандидатские диссертации; кроме того, Юрий Денисенков и Борис Сиренко проявили свой яркий полководческий талант — стали генералами. Многие удостоены государственных наград, в том числе: орденом Мужества награжден генерал-майор Б.Сиренко, орденом "За военные заслуги" — генерал-майор Ю.Денисенков, полковники А.Денисов, Н.Зинченко, В.Скрыбин, В.Шепеленко...

Комбат может гордиться своими учениками! Они не посрамили его седин. На сегодняшний день за плечами у бадеевцев в общей сложности почти 5000 лет выслуги! И мы ещё послужим родному Отечеству!

Полковник Николай СУСЛОВ,
Фото полковника К. ИВАНОВА

Ленинград — Москва

КРЫЛАТАЯ

ГВАРДИЯ

Зеленые лопасти медленно поползли по кругу, с каждым мгновением наращивая обороты, покада сильные упругие вихри не прижали к земле высокие стебли окрестной травы. Мощно заработал двигатель, наполняя гудкое чрево Ми-8 рокотом и вибрацией. Взяв самую высокую ноту, он надсадно зазвенел, и секундой позже едва ощутимый толчок возвестил о взлете “вертушки”.

В иллюминаторе качнулась земля, плавно заскользив вниз. Набрав высоту, машина стремительно понеслась по кругу. В очередной раз, взмыв к янтарно-голубому шатру неба, описала дугу, заходя на цель. Спустя еще секунду, проворная “стрекоза” с ревом устремилась вниз. Приглушенно заработал курсовой пулемет. В открытый иллюминатор ворвался запах пороха и каленого металла, а машина, накренившись, уже заходи-

ла с другой стороны на позиции “противника”.

Послав вниз несколько коротких точных очередей, вертолет начал снижаться.

— Приготовились! — Крепко сложенный лейтенант, командир разведгруппы, окинул быстрым взглядом сгрудившихся на лавочках бойцов.

Еще через несколько мгновений колеса “вертушки” коснулись земли. В считанные секунды разведчики, покинув тесное нутро “стрекозы”, рассыпались по полю, сливаясь с сочной зеленой травой. Высадив десант, вертолет вновь стремительно взмыл в воздух, прикрывая группу прицельным пулеметным огнем...

Показные ротно-тактические учения одного из полков проходили на базе учебного центра софринской ОБрОН. От подобных учений на этот раз они отличались тем, что в них участвовала

отдельная авиационная эскадрилья Московского округа внутренних войск.

Она была создана в мае девяносто четвертого, накануне первой чеченской войны. Командовать крылатой гвардией было поручено опытному асу полковнику Валерию Лиханов* у. Несмотря на то, что эскадрилья формировалась на базе другой, расформированной накануне вертолетной части, создавать подразделение пришлось практически заново. Под штаб эскадрильи с помощью местной администрации удалось выбить... заброшенный детский садик.

Обустроивались на новом месте собственными силами. Летчики экстремального класса, прошедшие не одну горячую точку, в одночасье превратились в обычных строителей: таскали доски, месили раствор, пере-

*Фамилии изменены

стилали полы, возводили перегородки между помещениями. Однажды посмотреть, как продвигаются дела в подшефной войсковой части, приехал представитель администрации области. "Где вы таких строителей отыскали? — с удивлением спросил он полковника Лиханова. — Трезвые, ладные все, как на подбор, в одинаковой форме ходят...". "Да нет, не строители это, — усмехнулся в ответ Валерий Митрофанович. — Тот, который впереди носилки несет — подполковник, летчик первого класса, а сзади — майор, командир звена..."

— Самое интересное, что раньше никому из нас не приходилось заниматься подобной работой, — вспоминает Валерий Лиханов. — Я, например, до этого и шалаша-то не построил, а тут пришлось все проектировать, как заправскому архитектору. В этом садике прежде было восемь больших помещений, которые предстояло перестроить в пару десятков комнат меньшей площади. Не знаю, как удалось, но видимо, новичкам везет: живем в этом строении уже восьмой год и пока, тьфу-тьфу, нормально. Спасибо, тогда здорово выручила нас местная администрация, выделив на наше обустройство двести пятьдесят миллионов рублей, — сумма по тем временам огромная. А то бы воз был, как говорится, и ныне там.

Заново оборудовать пришлось и вертолетную площадку. Коллеги из армейских ВВС отвели взвешным собратьям небольшой участок на отшибе летного поля, где затем по-сменно вертолетчики охраняли свои крылатые машины, используя в качестве караульного помещения одолженный у строителей вагончик-бытовку, а единственным оружием служили... обыкновенные палки.

Первая чеченская война началась для 11-й эскадрильи сразу же после памятного указа президента о "наведении конституционного порядка" в мятежной республике. Первыми на пылающий Кавказ отправились подполковники Алексей Господов и Александр Малинин, майоры Валерий Асадов и Евгений Леснов. Чуть позже вслед за ними на войну улетел и комэск полковник Лиханов.

С первых дней летчики были брошены в самое пекло. Сутки напролет Лиханов с товарищами кружил над стреляющими руинами январского Грозного, то доставляя подмогу бьющимся в окружении частям, то вывозя из-под обстрела раненых. Порой не то что сесть — приблизиться к кварталу, где из последних сил держались под шквальным огнем моджахедов братишки, не представлялось возможным. Лишь только "вертушка" показывалась на горизонте, "духи" начинали остервенело долбить по ней из всех стволов. Порой смертоносный свинец проносился вприцену с машиной, но, видимо, Бог был на стороне пилотов — ни в прошлую, ни в нынешнюю чеченскую кампанию, вертолетчики не понесли ни одной потери.

Вертолет на войне — вещь незаменимая. Туда, куда не пройдет никакая техника, не приземлится самолет, может добраться лишь эта универсальная машина. "Стрекоза" сядет и на крохотную площадку в горах, и на маленький пятючок между городских развалин, чтобы высадить десант, подбросить боеприпасы, эвакуировать раненых. Трудно сосчитать, сколько спасенных жизней на счету эскадрильи полковника Лиханова, сколько раз асы садились там, где посадка по всем параметрам была невозможна, и, взяв на борт истекающих кровью бойцов, неслись в Северный, отвоёвывая у смерти решающие минуты.

Подъем, мужики, — работа! Их разбудили среди ночи. Только-только, после шестнадцати часов непрерывных вылетов к Гудермесу где, гремели жаркие бои, экипаж Лихачева наконец получил долгожданный отбой. Поспать пару-тройку часов после изнурительного дня было мечтой пилотов — на завтра, как и прежде, с пяти часов утра предстояли бесконечные воздушные рейды. Однако в который раз долгожданного отдыха не получилось — неподалеку от Гудермеса "духами" был обстрелян вертолет соседней эскадрильи. Среди экипажа были раненые. Помимо них необходимо было эвакуировать и подбитую машину.

Они прилетели на место, когда предыдущая "вертушка" уже забрала раненых. Пока осматривали

подбитую "стрекозу", рядом началась бой.

— Давайте улетайте отсюда! — напустился на летчиков подскокивший на "коробочке" комдив. — Сожгут вас на фиг "духи"! Вы у них как на ладони!

Улететь с перебитым рулевым управлением представлялось маловероятным. Посоветовавшись, решили рискнуть. Отсоединив перебитый трос управления, подняли на уцелевшем раненую "вертушку" в воздух и с горем пополам довели до Калиновской на армейский аэродром.

Едва успели сесть, поступила новая вводная — лететь в район боя на эвакуацию раненых. Добрались до места и садились на ощупь — видимость была почти что нулевая. Там столкнулись еще с одной проблемой: раненых не успели подвезти. Каждая лишняя секунда вынужденного простоя грозила смертью — боевики в любой момент могли обнаружить "вертушку" и уничтожить ее вместе с экипажем.

Наконец подошли БТРы. Однако радость летчиков оказалась преждевременной: "коробочки" привезли "двухсотых". Транспортеры с ранеными по неизвестной причине задерживались.

Погрузив убитых, вновь стали ждать. Время сочилось по капле, с каждой секундой сжигая очередную порцию нервных клеток. Окрест бушевала смерть, возникшая то в виде светящихся трассеров, то ухнувшего неподалеку снаряда. "Взял бы чуть левее — и нам кранты!" — запоздалым страхом пронеслось в голове командира.

Пилоты не помнили, сколько прошло долгих, показавшихся вечно минут, пока наконец снова не услышали близкий рокот моторов — то были долгожданные "коробочки" с ранеными. В считанные минуты, погрузив бойцов в "вертушку", взлетели, взяв привычный курс на Северный. Так прошла очередная беспокойная ночь накануне нового рабочего дня...

Воевать со всякой нечистью, равно как и спасать раненых, эскадрилья приходилось не только в Чечне...

...Они действовали умело и скрытно, дерзко и беспощадно — четверо вооруженных отморозков,

несколько месяцев подряд нападавших на приподнявшихся водителей. Всех, кто имел несчастье находиться в понравившейся бандитам машине, те хладнокровно убивали, чтобы не оставлять свидетелей. Трупы надежно прятали, автомобили же толкали в подпольные мастерские. Долгое время о банде толком не ведала и милиция. Лишь растущий список пропавших без вести людей на трассе наводил на подобные мысли. Но однажды четверо людей просчитались...

Вначале все шло как по маслу. Ночью на безлюдной дороге им удалось тормознуть очередную приглянувшуюся "тачку". В ней находилась семья: муж, жена и дочь-старшеклассница. Главу семьи сразу же "успокоили" несколькими ударами ножа. Изнасиловали жену и дочь, бандиты привычно зарезали и их. После, как и раньше, спрятав тела в лесопосадке, скрылись на захваченной машине.

Мужчину они также посчитали убитым, однако спустя какое-то время тот очнулся и выполз на трассу. Там его, истекающего кровью, и подобрал проезжавший мимо водитель-дальнобойщик. Еще через час командиру эскадрильи позвонил начальник областного УВД, и вскоре Лиханов уже сидел за штурвалом вертолета.

... "Вертушки" с группами захвата медленно кружили над лесопосадкой. Командиры экипажей — Лиханов и один из матерых асов эскадрильи подполковник Александр Малинин — до рези в глазах всматривались вниз. Двадцать минут назад местные жители видели здесь четверых мужчин, похожих по приметам на нападавших.

Еще через четверть часа недалеко от райцентра пилоты заметили четыре фигуры, спешно удалявшиеся в сторону леса. Завидев вертолет, неизвестные бросились бежать. Одновременно посадив машины по обе стороны лесного массива, Малинин и Лиханов высадил группы захвата. Вскоре оперативники уже загружали в "вертушки" закованных в наручники бандитов.

— Ну, спасибо, мужики, выручили! — забираясь следом в вертолет, произнес старший группы. — Если бы не вы — ушли бы гады!

Выручать местных пилотам приходилось еще не раз. Не однажды Лиханов с товарищами вы-

летал за город на место аварий, в срочном порядке доставляя пострадавших в больницы. Как правило, дорожные происшествия случались в часы пик, когда на дорогах были сплошные пробки и обычной "скорой" требовалось порой несколько часов, чтобы доставить раненых в больницу. Вертолетчики же управлялись с подобной задачей за десять-пятнадцать минут...

В первую чеченскую войну эскадрилья Лиханов выпало участвовать и в событиях в Буденновске. Тогда, в июне девяносто пятого, власть наиздевавшись над захваченными в городской больнице заложниками, будущей "премьер" Чечни Шамиль Басаев согласился выпустить уцелевших беременных женщин и большую часть больных в обмен на несколько десятков добровольцев. После очередных переговоров боевикам были предоставлены автобусы. Еще через какое-то время колонна тронулась в направлении Кизляра.

По замыслу операции колонну должны были сопровождать вертолеты. Однако авиационная часть, которой поначалу поручили эту задачу, отказалась от сопровождения по причине недостаточной подготовленности экипажей. Взамен армейцам на помощь пришла эскадрилья внутренних войск.

До этого Лиханов вместе с новичком, лейтенантом Алексеем Романовым, выполнял плановый полет из Моздока в Ханкалу. Маршрут комэск знал наизусть, поэтому не взял с собой положенного инструктора, предоставив Алексею попробовать свои силы. Однако в Ханкале экипажу была нарезана иная задача: срочно вылететь в Буденновск. Просить у других экипажей опытного летчика взамен молодого лейтенанта, только-только окончившего училище, Лиханов счел неудобным. Так Алексей Романов, по сути не до конца готовый к дневным полетам, оказался на ночной ответственной операции. Операция, которая была не под силу и иным бывалым летчикам...

Всю ночь на высоте около трех тысяч метров Лиханов и Романов кружили над колонной, отслеживая каждый ее малейший маневр. Часто бандиты намеренно выключали фары и габаритные огни, что-

бы сбить "вертушки" со следа. Тогда приходилось вызывать подмогу. Подоспевшие вертолеты сбрасывали осветительные бомбы, и, заново обнаружив вереницу автобусов, пилоты вновь садились на хвост моджахедам.

До самого рассвета барражировали над колонной, не давая бандитам ни на миллиметр отклониться от оговоренного маршрута. В ту ночь пахать по полной программе выпало всем без исключения. Но все же больше всех пришлось попотеть лейтенанту Романову.

— Сам удивляюсь, но Леша с задачей справился почти на пять, — говорит полковник Лиханов. Он еще, помню, спрашивал меня: "Товарищ полковник, как это так можно: ночью летать?" А тут пришлось почти пять часов в полной темноте работать, да не просто, а в боевой обстановке. Так что боевое крещение он получил, сопровождая колонну самого Басаева, впахивая наравне с опытными летчиками. Способный оказался парнишка. Сейчас он уже капитан, командир экипажа.

Если для многих первая чеченская война завершилась в августе 96-го, то для эскадрильи она продолжалась все три беспокойных года. Сменяя друг друга из месяца в месяц, на Кавказе постоянно находились экипажи вертолетов. Тогда почти ежедневно боевики просачивались через хлипкую границу, обстреливая "блоки" федеральных войск, угоняя скот из приграничных сел, захватывая в рабство местных жителей. Потому каждый день летчики поднимали в воздух машины, барражируя вдоль границы с "независимой" Ичкерией. Отслеживали группы "духов", пробиравшихся к границе. Прикрывали с воздуха подвергнувшиеся нападению заставы. Перебрасывали подкрепление в район прорыва боевиков.

Газеты и телеканалы всюду превозносили получившую "самостоятельность" Ичкерию. Ее "вожди" давали бодрые интервью, заверяя о своем стремлении к миру и процветанию республики. Казалось, никто не допускал и мысли о том, что война может повториться вновь. Однако летчики эскадрильи, как и другие, кто вместе с ни-

ми находился вблизи бандитского логова, знали, что хрупкое подобие мира обманчиво. Потому вторжение боевиков в Дагестан не стало для них неожиданностью.

С первых дней они по новой были брошены туда, где войскам приходилось наиболее тяжело. Дни сливались с ночами в круговерти бесконечных вылетов. Вытащить из окружения группу спецназа, срочно доставить в госпиталь истекающих кровью раненых, внезапно накрыть с воздуха занявших господствующую высоту ваххабитов — все это было для летчиков привычной каждодневной работой.

После был Грозный. В те первые дни нового, 2000-го, года пилотам казалось, что время повернуло вспять, возвратив их в черный январь 95-го. Та же подбитая техника, пылающая в узких сплетениях улиц. Те же огрызающиеся огнем развалины домов. Или напшигиванное осколками тело бойца, которого закружат в "вертушку" усталые доки... Цена касавюртовского мира оказалась слишком высокой.

Как и войска в целом, авиация сегодня переживает далеко не лучшие времена. Уже несколько лет в части не поступают новые машины и летать приходится на старых, зачастую давно выслуживших свой срок "стрекозах". Не хватает и запчастей. По всем техническим параметрам многие "вертушки" уже не должны находиться в воздухе. Однако они летают. В стопроцентно исправном состоянии — это, согласно всем правилам авиационного обслуживания — золотые ручки. Летчиков эскадрильи каждый раз с особым уважением приглашают старшие мастера.

Кстати сказать, эта эскадрилья, наверное, единственная в войсках, укомплектована личным составом на все сто процентов. В отличие от других частей здесь не стремятся на гражданку, где там же асы чаще всего находят зарплату в несколько раз больше нынешнего скудного денежного довольствия. Все от комэска до простого технаря — фанаты своего дела. Никакие бексы и прочие сомнительные блага гражданской жизни не заставят летчиков сменить свои издавшие виды Ми-8 на крутой шубторный вертолет, на-

пичканный под завязку современной электроникой. Несмотря ни на что, остаются в строю боевые, опытные офицеры, хотя большинство из них уже давным-давно выслужили положенный срок. Например, комэск Валерий Лиханов в свои сорок восемь имеет выслугу вместе с "боевыми" и прочими льготами почти... пятьдесят семь лет. Как пошутил один из пилотов: "Наш Валерий Митрофанович начал летать, еще не родившись!". Выслуга, обогнавшая возраст офицера, здесь почти у каждого второго.

Кроме грошовой зарплаты проблем у вертолетчиков предостаточно. Если в былые, советские годы, которые сейчас так модно охаивать, горючего для полетов хватало с избытком, то теперь оно вроде воды в пустыне. Чтобы летчик, как говорят спортсмены, "поддерживал форму", его годовой налет должен быть не менее 200—250 часов. Реально же пилоты летают от силы по 20(!) часов в год. В таких условиях даже самый лучший ас в конце концов утрачивает свои навыки. В эскадрилье дело обстоит получше — две трети необходимого времени пилоты набирают благодаря... Чечне. Там, на боевых вылетах, и шлефуют свое мастерство.

А еще эскадрилья знаменита тем, что народ здесь подобрался самый что ни на есть матерый и грамотный. Одних только летчиков-снайперов, а это считается самой высшей летной квалификацией, в хозяйстве Лиханова семеро. Такого уже давно не встретишь и в целом полку.

— По правде сказать, нам повезло, что эскадрилья создавалась на базе особого вертолетного подразделения сухопутных войск и больш-

ше половины офицеров после его расформирования перешло в войска, — считает комэск. — А туда в свое время отбирали лучших летчиков со всего Советского Союза. Много лет они испытывали новые машины, занимались исследовательскими полетами. Сейчас эти офицеры, возраст которых уже под пятьдесят, составляют основной костяк нашего коллектива. Вместе с ними мы вырастили "молодежь" — сейчас им по 35—40 лет. На данный момент они имеют квалификацию летчиков первого класса и выполняют практически любые задачи в самых сложных условиях. Все без исключения прошли Чечню, где в основном благодаря их высокому летному мастерству мы не понесли потерь.

Легенда эскадрильи — командир звена майор Валерий Асадов, кавалер пяти боевых орденов, три из которых — за Афганистан, подполковник Александр Малинин, майор Евгений Леснов. Этим офицерам, еще в восьмидесятые не раз бывавшим "за речкой", обязаны жизнью сотни наших бойцов в Чечне...

Они улетали вечером. Несколькими раз их Ми-8 взмывал в лазурную вышину, по новой устремляясь по невидимой дуге, заходил над полигоном, точно поражая цели.

— Ну вот, отбомбились. Теперь еще два часа лета — и дома, — произнес кто-то из экипажа.

В который раз шарь листьев заметнулся над зеленым парком на огромную рыбку, "вертушкой". Последним под винты шло несколько человек. Лицо комэска было, как всегда, невозмутимо бодрым, и в глубине глаз нет-нет, да и мелькает тщательно скрываемая усталость. — Несколько дней назад полком вернулся из очередной командировки в Чечню...

Прапорщик
Константин АЛЕКСЕЕВ.
Фото автора.

Московский округ
внутренних войск

Майор
Сергей КОРНЕЕВ

БЕРЕГОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

СТРАШНЕЕ Р И Ф О В

ПОЛЯРНОЕ лето коротко. Может, поэтому и навигация здесь куда более напряженная, чем в более южных местах, чтобы за несколько месяцев успеть проверить и закрепить навыки личного состава. И, конечно, сдать главный экзамен для наших морских частей — выйти в море.

Дивизион сторожевых катеров, которым командует капитан 2 ранга Николай Чеботарев, охраняет за Полярным кругом акваторию важного государственного объекта. Офицеры в морском подразделении личного состава дежурного звена рассказывали пусть и без пафоса, но в радужных тонах. Это, наверное, закономерное: почти все мои собеседники — старший моторист старший матрос Дмитрий Антонов, старший моторист-рудовой стар-

ший матрос Денис Гуменной, во-долаз матрос Денис Устинов, моторист матрос Евгений Беляев и другие — после срочной намереваются стать моряками. У старшего матроса Александра Упругова, правда, мечта другая — поступить в Саратовский институт внутренних войск МВД России. Но и он с гордостью рассказывал о своем вкладе в общее дело. Ведь успех выполнения командой поставленной задачи зависит от четких, согласованных действий каждого номера боевого расчета.

Именно благодаря высокой слаженности подчиненные старшего мичмана Василия Гуляева задержали в акватории запретной зоны двух нарушителей на резиновой лодке, а затем передали их сотрудникам милиции. Это были два основательно подвы-

пивших мужика, заблудившихся на рыбалке.

Между тем экипажи дежурных катеров задерживали, в том числе и в ходе совместных рейдов с сотрудниками органов внутренних дел, и вооруженных браконьеров...

Конечно, решать на воде днем и ночью в полном объеме служебно-боевые задачи морякам нелегко. Но никто из них не жаловался на трудности. Хотя на праздное времяпрепровождение у матросов и старшин, действительно, нет свободной минуты — у дежурного звена слишком плотный график несения службы. Выполнять его непросто. Но, как заметил старший офицер морской службы Северо-Западного округа капитан 2 ранга Федор Неделько, морское подразделение с постав-

ленной задачей справляется благодаря основательной выучке военнослужащих.

Особенно заметно вырос уровень профессионального мастерства у взвода водолазов старшего мичмана Владимира Лысенко. Недавно подразделение оснастило водолазным оборудованием нового поколения. Его эксплуатацию освоили в короткие сроки и успешно применяют на практике.

— По специальной подготовке все категории личного состава дивизиона сторожевых катеров подготовлены, — особо подчеркнул начальник морского подразделения управления по охране важных государственных объектов, специальных и военных грузов Главного штаба ВВ МВД России капитан 1 ранга Виктор Згурский. — Например, командир дивизиона капитан 2 ранга Николай Чеботарев, высококлассный водолаз, более двух тысяч часов проработал под водой. В прошлом — преподаватель водолазного дела учебного отряда морской пехоты Черноморского флота. Высок уровень профессиональной выучки и у инженера-механика дивизиона капитана 3 ранга Дмитрия Грязнова, других офицеров и мичманов подразделения. А все военнослужащие по призыву прошли начальную подготовку в учебном дивизионе внутренних войск, где приобрели необходимые знания и навыки. Что и позволяет личному составу выполнять специальные упражнения не ниже оценки "хорошо".

И тем не менее за зимний период обучения дивизион сторожевых катеров так и не сумел добиться четверки. К морякам существенных претензий нет. Дивизион потянуло назад иное: внешний вид плавсредств. Они кое-где проржавели по банальной причине — из-за отсутствия денег на покраску. Нет, катера по-прежнему выходят в море, ходят без аварий и поломок, а подготовленный личный состав постоянно несет на них службу. Однако...

Содержание матчасти, несмотря на ее в целом грамотную эксплуатацию, оставляет желать лучшего. — говорит капитан 1

ранга Виктор Згурский. — По итогам смотра катеров мы оценили их лишь на "удовлетворительно".

Начальника морского подразделения волнует и другая проблема, связанная со сторожевыми катерами: администрация охраняемого объекта не дает возможности нормально разместить их у причальных стенок. Как результат, основная нагрузка ложится на два экипажа — они, сменяя друг друга, по неделе несут службу. Что, естественно, создает дополнительные сложности боевой вахте.

А ведь проблем у командования части, дивизиона и без этого достаточно. Одно размещение воинского коллектива, связанное с географическим положением и климатическими особенностями, чего стоит! Служить в высокоширотном районе тяжело: зимой светлое время суток — 30-40 минут (в декабре солнце вообще не появляется), а летом — полярный день.

Безусловно, за эти тяготы и лишения предусмотрены различные компенсации — "полярки", районный коэффициент. Вот только финансисты оценивали службу в районах Крайнего Севера и в неблагоприятных климатических условиях до последнего времени по старой схеме — без учета всех видов денежного довольствия, точнее — целого ряда дополнительных выплат. Из-за этого только в прошлом году военнослужащим по контракту не доплатили — в зависимости от оклада денежного содержания, выплаты лет — от 14 до 25 тысяч рублей. И им ничего не оставалось, как обратиться в гарнизонный военный суд. И только после этого образовавшаяся перед моряками задолженность погасили...

А ведь несколько лет назад именно нормальное финансовое обеспечение выступало той приманкой, на которую вставали хорошо подготовленные флотские специалисты. Когда в ВМФ по три-четыре месяца задерживали выплату денежного содержания, люди просились во внутренние войска. Сегодня же ситуация развивается с точностью до наоборот.

—ВМФ и пограничники стараются лучше. Например, мичман получает там порой на пятьсот рублей больше. Да и все задолженности перед личным составом уже погасили. Вот и пошли по подразделению разговоры: а не уйти ли нам обратно на флот? В основном говорят об этом те мичманы, у кого в ближайшее время заканчиваются контракты.

Тупиковая ситуация сложилась в дивизионе и с обеспечением жильем. Можно считать, что повезло капитану 2 ранга Николаю Чеботареву — удалось получить служебную жилплощадь. А вот начальник штаба дивизиона капитан-лейтенант Виктор Журавлев, похоже, еще очень скоро обретет свою крышу над головой. Это до 1996 года на часть выделяли до восьми квартир в год. А все последнее время — одни слезы...

А тут еще и в общежитии от охраняемого объекта цены подскочили. В частности, за маленькую комнатку, в которую еле-еле втискивается семья из трех человек, заломили ни много ни мало девятьсот рублей. Недавно, правда, оплату понизили до шестисот целковых, отключив при этом холодную воду. А колонки или колодца, откуда можно было бы запастись питьевой водой, поблизости нет.

Острая жилищная проблема, в свою очередь, начала "вымывать" мичманский состав — сегодня его некомплект уже перевалил за треть. А желающих служить в части не найти днем с огнем. Чего только не делали, чтобы хоть как-то поправить ситуацию! И запросы в военкоматы писали, и объявления в местные газеты давали — никто не откликнулся. Видимо, изменить эту ситуацию в ближайшее время вряд ли удастся.

Например, недавно закончился контракт у командира малого катера старшего мичмана Ивана Кондракова. Предложить службу он не собирается, хотя и мог бы. Иван Михайлович специально решил уволиться, чтобы получить собственное жилье. Ему надоело мыкаться по чужим углам.

опущенная своей карман минометом на треть — двоих детей все-таки еще нужно кормить, одевать...

Не выдержал бесквартирья и старший мичман Борис Тутаров. В январе он, не достигнув предельного возраста, уволился из войск.

За семь лет службы в дивизионе сторожевых катеров не решил жилищный вопрос и старший мичман Александр Подольский. Недавно он оформил документы на жилищный сертификат. Только вот что выйдет из этой затеи, пока не известно.

Не обещены своей жилплощадью еще почти два десятка мичманов дивизиона. Единственный, кто имеет собственную квартиру, — командир катера старший мичман Василий Гуляев.

Значительная неукомплектованность мичманских должностей сильно бьет по тем, кто хочет продолжать носить погоны. Скажем, раньше в дивизионе на боевую службу на неделю по очереди заступало пять мичманов, имеющих навыки самостоятельной эксплуатации и управления катером. Во время моего посещения воинского коллектива старшие мичманы Александр Подольский и Василий Гуляев несли боевую вахту по очереди. "А что будет, если кто-то из них вдруг заболел?" — на всякий случай поинтересовался у капитана 2 ранга Чеботарева. Однако командир так ничего и не ответил на явно непонравившийся ему вопрос.

Естественно, Николай Николаевич не сидит сложа руки старшего мичмана Сабара Мухоминова готовит к выезду в дальнюю эксплуатацию катером. Но только через несколько месяцев — в лучшем случае — он сможет заступить на капитанской должности.

ЕЩЕ одна особенность для личного состава дивизиона сторожевых катеров — отсутствие отдаленных традиций. Командиром этой части, офицеры которой все же являются. Поскольку так называемый капитан 1 ранга Владимир Зарудный, ушедший на пенсию в 1990 году, был

КТО ДАСТ ОТВЕТ?

Уважаемая редакция! Пишет вам один из военнослужащих отдельной дивизии оперативного назначения. Переважил служить сюда гуд назад с Северного Кавказа.

Вы сами знаете, насколько в войсках тяжело с жильем. Снять квартиру в Москве или ближнем Подмосковье дорого. Однако в Подмосковье даже жизнь в общежитии может оказаться для военного не по карману. Прежде всего нехотеть комнату в общежитии приходится дальше от Москвы, чем стоит сама дивизия, еще за двадцать километров. Да и цены только за этот год в нашем общежитии выросли за комнату от пятисот до восьмисот рублей, к концу года обещают брать с нас уже по тысяче. В любой момент без предупреждения могут отключить воду или свет на несколько дней. Отопительный сезон для нас начинается в ноябре и заканчивается куда раньше, чем в столице.

На все жалобы ответ коменданта один — не жалуйтесь! Съезжайте! А живет здесь только на нашей дивизии двадцать семей военнослужащих!

Дмитрий Юрьевич

специалиста. Хотя именно эти структуры управляют морским подразделением. И ряд вопросов, случается, решают наперекор флотским канонам, насаждая в кубрике "сухопутные стандарты".

Взять, например, ношение морской формы военнослужащими по контракту. На территории части им предписано носить камуфляж(?!). А ведь, как известно, на флоте для плавсостава полевая форма вообще не предусмотрена. Офицерам и мичманам дивизиона полушерстяную повседневную форму морского образца разрешают надевать только по праздникам да на торжественные мероприятия.

— Старшина старший прапорщик — обратился было к "длинному" военнослужащему, не заметив с ним привычки маленький якорь на камуфлированной фуражке.

— Я старшина мичман! — не без гордости поправил меня тот.

А ведь морская форма связала его специфической выпуклостью задняя на море.

— Морская форма обеспечивает безопасность личному составу, находящемуся на кораблях или на катере, — говорит начальник морской службы СВЗ ВВ МВД России капитан 1 ранга Владимир Маринанко, — а при падении за борт отсутствует возможность в морской воде. Поэтому делавистав необходимо

экипировать в форму одежды флотского образца.

Вообще "вещевка" уже, наверное, лет шесть — головная боль командиров морского подразделения. Скажем, у военнослужащих по призыву уже давно нет парадной формы, хромовых ботинок к ней. А сегодня, как с горечью поведал подполковник Николай Щерба, дефицитом стали даже форменные воротники (гюйсы). И каких-либо изменений в лучшую сторону пока не происходит.

ПРИШВАРТОВАННЫЙ к причалу катер слегка покачивало на невысокой волне. Не обращая внимания на пронизывающий ветер, матросы сновали по палубе, готовясь к очередному выходу в море для несения боевой вахты по охране важного государственного объекта. Прошло еще немного времени — и по барабанным перепонкам ударила серия коротких и длинных гудков звонливой сигнализации. Аврал! И сразу же швартовная команда устремилась на бак и ют. До очередного выхода в море подчиненным старшего мичмана Василия Гуляева оставалось около минуты.

Сабара Зарудный округнут
внутренних войск

Мы и сегодня с теми,

Эпизод первый - Афганистан

Когда афганское жаркое солнце только поднимается над горами, с мечети несется длинный пронзительный протяжный крик муэдзина. Крик проносится в раскаленном воздухе над низким городом с глинобитными заборами, врывается прямо в душу, словно выспрашивая: что вы, русские парни-шурави, делаете здесь? Уезжайте за горные хребты, в далекую Россию.

Виктор Путилов посмотрел на давно надоевшие горы, город, почесал бритую наголо голову и уже собрался пойти поискать тенек погуще. Во дворе отведенного шурави дома соседичекисты собирались на операцию.

Роли распределили заранее. ХАД — местная афганская служба безопасности, проводит спецоперацию в Кандагаре. Говоря сегодняшним языком — зачистку. Им помогают и подстраховывают бойцы спецгруппы КГБ "Каскад". Ну а бойцам "Кобальта" — спецгруппы МВД — отдыхать.

— Вы кто? Советники? Так нам советов не надо, — как отрезал один из каскадовцев просившемуся на выезд Путилову.

Тенек нашелся во дворе дома. Виктор сел в кресло и как бы задремал, попутно лова доносящиеся из рации переговоры.

По жаре лениво пробирались по двору и другие сотрудники группы, среди которых по одинаковой пляжно-гражданской одежде и не различить командированных сюда от Министерства внутренних дел сержантов, прапорщиков, майоров и подполковников. Только вот маршруты их внутри двора почему-то обязательно проходили мимо включенной на прием радиостанции.

Было все как обычно. ХАД обходили дома, бронетранспортер "Каскада" двигался следом.

Виктор достал из холодильника бутылку минеральной. Она тут же "заплакала", от жары капли конденсата побежали по стеклу маленькими

— Спецназовцев бывших не бывает. — Виктор Путилов зажег сигарету, дождался, пока упадет первый пепел, и пояснил: — Тот, кто прошел "Витязь", "Русь", "Альфу", "Вымпел", да и любой отряд, не только получит закалку на всю жизнь, но и навсегда останется спецназовцем. Он и поступки свои, и дела будет мерить законами, усвоенными на службе...

Разговор со стороны мог показаться странным. Поскольку проходил не в каком-нибудь отряде, а в офисе. Таких в Москве тысячи. Хорошая мебель, факс, компьютер, немолкающий телефон. Вот только фотографии на стене... Цветные с тренировок отряда "Витязь" и старые, черно-белые, на которых история — первые дни становления спецназа внутренних войск.

— Спецназовцев бывших не бывает, — повторил он. — Я и сам ведь в конце семидесятых, тогда старший сержант учебной роты специального назначения, думал: отслужу, и все, вернусь домой и забуду...

Его, срочника, уговаривали долго и чуть ли не хором. И капитан Валерий Хардинов — старший тренер дивизии имени Дзержинского, и первый командир их роты капитан Владимир Александрович Мальцев, и инструктор рукопашного боя прапорщик Третьяков.

Ну да! Уговоришь остаться собравшегося на дембель солдата! И старший сержант поглаживал уже собранную дембельскую сумку и стоял насмерть — спасибо за науку, а я свое отслужил! С тем и убыл к себе в Нижний Тагил.

Дома, когда прошла радость встреч, осмотрелся, прикинул свою дальнейшую жизнь. Оказывается, два года, которые в армии пролетели как один день, для гражданки много. Кто-то из прежних знакомых за эти два года умудрился спиться, еще один загремел в тюрьму. Остальные, как влезли в один круг: завод — дом — семья, так и не представляли себе другой жизни. Нет, поцокали, конечно, языками, слушая рассказы об учебной роте специального назначения Дзержинки, потеряли больные места после показанных приемов рукопашной и все.

И через полтора месяца старший сержант запаса Виктор Путилов с той же сумкой стоял на КПП дивизии. Дальше школа прапорщиков — должность инструктора и заочная учеба в институте физкультуры. А еще рапорт с просьбой отправить в Афганистан. И лишь шестой из них, весь исписанный заковыристыми росписями каких-то начальников, вернулся в дивизию с резолюцией — "отправить инструктором".

ручейками. Осталось лишь скрутить пробку и плеснуть в стакан наполненную бегущими колючими пузырьками воду.

— База! База!.. — донеслось из динамика радики. — Коробок подбили, ведем бой... Есть "трехсотый".

— Володя, заводи БТР, — тронул плечо водителя старший из всех — подполковник. — Со мной ты, майор, и ты, дзержинец, — кивнул он Путилову.

БТР летел по городу, едва вписываясь в узкие улочки. Поворот, еще один, наконец прошли беспорядочную цепь царапая и вскоре остановились перед подбитой машиной.

Рядом, прямо на дороге, раскинув руки, лежал в бронежилете солдат-пограничник.

Из соседнего двухэтажного дома доносилась беспорядочная стрельба.

Виктор прицелился к прицелу. Вот из двери попытался выскочить офицер "Каскада", но, наткнувшись на очередь со второго этажа, прыгнул назад.

Все понятно. Путилов нажал спуск и повел стволом вдоль верхних окон. Было видно, как от крупнокалиберных пуль крошатся стены. Майор и подполковник били по подвалу, где тоже засели душманы.

Получив неожиданную поддержку, каскадовцы по одному перебежали к бронетранспортеру.

Водитель — сержант милиции стал медленно сдавать машину. Подняли с дороги, втянули в люк раненого солдата, подошли вплотную к подбитому БТРу.

Путилов держал под прицелом дом и, стояло из какого-то окна раздаться выстрелу, посылал в ответ очередь.

— Готово! — Натянулся трос, и подбитый БТР послушно потащился следом.

Каскадовец, торопливо затягиваясь сигаретой, успевал, перекивая шум, рассказывать:

— Ну было! Броню подбили — забегали в дом, а там в подвале и на втором этаже — душманы. Как начали нас мочить... И сидеть там нельзя, и не выйти... Думали, все, гранты...

Наконец вернулись в расположение. Группа "Каскада" и экипаж ментовского БТРа, сформированный за секунду до выезда.

Виктор Путилов огляделся — боезапас на нуле, хмыкнул и вылез из люка. Футболка, шорты — хоть выжимай. Рядом приходил в себя майор:

— Вернусь, расскажу у себя в угрозыске, что так воевать пришлось, — удивленно и в то же время восторженно сказал он и тут же, махнув рукой, добавил: — Так ведь никто не поверит. Пойдем, Вить, там у тебя минеральная вроде была.

Нарзан был горячим, будто его только что достали из печки.

Путилов глянул на часы — прошло минут двадцать после выезда.

Операция закончилась. Стрельба в городе давно затихла. На аэродроме снова долго и протяжно кричал муэдзин, созывая мусульман на молитву.

Пока в часть добиралась его медаль "За отвагу", "афганец" прапорщик Виктор Путилов вытребовал себе неслыханную для тех лет в дивизии Дзержинского льготу — право носить усы.

— Товарищ старший лейтенант, а зачем нас готовят? — как-то раз уже после занятий спросил его солдат.

— То есть как это? — не понял офицер.

— Ну вот у нас в дивизии уже батальон спецназа, а войска-то внутренние. На политзанятиях говорили, что теперь у нас новая историческая общность — советский народ, а значит, и для конфликтов места нет.

Солдат торжествовал. Еще бы, уел офицера, замкомбата. А тот и не нашелся, что тогда ответить. Только общие слова, про порох, который надо держать сухим, да про воинский долг. А разговор этот вспомнился ему уже в самолете, когда в конце восьмидесятых батальон летел в Сумгаит, гасить одну из первых горячих точек.

Эпизод второй - кавказский

Зачинщиков массовых беспорядков выявили быстро. Тех, кто, прячась за спинами других, направлял внешне неорганизованную дышащую тупой злобой толпу. Операцию запланировали на

утро, когда мало на улицах людей — тогда и сами зачинщики вряд ли окажут сопротивление. Задача группе захвата ясна, а спецназу на трех бронетранспортерах следует прикрывать действия милиционеров. Да еще навязали в помощь двадцать солдат-срочников на грузовом "Урале".

Подкатили. Преступников зачихнули в легковушки и сразу рванули назад. Следом пошли БТРы. А из ближайших домов, улиц уже бежали люди. Грушками по три-четыре человека они возникали словно из-под земли, на глазах заполняя улицу.

Путилов оглянулся: неповоротливый "Урал" не сумел развернуться на узкой улице и был уже окружен людьми.

— Помощнички, мать их!

Он посмотрел на дорогу — легковушек с задержанными уже не было видно.

— Руль, — нагнулся Виктор в люк, — сдавай назад к "Уралу".

Толпа уже заполнила улицу, взяв в плотное кольцо грузовик и бронетранспортер. Впереди женщины, не спокойные и кроткие как всегда, а отчаянно кричащие тебе в лицо ругательства.

За ними маячили угрюмые мужики. Они словно без усилий проремещались по толпе, сходились и о чем-то совещались, то и дело бросая взгляды на спецназовцев.

Подошли еще два БТРа, старший одной из машин, поймав взгляд Путилова, едва заметно кивнул головой. Задержанных доставили.

Виктор сидел на броне, понимая, что главное его оружие — это спокойствие. Тысячи человек несколько автоматов не остановят. За броней тоже не отсидишься — сожгут вместе с машиной. Но не по людям же ехать!

Глядя на него, сохраняли уверенность и солдаты.

Подошло подкрепление и к толпе. Местная милиция явно не торопилась наводить порядок и выстушила на стороне осаждавших машины местных жителей. Были у них и автоматы, и снайперские винтовки.

Но вот толпа расступилась. К машинам шли трое старейшин. Как и положено, в папахах, у одного орденские планки на пиджаке.

Они встали у борта машины, помолчали. Замолчала и толпа.

Наконец самый старый из них бросил:

— Освободите наших людей.

— У нас их нет, уважаемый. — Виктор Путилов старался говорить ровно и спокойно. — Здесь только солдаты.

Старики помолчали.

— Мы не хотим крови, пусть ваши начальники отпустят наших людей.

Толпа молчала, жадно слушая их переговоры.

— Мы тоже не хотим крови, а людей у нас нет.

— Трудно сдержат народ, будут стрелять.

— Нам есть чем ответить.

— Люди не уйдут с дороги, лягут под колеса.

— А машине все равно по чему ехать.

Один из старейшин снял папаху, чтобы вытереть лоб. Голова под ней оказалась неожиданно маленькой и лысой.

Старейшины развернулись и ушли. Потом вернулись. И еще несколько часов шли переговоры и здесь, на площади, и в кабинетах начальников. И лишь когда там комбат Сергей Лысюк заявил, что сил у него хватит и не на такую толпу, бронетранспортеры и "Урал" ушли с площади. В расположение вернулись без потерь.

А зачинщиков беспорядков вскоре выпустили. Поскольку, как объяснили, политика — это искусство компромисса. До сих пор нам на Кавказе эти политические компромиссы икаются.

И так и не понятно до сих пор Виктору Путилову, кто победил в кровавых межнациональных разборках тех лет. Похоже, что все мы проиграли. Только вот вины спецназовцев в этом нет. Они сделали все, что могли.

Точно известно, когда человеку на службе повезло. И дело вовсе не в больших звездах и должностях. Просто, бывает, выпадает тебе настоящее дело и ты, особо не задумываясь, делаешь его, а лет через десять-пятнадцать оказывается, что был у истоков. И это именно о Викторе Путилове. Еще срочником, сержантом попал в первый набор знаменитой УРСН — учебной роты специального назначения, прародительницы спецназа

внутренних войск. Потом школа прапорщиков и служба в той же УРСН инструктором рукопашного боя. Афганистан. После окончания института физкультуры должность взводного и сразу заместителя командира только созданного батальона по спецподготовке. Да и отряд "Витязь" родился при нем.

А еще вместе с товарищами создание уникальной методики, по которой до сих пор за год из обычного солдата делают спецназовца.

Ну-ка попробуйте найти себе работу с такими данными. Тридцать шесть лет — уволенный из армии по болезни на пенсию офицер с высшим физкультурным об-

разованием. Конечно, найти можно, если перед этим всю службу был в спецназе.

И организация своя уже была — "Витязь" — Региональная общественная организация ветеранов подразделений специального назначения органов правопорядка и безопасности.

С 1996 года Виктор Путилов ее президент. Причем здесь в отличие от многих других структур должность президента выборная. Значит, доверяют своему бывшему замкомбата братишки. А судят они при этом по делам. Ежемесячная поддержка семей погибших, протезирование для ставших на

войне инвалидами. А еще помощь тем, кто сегодня служит в "Витязе" и воюет на Кавказе.

Эпизод третий - МОСКОВСКИЙ

Приятно сидеть на кожаном диване, мягко и упруго. Да что сидеть — даже просто рукой по теплой на ощупь коже провести. И секретарша с кукольным лицом и точеными ножками тебе кофе подаст.

— Живем помаленьку, командир, не жалуемся. И ремонт сделал, и обстановку поменял.

— А сам-то как? — Путилов в сидящем напротив за директорским столом представительном мужчине уже с трудом узнает бывшего сослуживца, с кем когда-то вместе сидел в окопах.

— И сам ничего. Зимой на Канары, летом в Норвегию, дети в гимназии, жена на шейпинге. Как все.

— Слышал, "Витязь" опять в Чечне? Надо бы ребятам помочь праздник встретить, день войск. Подарки в окопы отправить.

Собеседник глянул в окно, рассеянно забарабил пальцами по столу. Наконец вздохнул:

— Знаешь, вот месяцем бы раньше... Тут этот ремонт, да и жена дома перестановку затеяла, давай в другой раз...

Виктор Путилов сидел в своем кабинете и снова вспоминал и прежнюю службу, и друзей, и прежде всего тех, кто на гражданке выдержал испытание деньгами и властью. Их большинство и среди входящих в организацию "Витязь", и среди тех, кто просто когда-то служил в отряде. Немало их и в ассоциации "Благородство и Вера", "Русь", Братство краповых беретов "Витязь", частных охранных предприятиях. Так и собрали тогда с их помощью самолет с подарками братишкам.

— Наше братство, — говорит Виктор Путилов, — это и товарищество, и чувство локтя, помощь и память. А еще и сила. И бывших не бывает. Мы и сейчас с теми, кто сегодня воюет на Кавказе. И если надо, всегда им поможем.

Раф САЙГАНОВ

Прошли годы. Ранней весной 2000-го Саня Григорьев сидит перед мной в отделении хирургии Центрального госпиталя внутренних войск. Самый настоящий Александр Николаевич Григорьев — старший лейтенант 101-й бригады. Молодой, симпатичный, он из другого поколения. Из другой жизни. Из другой войны. Но ход его мыслей напомнил мне одного из героев моей любимой книги. Правда, с поправкой на жизнь, страну и время...

Вырос Саня Григорьев в небольшом городке на Ставрополье. Из окон его дома была видна территория воинской части. То-то удовольствие — не выходя из дома, видеть, что происходит на плацу! Однокурсники, что жили подальше, бегали к Сане по праздникам, как в

Черкесск, чтобы предотвратить столкновение двух непримиримых сторон еще в одном регионе горного края. Выполнив свою нелегкую миссию, батальон, где служил Саня, вернулся в Чечню.

Потом была Старая Сунжа, потом они держали оборону на двенадцатикилометровом участке горного хребта. Потом бои, зачистки, опять бои, из которых не выходили по многу дней. А холодный день 26 декабря Саня Григорьев запомнит на всю оставшуюся жизнь...

Саний батальон шел со стороны пустыря. Нужно было преодолеть этот бесконечный пустырь и выбить противника из девятиэтажек. Но как это сделать, если из домов тебя "поливают" из всех видов оружия, когда мины и гранаты рвутся

Жанна ЛАБУТИНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Книга
Вениамина Каверина
"Два капитана" —
о людях.

Хороших и разных. Таких,
какими должны быть мы.

И еще о любви и
благородстве...

Эта книга была у
меня настольной в классе
третьем-четвертом.

С нею я ела, спала,
ходила гулять.

Саня Григорьев, Катя и
капитан Татаринцев жили
где-то рядом, были моим
окружением.

Для меня они не были
литературными героями,
скорее просто обычными
людьми.

кинотеатр. Вопрос о выборе профессии не стоял, Саня Григорьев мог быть только военным!

В апреле 1997 года Григорьев окончил Владикавказское училище внутренних войск. Свой первый офицерский отпуск Саня провел дома, у родителей. Молодой лейтенант наблюдал из окна показательные выступления солдат на плацу части и думал о том, что ждет впереди этих ребят, что ждет его самого.

Первой боевой задачей лейтенанта Григорьева была охрана Гребенского моста в районе Кизляра, вблизи дагестано-чеченской границы. Задача не из легких, поскольку в батальоне собралась в основном необстрелянная молодежь, только начинающая службу. Учились в боях, на собственном горьком опыте. Это потом ими будут усиливать блокпосты по всему Грозному. А тогда их неожиданно перебросили в

рядом, выкашивая смертельной косяк твоих ребят.

Когда пытаешься описать бой на бумаге, события замедляются, растягиваются во времени, теряют краски. В жизни все происходит одновременно, в цвете, с запахами гари и дыма, под крики и непрекращающийся грохот стрельбы.

Бетонная плита, лежавшая посредине пустыря, была слишком ненадежным урытием, но ничего другого по пути не было, и Саня, пробежав под огнем несколько метров, упал за нее. Теперь ему стало видно место, откуда пустырь выкашивал "духовский" пулемет. Частный дом был укрыт за ложиной, и наступавшие видеть его не могли. Григорьев обозначил трассерами место, где оборудовал свою позицию пулеметчик. Откуда-то сзади дом тут же накрыли минометным огнем, и "дух" замолк.

Старшего лейтенанта, лежащего

го на плоском, открытом со всех сторон пустыре, боевики видели хорошо. Плита укрывала только голову, все остальное... Чтобы сменить рожок, Саня рывком перевернулся на спину. Бронежилет на груди выходил далеко за габариты плиты — Саня отметил это как факт явно не в свою пользу. Рожок он ставил, не глядя на него, руки действовали автоматически. Плаза упиралась в низкое серое небо, немыслимую смесь снега, дыма и гари. Вокруг было сыро, промозгло, безрадостно, но там, высоко, за толщей кажущихся непреодолимыми облаков было синее небо и светило холодное декабрьское солнце. Старший лейтенант знал это. Умирать не хотелось, но смерть была рядом, и бояться ее становилось бессмысленно.

Де-то недалеко застонал раненый. Саня окликнул его, но пуля

очень досадила им молодой старший лейтенант, не желающий умирать...

Три прямых попадания в грудь — это верная смерть. Даже для кино это слишком. Но кому жить, а кому умирать, решает не стрелок, а кто-то свыше.

Саня остался жить! Как его подобрали, как эвакуировали с поля боя, он не помнит. Пришел в себя только в Моздоке, в госпитале, отойдя после наркоза. Там подштопали ему легкие, подлатали живот.

— Воевать надо, говорят, на пустой желудок, — делится своим печальным опытом Саня. — Пока живот цел, смириться с этим "тезисом" трудно. Но когда получаешь ранение...

Чтобы сменить тему, задаю своему герою вопрос:

— Александр Николаевич, почему вы не женитесь? Молодой, кра-

ня вопросом на вопрос. — Комнату в семейном общежитии, скитание по гарнизонам? Мизерную свою зарплату старшего лейтенанта? Даже любовь на долгие годы я не могу обещать, ведь меня могут убить в бою! А теперь и вовсе: шесть дырок на мне заштопали, три из них в груди... Сегодня я не уверен в своем завтрашнем дне, как же я могу взять на себя ответственность за семью?

Мне нечего возразить, я напряженно думаю, как бы закончить разговор на оптимистической ноте. И тут на помощь приходит мой невыдуманный герой, Саня Григорьев:

— Ничего, теперь уже все плохое позади! Раны затянулись, подвижность восстановлена. После выписки обязательно вернусь в часть!

Смотрю на его красивое, натренированное тело, милое, смущенное, улыбающееся лицо, и я, чело-

САНИ ГРИГОРЬЕВА

снайпера не позволила солдату ответить. Следующая пуля вошла под бронежилет старшему лейтенанту Александру Григорьеву со стороны горла, прошла через все тело и остановилась только в области колена. Вторая пуля прошла в двух сантиметрах от сердца, задев легкие. Была и третья, тоже под бронежилет, в грудь. Не жалели боевики пулю,

сивый, мужественный, рассудительный. Авторы книг придумывают такого героя, а вы по жизни такой, надежный и правильный. Ведь даже воевать легче, когда знаешь, что ждет тебя дома любимый человек, что тыл твой надежен...

— Вы правы, можно было жениться, но что я могу предложить любимой женщине? — ответил Са-

век почти вдвое старше моего героя, чувствую его правоту, его силу, его надежность. Мне очень хочется, чтобы все сложилось именно так, как он решил!

ВОЛОДЮ Котова родители так и не опознали. Исушающие душу поездки в 124-ю судебно-медицинскую лабораторию ни к чему не привели. Теплилась последняя надежда — на генетическую экспертизу, которая при всей своей сложности могла дать хоть какой-то результат. Но и анализ на ДНК — эту цепочку молекул и атомов, из которых когда-то родилась новая жизнь, тоже ничего не дал. Последнее звено в той вечной и самой прочной цепи, которая связывает сына с матерью и отцом, оборвалось.

“Я всегда буду ждать его, а вдруг он придет? Потому что Вовчик не мог погибнуть. Не такой он был человек, чтобы погибнуть”, — Андрей Логачев, друг Володи, в своем письме с воспоминаниями об их мальчишеской дружбе, такой крепкой и настоящей, длящейся, подумать страшно, как долго — аж с детского сада! — вдруг сбивается на эти вот отчаянные, как крик, строчки.

Мама и отец знают, что Володя погиб. Факты, свидетельства очевидцев, сама неотвратимость последних эпизодов того боя 6 августа 1996 года в Грозном — все говорит о том, что водитель БТРа рядовой Владимир Котов не мог остаться в живых.

У П О К О И Д У Ш У ...

РАНО УТРОМ началась стрельба, доносившаяся из разных мест. Несколько

к тому времени за плечами Визнюка уже было 79 спецопераций, Котов с ним пол-Чечни объез-

ние задачи и возвращение на базу. С комбатом было не страшно.

Выезжали разведчики в неиз-

вестность. К омовцам, запросившим помощь, командование решило отправить именно разведчиков. Комбат Визнюк умел беречь людей.

БТРов 101-й бригады внутренних войск, стоявшей в самом центре чеченской столицы, сорвались с места и ушли на помощь омовцам, которые оказались заблокированными на 13-м КПП. На головном бронетранспортере с бортовым номером 078 выехал сам командир разведбата 101-й бригады капитан Олег Визнюк. За рулем машины — Володя Котов, привыкший за то время, что рулил комбатовским БТРом, к любым неожидан-

дид, где только не был, в какие передряги не попадал, но результат всегда был один и тот же — выполне-

появились первые раненые. Разведчики упорно пытались прорваться на 13-й контроль... Спустя некото-

рое время БТРы снова попали в засаду. Машина комбата оказалась подбитой первой. Не доезжая 800 метров до КПП, группа спешила и приняла бой. Вырваться из огненного мешка суждено было не всем. Володя Котов, комбат Визнюк и еще несколько разведчиков, спасая других бойцов из группы, остались лежать на усыпанном кирпичным крошевом пятачке. Их не могли вытащить больше двух недель. Опознать и похоронить Володю Котова не удалось до сих пор. Напротив его фамилии в списках стоит горькое — «пропал без вести».

ЧТО ОСТАЛОСЬ от Володи? Воспоминания, главное в которых — рассказ о его доброте, заботе о родителях, удивительной преданности своим друзьям и единственной любви по имени Оксана.

“В этом мальчишке было столько чувства ответственности и долга перед родителями, перед друзьями, что не каждому зрелому человеку это дано... В жизни Володя был немногословным, но глаза и его открытая улыбка говорили за него все.

Сейчас все мы только одного хотим: похоронить все то, что от Володи осталось. Чтобы могли прийти на его могилку и помянуть его по-человечески, по-христиански.

Семья Обуховых, соседи Котовых. Село Багаряк Челябинской области”.

“Я называла его гордостью нашего класса. В памяти у меня навсегда останется взрослый юноша, которого я видела в последний раз на новогоднем вечере в школе, — красивый, подтянутый, уверенный в себе. Не забыть и тех ужасных минут, когда в школе узнали о гибели нашего ученика. Сердце сжалось от боли, горечи, безысходности...

Санатина Екатерина Ивановна, первая учительница Володи”.

Он был очень целеустремленным, по-хорошему упрямым. Талант шоферский у Котова от Бога.

Не зря сел Володя на БТР командира разведбата. Кроме образцовых водительских качеств, еще и другие нужны были — смелость, решительность, ясная голова, самоотверженность. Все это в Володе было.

“Правильно говорят, что у целовека есть один друг, верный и на всю жизнь, который прикроет его спину и поможет в трудную минуту.

*Наводчик БТР-80 № 078
Аминев Максим”.*

Володя никогда даже не мыслил о том, чтобы откосить от службы, считал, что это долг каждого мужчины. Так же думал и отец.

“В девятом классе к Володе пришла большая и светлая любовь. Пономарева Оксана — красавица, под стать сыну... До сих пор, приезжая в село, Оксана приходит к нам...

Семья Котовых”.

“Перед тем как писать о Воле, я долго не могла сосредоточиться, мне все что-то мешало говорить о нем в прошедшем времени. Мне казалось, что все должно закончиться счастливо, ведь Вова никогда не обманывал меня. Он в письмах писал, что мы обязательно встретимся, может быть, и не скоро, но встретимся...

*Оксана Пономарева, подруга
Володи Котова”.*

Чем сердце успокоится?.. Сегодня, через 5 лет после того последнего боя Володи Котова, родители хотят упокоить душу сына в родной уральской земле. Они решили, что его имя должно быть выбито на граните братской могилы уральцев, погибших на чеченских войнах.

Если не тело, так хотя бы душа Владимира Котова вернется на родную землю, которую он так любил. Вернется, чтобы встать в один строй с душами тех, кто сложил свои головы, выполнив воинский долг до конца. Он ведь и в последнем своем бою был с ними, боевыми братьями, шел им на выручку. Ему место среди них...

“Предчувствие... Он знал, что попадет в Чечню. Перед отъездом поехал на кладбище поклониться могиле бабушки. Братишке как бы между прочим сказал: “Если что, похороните рядом с бабулей”. Не хочется верить в то, что нет у нас больше сына. Все кажется, что он еще служит и вот-вот придет домой. Каждый раз, подъезжая к перекрестку дороги Екатеринбург — Челябинск, издали шцем взглядом остановку в Тюбуке — не стоит ли Вовочка, не ждет ли автобус, а может, ловит попутку до Багаряка, как не раз это делал. Нет, нету его. Ну, значит, завтра придет...

Семья Котовых”.

**Капитан
Александр ЛЕБЕДЕВ.**

В прошлом году в нашем журнале (№ 11, 12, 2000г.) мы опубликовали список военнослужащих, пропавших без вести на территории Чеченской республики в 1994 — 1996 годах. Тогда же мы сообщили о решении солдатских матерей предать земле останки неизвестных солдат и офицеров, находящихся в 124-й ростовской лаборатории. Незадолго до их захоронения на Богородском кладбище под Москвой сотрудники лаборатории возвратили имена 16 безымянным героям.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Были опознаны:

АНУФРИЕВ Александр Николаевич
АХПАШЕВ Игорь Николаевич
БАРАБИН Михаил Васильевич
БЛИНОВ Вячеслав Владимирович
ДОРОЖКИН Николай Анатольевич
ИМЕЛЬГУЖИН Рустам Маниславович
КАЛАШНИКОВ Анатолий Александрович
КОРОТКОВ Алексей Юрьевич

КУРИЦЫН Сергей Александрович
ЛУКАШОВ Алексей Вячеславович
ЛЮБИМКИН Евгений Михайлович
ПРОХОРЕНКО Дмитрий Святославович
ТУМАЕВ Сергей Владимирович
ШАХМАТОВ Сергей Александрович
ШТЕФАН Сергей Валерьевич
ЯНКОВСКИЙ Александр Алексеевич

За мужество и героизм, проявленные в бою, Указом Президента РФ от 15 мая 1995 года старшему лейтенанту **АХПАШЕВУ** Игорю Николаевичу было присвоено звание Героя Российской Федерации.

И хотя имена других солдат и офицеров оставались неизвестными, работа по их опознанию продолжалась. В последнее время сотрудниками лаборатории установлены имена восьми неизвестных солдат, захороненных на Богородском кладбище. Уже сегодня опознаны и перевезены на родину:

БАНИШЕВ Александр Михайлович
ЛЕГОШИН Евгений Михайлович
РЫЖОВ Роман Яковлевич
СЕМЕШКО Андрей Викторович
СМИРНОВ Алексей Петрович
ТКАЛУН Владислав Николаевич
ФОМИН Юрий Петрович
ЧУБКО Валерий Николаевич

Еще на трех безымянных могилах установлены именные плиты. Родители лейтенанта Олега **КОНДРАТЬЕВА**, рядового Алексея **АФАНАСЬЕВА**, погибших в январских боях 95-го в Грозном, рядового Андрея **ТИХОНОВА** решили не тревожить прах своих сыновей и оставить их на этом мемориальном воинском кладбище.

Вспомним сегодня и тех, кто с честью выполнил свой воинский долг при разоружении незаконных вооруженных формирований и погиб на чеченской земле в нынешнем году. Вечная им память.

Список военнослужащих внутренних войск, погибших и умерших от ран в ходе контртеррористической операции на территории Чечни (начало списка в № 1-8, 10, 12, 2000г., 2, 5, 2001г.)

АРХИПЕНКО Юрий Григорьевич, рядовой, 20.07.2001г.
БАРИНОВ Василий Николаевич, рядовой, 10.08.2001г.
БАТУРА Дмитрий Евгеньевич, ефрейтор, 14.05.2001г.
БЕЗРУЧКО Валерий Викторович, старший сержант, 11.06.2001г.
БЕЛЯЕВ Александр Геннадьевич, прапорщик, 14.08.2001г.
БЕЛОУСОВ Василий Анатольевич, младший сержант, 30.04.2001г.
БИРИХ Дмитрий Федорович, рядовой, 22.06.2001г.
БРУМА Игорь Сергеевич, капитан, 8.06.2001г.
БУЗАРОВ Сергей Владимирович, старшина, 26.05.2001г.
БУЛАТОВ Ильпор Ишурзаевич, прапорщик, 18.05.2001г.
ГЛАДУНОВ Сергей Иванович, старший прапорщик, 20.07.2001г.
ГУВАРЕВ Алексей Николаевич, сержант, 29.06.2001г.
ЕРМОЛИНСКИЙ Вениамин Викторович, рядовой, 3.06.2001г.
ЖАМУРЗОВ Султан Владимирович, рядовой, 15.06.2001г.
ЗЕЛЕНОВ Дмитрий Игоревич, рядовой, 11.04.2001г.
ЗОЛОТУХИН Евгений Валерьевич, рядовой, 22.06.2001г.
ЗЮЗИКОВ Андрей Николаевич, сержант, 30.05.2001г.
ИЗМАЙЛОВИЧ Александр Анатольевич, рядовой, 17.08.2001г.
КАШИН Артем Николаевич, ефрейтор, 18.08.2001г.
КНЯЗЕВ Олег Дмитриевич, подполковник, 15.03.2001г.
КОЧУГ Андрей Фомич, рядовой, 4.08.2001г.
КОБЗЕВ Георгий Леонидович, старший прапорщик, 26.05.2001г.
КОВАЛЕВ Владимир Ильич, старшина, 9.07.2001г.
КОНЬКОВ Евгений Николаевич, рядовой, 29.07.2001г.
КРАСНИКОВ Александр Владимирович, рядовой, 12.08.2001г.
КУСОВ Казбек Константинович, старший лейтенант, 30.07.2001г.
КУШНЕР Сергей Николаевич, рядовой, 21.06.2001г.
ЛАТЬПОВ Ильгиз Искандерович, младший сержант, 14.08.2001г.
ЛЕВЧЕНКО Александр Викторович, рядовой, 12.04.2001г.
ЛЕВЧЕНКО Роман Александрович, старший сержант, 26.05.2001г.
МИХАЙЛОВ Виталий Владимирович, рядовой, 30.05.2001г.
МОРОЗ Андрей Николаевич, рядовой, 8.05.2001г.
МУЗАЛЕВ Роман Алексеевич, младший сержант, 6.06.2001г.
ОМУТОВ Алексей Владимирович, капитан, 14.08.2001г.
ОПАРЬШЕВ Евгений Федорович, рядовой, 17.08.2001г.
ПАНИН Олег Иванович, подполковник, 21.07.2001г.
ПИНЕГИН Александр Владимирович, сержант, 23.04.2001г.
ПЛЮХИН Владимир Сергеевич, рядовой, 3.08.2001г.
ПОНОМАРЕВ Дмитрий Сергеевич, рядовой, 26.05.2001г.
ПОПОВСКИЙ Андрей Григорьевич, рядовой, 11.07.2001г.
ПОРТНЫХ Александр Викторович, сержант, 21.07.2001г.
ПРИЩЕПНЫЙ Юрий Анатольевич, рядовой, 26.05.2001г.
САЛИКАЕВ Александр Владимирович, рядовой,

8.05.2001г.
СВАТКО Иван Дмитриевич, сержант, 26.05.2001г.
СМИРНОВ Константин Александрович, рядовой, 12.05.2001г.
СМИРНОВ Роман Евгеньевич, рядовой, 21.07.2001г.
СОСНИН Сергей Александрович, ефрейтор, 26.04.2001г.
СТРЕЖНЕВ Александр Сергеевич, рядовой, 1.08.2001г.
СУББОТИН Александр Григорьевич, старший сержант, 23.04.2001г.
ТАРАНОВ Дмитрий Владимирович, подполковник, 24.06.2001г.
ТРИШКИН Алексей Вениаминович, рядовой, 14.02.2001г.
ТРУБИЦЫН Владислав Александрович, рядовой, 3.06.2001г.
УЖТАРУЛИН Айдар Маратович, рядовой, 20.08.2001г.
ФАЙЗЕРАХМАНОВ Саловей Габделсаматович, рядовой, 23.06.2001г.
ХАМАДИНУРОВ Денис Аликович, рядовой, 22.06.2001г.
ХОДЫРЕВ Александр Алексеевич, старший прапорщик, 22.06.2001г.
ЧАЧИН Николай Александрович, рядовой, 20.08.2001г.
ЧУВАКИН Сергей Анатольевич, старший сержант, 18.05.2001г.
ШИШКИН Дмитрий Александрович, рядовой, 15.07.2001г.

Работа над Книгой памяти военнослужащих внутренних войск продолжается. Свои воспоминания о боевых друзьях, родственниках, которые служили во внутренних войсках и погибли при исполнении воинского долга, их фотографии присылайте по адресу: 107120, Москва, Сыромятнический пр., 8. Редакция журнала "На боевом посту", Колесникову Сергею Сергеевичу.

Публикацию подготовили
 полковник **Александр КОНЯЕВ**,
 подполковник
Сергей КОЛЕСНИКОВ

"Я рядовой. Я имярек..."

Это слова из песни. Из песни слов не выкинешь. И не вычеркнешь из памяти имя боевого товарища, погибшего на войне. Это и имелось в виду, когда создавалась книга, посвященная военнослужащим, пропавшим без вести в ходе боевых действий на Северном Кавказе. Здесь впервые дан их полный поименный список.

Называется эта книга "Земля осиротела на сотни сыновей"... Межрегиональной миротворческой организации "Эхо войны" (сопредседатель Анна Пясецкая), автору-составителю подполковнику Сергею Колесникову помогли в осуществлении благородно-

обороны, руководство Ногинского района Московской области, директор экспериментального завода научного приборостроения РАН доктор технических наук Владимир Бородин, Комитет солдатских матерей России и Союз семей военнослужащих, Союз предприятий "Группа Р", Московская областная ветеранская организация "Боевое братство", депутаты и работники военкоматов, священнослужители и предприниматели.

В книге, кроме материалов военных журналистов Юрия Кислого, Александра Лебедева, Андрея Роднова, Александра Диордиева, помещены стихи Анатолия Ягодина (нашего коллеги, погибшего в Чечне), Александра Чикунова, Марианны Захаровой, Олега Кучевасова, Сергея Куликова, Игоря Морозова, Александра Кердана. Удивительно эмоциональный, трагический и героический одновременно фоторяд составили работы Владимира Николайчука, Олега Смирнова, Максима Мармура, Юрия Тутова, Владимира Сварцевича и других фронтовых репортеров.

Имярек — слово, заменяющее чье-нибудь имя, в значении "некто" (словарь русского языка С.И. Ожегова). Неопознанный солдат — в документах, сводках. Неизвестный солдат — на могильной плите. Это если погребены чьи-то останки, найденные на поле боя. Без вести пропавший — когда нет ни могилы, ни останков. Для родных и близких горше горя, чем это, не бывает...

25 сентября 2000 года на Богородском кладбище под Ногинском появилось 65 свежих могил, над которыми были совершены христианский и воинский обряды погребения. На каждом камне высечены только звезда и два слова "Неизвестный солдат". Сегодня здесь более 200 таких могил. С той поры на трех захоронениях появились фамилии и имена, останки еще восьмерых были опознаны и перевезены на родину павших воинов.

Дай-то Бог, чтобы не осталось в Отечестве неопознанных, неизвестных, не захороненных солдат, чтобы раз и навсегда была подведена черта под скорбным списком.

Полковник Борис КАРПОВ

го замысла многие организации и неравнодушные люди, кто счел своим долгом внести посильную лепту в многотрудное дело розыска без вести пропавших воинов, в увековечение имен павших.

Это, в первую очередь, члены комиссии при президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, представители Министерства

Герой Российской Федерации лейтенант Евгений РЫНДИН

О том, что недалеко от заставы крутятся подозрительные лица, сержант Алексей Золотухин, отвечающий за боевое охранение, несколько раз докладывал лейтенанту Евгению Рындину. Застава, перекрывшая дорогу к Ачхой-Мартану, для дудаевцев как кость в горле. Рындин достал бинокль, в быстро густеющих сумерках силуэт молочно-товарной фермы был еле различим. Но сержант не ошибся: там люди. Евгений увидел в руках у мужчин стволы. Подобраться бы поближе да разведать, сколько “духов”, есть ли у них тяжелое вооружение.

Так созрело командирское решение. Вместе с младшим сержантом Александром Кривоконем они скрытно направились в сторону молочно-товарной фермы. Они пересекли большак и, скользя по вязкому “пластилину”, осторожно, чтобы не потревожить тишину, шаг за шагом приближались к ферме. Неожиданно послышалось урчание автомобильных моторов, темноту просверлили лучи фар. “Одна... две... три пары огней, — сняв автомат с предохранителя, сосчитал лейтенант. — Наши колонны в такое время не ездят. Значит, ножи...”

Потушив фары, машины остановились. Тихо хлопнула дверь легковушки. Вышедший оттуда мужчина что-то командовал по-чеченски сидевшим в кузовах грузовиков. Те стали быстро спешиваться и, развернувшись цепью, двинулись к заставе, явно намереваясь обойти ее с флангов. В этот момент разведчиков и засекли. Ночную тишину вспорола гулкая автоматная очередь...

Завязался бой, который был коротким, но ожесточенным. Сначала в ход пошли автоматы, потом гранаты. Получил ранение Кривоконь. Рындин приказал сержанту отходить, а сам сменил позицию, отвлекая огонь нападавших на себя.

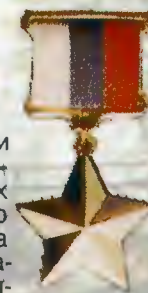
Раненый в ноги и грудь, лейтенант Рындин продолжал вести бой, пока не кончились патроны. Потом он был схвачен боевиками. Они пытали офицера. Изуродованное мертвое тело бросили в лесу. Так они отомстили офицеру за смерть своих одиннадцати человек.

Указом Президента РФ лейтенанту Рындину Евгению Юрьевичу 25 августа 1995 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Приказом министра внутренних дел он навечно зачислен в списки личного состава воинской части.

Герой Российской Федерации

старший лейтенант Евгений Остроухов

Шел десятый день войны... В те декабрьские дни 1994 года федеральные войска вели широкомасштабные наступательные действия против чеченских бандформирований. Утром 20 декабря к мосту через Сунжу было направлено подразделение внутренних войск для оказания помощи разведбату, теснившему крупный отряд боевиков. Но как только бронированная колонна вошла в незнакомый населенный пункт, предательская тишина поселка взорвалась, расколотая многоголосым ревом противотанковых труб. Первой загорелась лишенная прикрытия "зюшка". Из кузова кувырком сыпались оглушенные взрывом солдаты, отстреливаясь, бежали в скверик, к спасительным деревьям. Бандиты безжалостно косили очередями контуженных парней.

Кумулятивный снаряд прошил борт командирского БТРа. Оставшись в подбитой машине, наводчик рядовой Остроухов, несмотря ни на что, выполнял свою боевую работу. Сколько длился этот яростный огонь, Евгений не знал. Вскоре умолк трудяга "калашников", проглотив последнюю ленту. Остроухов взял свой автомат и выполз через боковой люк из задымленного бронетранспортера.

Укрывшись за броней своей безжизненной машины, Евгений не переставая вел огонь по пристрелянным из БТРа целям. "Духи", поняв, что в подбитом бэтзаре кончились пулеметные патроны, ударили с удвоенной силой. Перекликаясь, прикрывая друг друга экономными очередями, бойцы начали стаскивать ребят к бэтзэру Остроухова. Все — и живых, и мертвых. Прикрывая ребят, Женя опустошал магазин за магазином. Что-то кричал, пытаясь управлять огнем бойцов. Внезапно невыносимая боль пронзила ногу. Перетянув рану ремнем, Женя продолжил стрельбу.

Бой длился всю ночь. Не могла пробиться к окруженным бойцам группа спецназа полка. Истекали кровью, замерзали, умирали на руках раненые товарищи. Но боевики так и не смогли сломить сопротивление девятнадцатилетних мальчишек. Под утро потерял сознание и Евгений...

Указом Президента РФ от 31 декабря 1994 года рядовому Остроухову Евгению Владимировичу присвоено звание Героя Российской Федерации. После выздоровления Евгений окончил экстерном Владикавказское высшее военное командное училище внутренних войск и продолжил службу в Северо-Кавказском округе ВВ МВД России.

Герой Российской Федерации

старший лейтенант **Виталий БАБАКОВ**

Случилось это в первые новогодние дни 1995 года. Спецназовцам внутренних войск была поставлена задача оказать содействие частям Российской армии, брошенным на штурм Грозного. Пробриться к центру города с ходу никому не удавалось. Колонны бронетехники жгли, пехоту рассеивали, расстреливали. Группу спецназа, в которую входил снайпер Виталий Бабаков, помогала как могла боевым побратимам: снимали дудаевских снайперов из самых потаенных "гнезд", спасали раненых, вытаскивали с поля боя подбитую технику.

В районе консервного завода бандиты вели плотный прицельный снайперский огонь по наступающим подразделениям. Бабаков одного за другим уничтожил двух снайперов противника, чем обеспечил успех действий штурмовой группы. Те несколько дней в конце 94-го и начале 95-го были наполнены смертельно опасной боевой работой. В ночь с 1-го на 2 января наши спецназовцы спасли четырнадцать парней из печально знаменитой 131-й майкопской бригады. Они рухнули с моста в Сунжу. Бойцы вытащили пехоту, обогрели, накормили, даже вооружили трофейными автоматами...

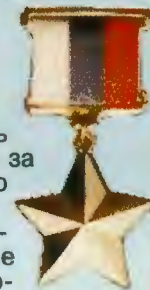
Но основная работа для снайпера Бабакова началась 2 января — при штурме комплекса городской больницы Грозного, где боевики оборудовали хорошо укрепленный опорный пункт. Благодаря точному огню снайпера были уничтожены гранатометчики, что позволило штурмовой группе без потерь проникнуть в здание. Бойцы отряда спецназа внутренних войск своими умелыми и решительными действиями захватили городскую больницу, что позволило армейскому командованию выйти на исходный рубеж и оборудовать в отбитом здании передовой пункт управления. В ходе этого боя рядовой Виталий Бабаков был тяжело ранен.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, Указом Президента РФ от 25 августа 1995 года рядовому Бабакову Виталию Викторовичу присвоено звание Героя Российской Федерации. После окончания экстерном Санкт-Петербургского военного института внутренних войск Виталий стал офицером, продолжил службу в Северо-Кавказском округе ВВ МВД России.

Герой Российской Федерации капитан Виктор ВЕЛИЧКО

Войска штурмовали президентский дворец, пытаясь всеми силами выкурить засевших там боевиков. Экипажу танка старшего лейтенанта Юрия Сулименко, за рычагами которого находился старшина Величко, была поставлена задача: по проспекту Орджоникидзе прорваться к дворцу и помочь наступающим войскам.

Перспект оцетинился сотнями стволов. Свист пуль, разрывы гранат, мин мешали продвижению колонны. Чем ближе к дворцу, тем сильнее шквал огня. Возле одного из домов мощный взрыв остановил многотонную машину. Когда немного поутихла стрельба и казалось, что все уже позади, в нескольких сотнях метров от танкистов появились набитые вооруженными боевиками автобусы. Раздумывать было некогда. Экипаж занял свои места, и, повинаясь воле Виктора Величко, стальная громадина ожила и смогла даже передвигаться. Но в этот момент Виктор почувствовал еще один толчок — достали из гранатомета. Едкий дым стал проникать в машину. А тут как назло отказала пушка — автомат заряжания вышел из строя. Экипажу пришлось заряжать вручную. Скорострельность несколько снизилась, но "духам" доставалось. Танкисты покинули охваченную пламенем боевую машину только тогда, когда нападавшие были уничтожены. Едва успели отбежать на безопасное расстояние — мощный взрыв превратил их "семьдесятдвойку" в огромный огненный шар.

В тех январских боях 95-го подразделения, где служил Величко, потеряло немало танкистов. К Виктору судьба была благосклонной — он остался всего-навсего "без колес", вернее, без гусениц. И пока подбирали место в другом экипаже, Виктор помогал эвакуировать раненых с поля боя. В один из дней на простреливаемом со всех сторон пятачке был ранен его боевой командир старший лейтенант Юрий Сулименко. Офицер вытаскивал из-под огня раненого солдата, но сам попал под пули. Величко вместе с другом бросился к командиру, и они вынесли его с поля боя.

15 мая 1995 года Величко Виктору Васильевичу было присвоено звание Героя Российской Федерации. Сейчас капитан Величко проходит службу в одном из подразделений внутренних войск.

ПАПКА, ПОЛНАЯ СЕРДЕЦ

И семья, и хата

Родная часть. Родная рота. Сколько теплоты в этих словах! Они дороги воину. Чувство любви к своей части, гордости за нее не покидает и после службы. Воины запаса и ныне в общем строю, как и раньше, живут заботами своего подразделения, желают видеть свой воинский коллектив передовым. Они считают своими однополчанами не только тех, с кем служили, но и тех, кто сегодня служит.

“Как живет моя родная часть?” — интересуется однополчанин В.Неволин из Воронежа. “Смотрите, не уроните высокого звания передовой роты”, — обращается к молодым воинам рядовой запаса Сергей Попков из Башкирии.

“Если у меня с практикой будет благополучно, то приеду в часть”, — пишет в своем письме В.Афанасьев.

Приеду в часть... Об этом пишут старшина запаса Васильцов из Ростова-на-Дону, наш однополчанин из Элисты Аджаров. Для всех них приезд в часть — душевная потребность. Об этом же пишет Виктор Матвеевич Тарковский:

“Уважаемый Григорий Евсеевич, здравствуйте! Давно не писал и не был в родной части. Уже соскучился по сослуживцам, части. Сейчас я в Курской области. Прохожу практику на Льговской опытно-селекционной станции. У меня все в порядке. Стараясь. Готовлю дипломную работу. Ну, о крестьянских делах хватит. Как там наш батальон? Очень хочется увидеть всех, поговорить. Как приеду в Москву, то обязательно позволю и заеду в часть. Большой привет капитану Е.Е.Драчеву (с повышением его!) и всем товарищам, кто меня знает и помнит. А где сейчас мой земляк Иванов Саша? Я знаю, как вы заняты, но все-таки пару слов напишите. Буду ждать. До свиданья. Всегда ваш и с вами Виктор”.

Виктор Тарковский успешно закончил Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, выращивал хлеб у себя на родине в Курской области. В настоящее время он возглавляет один из крупных сельскохозяйственных кооперативов в Саратовской области.

Виктор Матвеевич внешне хмур, немногословен, но у него отзывчивое сердце воина-труженика.

У меня хранятся в заветной папке девять писем Тарковского и фотография. “Это ваш воспитанник В.Тарковский со своими воспитанниками, дочерью Ириной и сыном Сашей”, — подписал он. До сих пор помнится мне встреча с Виктором в Мыггищах, где он с женой Верой навещал нас по пути на отдых в Болгарию.

Солдатские письма — это своеобразный барометр состояния подразделения, части. Об этом свидетельствует и письмо из города Илек Оренбургской области: “...Пишет вам бывший ваш воспитанник сержант Ф.Семененков. У меня большая просьба: походатайствуйте, чтобы мой младший братишка был призван на службу в ту часть, где

служил я. Уверен, что он не подведет своего старшего брата. Я хорошо понимаю, что в нашу часть недостойных людей не призывают. Служить в нашей части (я так ее называю — нашей) — большая честь”.

“Привет из Нижнего Тагила! Здравия желаю, Григорий Евсеевич! Пишет вам “без вести пропавший” ефрейтор запаса Володька Морозов. Коротко о себе. Живем хорошо. Работаю шофером автобуса. Часто вспоминаю свою роту. А как сейчас дела у нас? Не болеет ли ст. лейтенант Шпаков? А старшина роты Вдовенко такой же строгий и хозяйственный?”

А самодеятельность наша жива? Мы же часто занимали первые места в смотре художественной самодеятельности не только в полку, но и в дивизии. Говорили, что в автороте хорошую постоянную самодеятельность не создать. Неправда. Мы и стреляли не хуже других, хотя с технической хлопот немало.

Я рассказываю ребятам, работающим вместе со мной, что у нас в роте много внимания уделялось и культурному росту солдата. За годы службы я побывал в Историческом

музее, на ВДНХ, в Третьяковской галерее. Был на концертах и спектаклях в Кремле, Концертном зале имени Чайковского и в других театрах.

Григорий Евсеевич, а могли бы прислать мне нашу ротную программу самодеятельности? Она нам здесь очень нужна. Мы готовим концерт к 23 февраля. Поручите это Жене Пискуну. Здоровья и успехов вам. Морозов”.

Володя вместе с женой Ниной были у нас в гостях. И когда мы осенью заготавливаем грибы на зиму, то всякий раз вспоминаем и баночки с грибами, привезенные с Урала, — белые грузди. У нас в Подмосковье таких нет.

В биографии каждого человека бывают события, которые не только запоминаются навсегда, но и влияют в дальнейшем на всю его судьбу. Для братьев Колядиных — Владимира, Анатолия и Александра таким периодом в жизни стала служба в наших войсках. Они приходили на смену один другому. В хороших людях много общего. Колядиных роднит глубокое сознание своего долга перед Родиной, любовь к военной службе. Владимир и Анатолий стали офицерами. Эта профессия стала делом их жизни. Анатолий успешно закончил высшее военное училище в Ленинграде. Часто писал письма, поздравления с праздниками и особенно — с днем рождения части.

“Уважаемый Григорий Евсеевич, здравствуйте! Я рад, что у связистов все в порядке. Все-таки первые армейские будни никогда не забываются. В конце августа я заканчиваю училище. Было бы здорово после окончания училища вновь вернуться в часть, где проходила службу вся наша семья и которая дала мне путевку в жизнь. Но с этой просьбой я к командованию части обращаться не буду. Куда распределят, где нужнее, туда и поеду.

Григорий Евсеевич, я буду очень рад, если ваш сын Валерий будет учиться в нашем училище и пойдет по стопам своего отца. В училище есть чему научиться. Очень сильный профессорско-преподавательский состав. Училищу большое внимание уделяют МВД, наше управление, руководство города.

Благодарю вас за письмо и добрые советы. С уважением курсант Анатолий Колядин”.

Уже будучи офицером, Анатолий приезжал в часть. Встретился со своими командирами, солдатами и

сержантами. А вечером мы встретились у меня дома в семейном кругу. Он приехал вместе с женой Раей и милой дочуркой Светланой. Первый тост был за встречу и дружбу!

А завершить эту главу мне хочется проникновенными словами Василия Теркина о привязанности к своей части:

*А покуда что она
Для меня — солдата —
Все на свете, все сполна:
И родная сторона,
И семья, и хата.*

Сокровенное

Солдатские письма... Они предельно просты и трогательны. О многом пишут солдаты и сержанты. О верности воинскому долгу, о своих командирах, о друзьях-товарищах, о невестах. Да, о невестах.

Вот полные искренности и доверия слова из письма Анатолия Дзюбы:

“...У меня есть славная девушка, которую, наверное, люблю. Она тоже отвечает взаимностью. Мы с ней начали встречаться еще до армии. Что дальше будет — не знаю. Наверное, свяжем свои судьбы воедино. А может быть, это все лишнее? Это мои личные дела. Как, Григорий Евсеевич? Если вам не понравится такая откровенность, то извините. Но мне кажется, что осуждать меня нет оснований. Вы были моим учителем и наставником. И если с глазу на глаз не было подобного разговора, так ведь это плохо. Вот я и захотел, чтобы вы посмотрели на меня и узнали мои сердечные откровения”.

Приходилось ли вам слышать, как в курилке солдат, получив письмо, громко, с усмешкой читает сообщение о том, что его невеста вышла замуж. Не верится в это. О истинной невесте на всю казарму не вещают. А если это серьезно? Так тоже бывает. Об этом воин скажет только самому хорошему другу, своим родственникам.

А что делать? Эти вопросы не задаются в строю или на занятиях. Об этом солдат может посоветоваться с командиром, которому доверяет и видит в нем своего старшего, опытного друга.

Так случилось с рядовым Иваном Мосиным. Главное — не оставить солдата одного, наедине со своим горем и мыслями. О том, что у Мосина вышла замуж его “нареченная” не-

ста, сказал мне старшина роты Василий Васильевич Долгов. Его в роте звали по-родственному — батей. Он все знал.

В личной беседе Иван показал мне письма из Пермской области от своей “нареченной”. Все они начинались ласковыми словами: “Иванушка, а ты знаешь...”; “Иванушка, здравствуй...”.

Помнится, я сказал ему, что если твоя невеста оказалась непостоянной, легкомысленной — забудь ее! Она недостойна тебя. Не горюй. А если она хорошая девушка, но вдруг на своем пути встретила другого — так тоже бывает. Поступи, как настоящий мужчина-солдат. Пожелай ей всего доброго, коль она тебе дорога...

Закончил службу ефрейтор Иван Иванович Мосин хорошо. Домой уезжал в хорошем настроении.

Говорят, сколько характеров, столько и понимания любви. Справедливость этих слов подтверждает непростая история семьи солдата Рыбальченко.

Провожала Ивана Рыбальченко невеста Татьяна, вернее, жена невенчаная. А потом пришло письмо на имя командира части, в котором сообщалось, что у нее родилась дочь. Она убедительно просила командира предоставить отпуск Ивану Рыбальченко для регистрации брака. Отпуск по семейным обстоятельствам рядовому Рыбальченко был предоставлен. А он не спешил ехать домой. Мы понимали, что по приказу командира не женятся, и терпеливо разъясняли, убеждали Ивана, что ему надо непременно ехать домой. Возвратился солдат из отпуска радостный, довольный. Поблагодарил за внимание к нему. Позднее жена Рыбальченко Татьяна прислала на мое имя письмо. Оно необычное. Такое у меня только одно.

“Уважаемый Григорий Евсеевич! Я знаю, что вы лично принимали самое действенное участие в нашей судьбе. Спасибо. Девочку назвали Людой. Будьте нашим крестным”.

Прошли годы. Закончилась служба у солдата Рыбальченко. Подросла их дочурка. Во многих письмах к нам Иван и Татьяна приглашают нас приехать в гости, в отпуск: “Дорогие Григорий Евсеевич, Мария Ивановна и ваши детки Валерий и Иринушка, здравствуйте! Большой привет вам от наших родителей. Мы и в этом году ждем вас. Приезжайте всей семьей. Мы будем очень рады. Мы встретим вас, как самых дорогих и желан-

ных. У нас вам будет хорошо. Недалеко Днепр, березовая роща. Дом у нас большой, просторный, 14 соток земли, хороший сад, много ягод. Нам видится, что у вас самая-самая дружная семья. Как приятно иметь таких дальних, но хороших людей. Григорий Евсеевич, когда будет у вас отпуск? Еще раз просим — приезжайте к нам. Дайте телеграмму, и мы вас встретим. Вы чудесно, неповторимо проведете отпуск у нас”.

В письме есть листочек из школьной тетради — это первое письмо от моей крестницы. Она нарисовала и цветы, которые растут у них в саду.

А теперь уже Людмила пишет письма самостоятельно: “Дорогой крестный! Поздравляю вас с праздником Красной Армии, в укреплении которой есть частица и вашего труда. Спасибо, что вы нас не забываете. Всегда ждем вас в гости. Будем очень рады. Целую. Ваша крестница Людмила”.

В моем семейном фотоальбоме, который я назвал “Мои года — мое богатство”, есть и фотография семьи Рыбальченко. Иван с заливчатскими усами, обаятельные Татьяна и их дочь Людмила.

Из этих трех сюжетов напрашивается вывод, что в каждой груди бьется сердце, каждый человек, будь он солдат или генерал, одинаково способен испытывать самые сложные душевные переживания. На искренность и уважение к себе человек отвечает тем же.

Исповедь

Иное письмо похоже на исповедь. Вот одно из таких. Прислал его Петр Шестаков из Бурятии, села Дубинино, куда уволился после службы. В этом письме есть такие строчки:

“Решил написать вам, только стыдно перед вами, перед ротой. Я краснею до корней волос. Теперь я понял, что делал порой нехорошо и не служил как следует. Понял все и вот сейчас ругаю себя и думаю, каким был дураком. Передайте мой привет командирам и всем ребятам роты, в которой я служил. Скажите им, что извиняюсь перед ними за все, за все. Спасибо за науку. Теперь я все понял и больше ошибок не повторю”.

“Трудным” был солдат Шестаков, нарушал дисциплину. Немало возились с ним командиры, коллектив подразделения. Верилось, что в нем

больше хорошего, чем плохого. К концу службы он заметно изменился к лучшему. Не во всем, не до конца, но изменился. В этом мы еще раз убедились, когда Петр, уже уволившись в запас, прислал письмо. Доброго пути тебе, Петр Шестаков! Служба в войсках была для тебя очень полезной школой.

Справедливость этих слов раскрывается в письмах многих воинов, с которыми сводила меня служба.

“Я, рядовой Щербань, хочу сказать большое спасибо командирам и всему коллективу за мое перевоспитание. За годы службы я не только подрос, стал выше, окреп физически. Нет, это не главное. Я, честно говоря, совсем по-другому стал смотреть на жизнь. У меня стало меньше необдуманных поступков, которые были раньше (командиры об этом знают). У меня появились такие человеческие качества, которые не купишь за деньги ни в одном магазине. Еще раз спасибо”.

“Мы служили в нашей роте”

“Мы служили в нашей роте” — так называется рукописный сборник, который пишется теми, кто проходил службу в ней. Это летопись, история подразделения и части.

Увольняясь в запас, солдаты и сержанты записывают в этом сборнике свои мысли-раздумья о годах службы, слова благодарности тем, кто помогал им в нелегком ратном труде. Здесь и добрые пожелания, и наказ тем, кто заменит их завтра в боевом строю.

Сборник открывается горьковскими строками: “Ты уехал, а цветы, посаженные тобой, остались и растут.. Вот если бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе — легка и приятна была бы твоя жизнь. Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя богатым душой”.

Так Алексей Максимович писал своему сыну. И как бы всем нам.

Вот они, проникновенные строчки о воинском долге, о себе:

“Дорогие друзья и товарищи! В память о себе мы оставляем эти строки в нашей замечательной книге. Служили мы так, как подсказывали нам совесть и долг воина. Многое хорошее, взятое нами за годы служ-

бы, увозим с собой. Заверяем, что вам никогда не придется краснеть за нас, ушедших в запас. Рядовые Литвиненко, Ларин”.

“Годы, прошедшие в армии, оставили у меня и радость, и маленькие огорчения. Никто не служит без сучка и задоринки. Но, главное, надо понимать, что служба наша нужна, почетна, без нее никак нельзя. И если уж ты призван служить, то служи так, чтобы была польза от твоей службы. Принося пользу всем, ты приносишь ее и себе. Тогда и служба интересней. Эти слова я пишу не для праздности болтовни. Я не высосал их из пальца. Верность этих слов подтверждается годами моей службы. Старший сержант П.Талпекин”.

“Мы заверяем, что вам никогда не придется краснеть за нас, ушедших в запас”.

“Мы прошли замечательную жизненную школу”.

“Мы и в запасе останемся солдатами”.

Эти слова звучат как клятва в письмах солдат и сержантов.

Проходят годы, но с благодарностью вспоминают и будут вспоминать воины запаса своих командиров и родную роту. Без труда узнают люди вчерашнего воина в гражданской жизни, узнают по поступи, деловитости, по красоте и богатству человеческой души.

Так случается, что чем больше проходит времени, тем дороже становятся годы службы...

Давно я сменил военную форму, но, признаюсь честно, если увижу человека в военной форме, радуюсь встрече, как с родным и близким.

Разбирая солдатские письма, перечитывая их вновь и вновь, я будто исповедуюсь перед ними и их родителями, их семьями. Все письма мне очень дороги. Они — словно дружеский голос из моей армейской юности. Они созвучны и моей службе, которой я отдал лучшие годы жизни.

Честь и хвала тебе, солдат!

Кончится срок службы, ты вернешься домой, но и детям, и внукам своим ты будешь говорить с гордостью: “Да, я был солдатом, солдатом своей Родины!”

Ребята! Уважаемые авторы напечатанных в журнале писем! Дружья-однополчане! Если прочтете эти строчки, откликнитесь. Доскажите свою биографию.

Григорий ИВАШКОВ,
полковник запаса.

Парад, равный победному сражению

Тревожный, временами отчаянный октябрь сорок первого года. Война сокрушающим валом катилась в глубь страны — к ее сердцу Москве. Гитлеровцы, прошагавшие победным маршем по ряду столиц Европы, очертя голову рвались вперед, не считаясь ни с чем. Всюду, где ступала их нога, шла кровавая расправа, попрание всего и вся, разрушения и повальные грабежи. Только так, считали фашисты, они покорят Советскую страну. И тогда до мирового господства рукой подать.

Правда войны показала, что орды захватчиков лучше организованы, выучены, вооружены, в частности бронетехникой, авиацией. Они тупо верили, что на свете нет силы им равной, что они непобедимы.

Завоеватели не держались обычной тактики, не теснили противостоящие силы, а сосредоточивали пяти-десятикратное превосходство на выгодных направлениях, вспарывали нашу оборону, вырывались танковыми клиньями на большую глубину, потом смыкали их, образуя котлы окружения. Так было на седьмом дне войны с Мин-

ском, через три недели со Смоленском, в начале октября под Вязмой...

Оправившись от первых неудач, защитники Отечества упорно отстаивали каждую пядь родной земли. Это знает Даугавпилс, Брестская крепость, которая почти месяц сражалась в окружении, Орша, где впервые заговорила легендарная "катюша". Фашисты обломали зубы на Ельнинском выступе — месте рождения советской гвардии.

В середине октября, перегруппировав свои силы, гитлеровцы начали операцию "Тайфун". Слово-то какое — стремительно сокрушающий порыв. Хотя им уже и сбили спесь, они еще были сильны, рвались напролом к Москве. 3 октября взяли Оршу, 13-го — Калугу, 14-го — Калинин, затем Можайск и Малоярославец.

В те дни начальник генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер констатировал: "Падение Москвы кажется близким..."

Москва для фашистов — от солдата до генерал-фельдмаршала — это конец войне, баогатейшая добыча, слава, награды... Это зимние квартиры, отдых... Поэтому

они с маниакальным стремлением рвутся сюда.

В начале гитлеровцы намеревались взять ее через три недели, потом — к концу августа, затем к середине октября, наконец — к началу ноября. Захватить во что бы то ни стало и самым жестоким образом.

Седьмого ноября немцы вознамерились провести на Красной площади военный парад — парад победителей. Для этого они везли в обозах новую амуницию и мешки с железными крестами. Боец В. Зотов рассказывал, что его 158-й саперный батальон в октябре разгромил близ деревни Лаврово-Песочная фашистскую команду, которая должна была обеспечить и пышно обставить въезд в "поверженную" Москву самого Гитлера. При ней обнаружены фашистские знамена, атрибуты для парада и мощная радиостанция.

А потом? Потом фашисты намеревались сровнять Москву с землей и на ее месте создать искусственное озеро или море. И чтобы при этом ни один москвич, будь то мужчина или женщина, старик или ребенок, не мог выйти из города!

Для этого севернее Москвы — через Волоколамск, Клин, Дмитров и далее поползли бронированные шупальца, а южнее столицы — через Мценск, Тулу и Каширу — другие. Они должны были сомкнуть кольцо окружения столицы где-то около Ногинска или Орехово-Зуева. Это большие клещи. А малым из района Можайска и лесов Серпухова предстояло соединиться в Кунцево. Вот такое двойное окружение задумали враги.

Обстановка вблизи Москвы и в самой столице осложнялась с каждым днем. На улицах и площадях города была слышна артиллерийская канонада и разрывы авиабомб. Многие москвичей тревожило предчувствие, что гитлеровцы вот-вот окажутся в городе. Даже Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин с болью в сердце спрашивал командующего Западным фронтом Г.К. Жукова: удержим ли Москву?

Началась паника. Ее спровоцировали слухи об эвакуации из столицы госучреждений, правительства, дикорпуса, вывозе предприятий, ценностей и всего прочего. Москвичам предлагалось уезжать или уходить из города по единственно свободной магистрали — по шоссе Энтузиастов. Возникли беспорядки, участились грабежи, связанные с расхищением народного добра.

В Москве было введено осадное положение. В постановлении о нем оборона столицы на дальних подступах возлагалась на генерала армии Г.К. Жукова, а на ближних — на начальника гарнизона генерал-лейтенанта П.А. Артемьева, бывшего командира дивизии имени Ф. Дзержинского. Вводился комендантский час. В обращении к москвичам говорилось: "Сейчас как никогда требуется бдительность, железная дисциплина, организованность, решительные действия, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию".

Мир затаил дыхание. Что же будет? Многие политики-аналитики даже стран-доброжелателей в Англии и Америке не верили, что Советский Союз выстоит. Предполагалось, что немцы переведут дух, пополнят свои ряды техникой и людьми, перегруппируются и неминуемо нанесут решающий удар.

В то смертельно-опасное время

защитники Отечества с перенапряжением сил делали свое дело. Прибавилось забот и у бойцов и командиров-дзержинцев. Они обязаны были держать оборону в своих секторах и в то же время осуществлять режим осадного положения и комендантского часа, вести решительную борьбу с диверсантами и шпионами, с бесчинствующими элементами, дезертирами, паникерами. Свои задачи они выполняли четко и решительно, чем заслужили одобрение властей, командования и москвичей.

К началу ноября "Тайфун" выдохся. Завоеватели застряли под Вязьмой, не смогли перегруппироваться и топтались на месте. Защитникам Москвы, наоборот, ценой величайших усилий удалось отмотивировать все имеющиеся ресурсы. Относительное затишье во фронтовом Подмосковье позволило провести традиционные торжественные мероприятия, посвященные 24-й годовщине Великого Октября. В том числе и военный парад на Красной площади.

Мало кто верил, что в сложившейся обстановке будем отмечать 7 ноября. Когда об этом заходила речь, немедленно следовала реакция: "Какое торжественное заседание? Какой торжественное заседание? Какой торжественное заседание? Какой торжественное заседание? Ведь враг у ворот!"

Саперы-дзержинцы в те дни в районе парка в Кусково сооружали большой командный пункт. Якобы для самого командующего Московской зоны обороны. Объем работ был очень велик, а сроки малые. Но война не любит промедления. И работа кипела день и ночь. На глазах рос котлован. Прямо в парке валились вековые деревья для перекрытия. Уже был настлан пол, обшиты тесом стены, начали сооружать накат, и вдруг нас снимают со строительства и возвращают в казармы. На наш немой вопрос — в чем дело? — ответа нет. К вечеру батальон строится поротно и, как в былые времена, начинается строевая подготовка. Ранжир, равенение, внешний вид, одиночная подготовка и в составе шеренг. И так с утра до вечера. А недоумение еще больше. Может, и вправду готовят к параду, ведь завтра 7 ноября? Не верится.

На утро сыграли подъем в четыре утра. Накормили, напоили

чаем. Личный состав построен с оружием, боеприпасами, с вещевыми мешками за плечами. Всех тщательно осмотрели, и по машинам. Высадили у Покровских казарм и пешим порядком — на Красную площадь. Теперь уж точно мы знали: идем на военный парад.

Погода — хуже некуда. Всюду все заиндевело, снежная круговерть. И с каждой минутой снежное буйство усиливается. Хорошего мало, но, с другой стороны, налета вражеской авиации не будет. В такую снежную мглу не взлетит.

И все же в душе тревога. Питлеровцы на удалении всего одного танкового перехода. Слышно, как бьет артиллерия — и вражеская, и наша.

...Ровно 8.00. Начались привычные ритуалы: доклад командующего парадом, приветствие и поздравление войск с праздником принимающего парада, сопровождение духового оркестра...

Смогли фанфары, провозглашающие: "Слушайте все!" Послышался глуховатый с грузинским акцентом голос Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Всем запомнились его слова, обращенные к защитникам Родины, участникам военного парада: "На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецко-фашистских захватчиков... Будьте достойны этой миссии!" И завершающие слова речи: "Пусть вдохновляют вас в этой войне мужественные образы наших великих предков..."

С нашего прихода на Красную площадь и до торжественного марша прошло немало времени. На шапки и плечи бойцов намело снега. Все походило на сказочных богатырей.

По площади трижды прокатилось раскатистое "Ура!", и застывшие было шеренги встрепенулись, с равнением на мавзолей четким парадным шагом двинулись вперед.

Шли курсанты артиллерийского училища, полки 2-й Московской стрелковой дивизии, Отдельной ордена Ленина мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского. Следом особый батальон Московского округа, шеренги ветеранов-красногвардейцев, моряков флотских

экипажей. Все проходило при причальном строевым шагом. А вот ополченцы шли кто как мог, по-разному неся оружие, без ранжира и равенства. Многие из них строем-то никогда не ходили.

За пехотой прогарцевали эскадроны кавалерии, промчались пулеметные тачанки дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, прошли машины с прицепленными пушками разных систем, более сотни танков. Не было только авиации.

Мне хотелось бы подробнее рассказать о бойцах и командирах — участниках парада из родной дивизии имени Ф.Э. Дзержинского.

Первым назову в то время мощника командира взвода 3-го мотострелкового полка Островерхова Леонида Степановича. Призван он был на военную службу в 1939 году, окончил девятимесячную школу младших командиров, показал себя хорошим командиром отделения. До парада в районе Яхромы он соорудил с бойцами оборонительный рубеж (там полк должен был держать оборону), нес охрану мостов на Можайском и Волоколамском шоссе. После парада он обеспечивал спецсвязь войскам НКВД на Юго-Западном фронте. Затем его боевой путь проходил через Ростовскую область, Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. Войну закончил в Вене. Потом — Забайкальский фронт — Монголия, Маньчжурия. Словом — от Москвы и до Вены, от Вены и до Чанчуня. После войны учительствовал, активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи. Ныне живет в Ростове-на-Дону, подполковник в отставке.

В одном строю с Островерховым шел его командир капитан Серезников Александр Иванович. На службе с 1934 года. Закончил Саратовскую военную школу, Высшую школу НКВД, командовал взводом, ротой, школой младших командиров, батальоном, удостоен нагрудного знака "Отличник РККА". Батальон Серезникова с парада уходил на боевые позиции. Позднее Александр Иванович командовал на фронте батальоном и 292-м стрелковым полком 181-й Сталинградской ордена Ленина стрелковой дивизии. Был награжден

ден орденом Александра Невского. Погиб при штурме Чернигова в октябре 1943 года. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Был на параде 7 ноября 1941 года и Огрызко Владимир Тимофеевич, ныне полковник в отставке. В дивизию он пришел после окончания Саратовского училища в 1939 году и был назначен командиром 1-го взвода, 1-й роты, 1-го батальона, 1-го мотострелкового полка. Образно говоря, встал на самом правом фланге не только дивизии, но и внутренних войск. Перед парадом, будучи командиром роты, выполнял боевое задание в 16-й армии. Командарму генерал-лейтенанту К.К. Рокоссовскому так понравились исполнительные, решительные, brave воины роты вместе с ее командиром, что он не хотел их отпускать обратно в полк. После парада Владимир Тимофеевич — командир внештатной роты почетного караула, встречал высоких иностранных гостей. Будучи командиром батальона, вел борьбу с вражескими парашютистами на Северном Кавказе. Участвовал в Параде Победы.

Иван Щепотьев призвался на военную службу 17 августа 1941 года, когда уже шла война. И вот уже через полтора месяца стоял в парадном строю на Красной площади. Посуrowел взгляд юноши, его руки надежно держали боевое оружие. Таким он и ушел с парада с боевыми побратимами на передовую, на Западный фронт. После битвы за Москву — командир отделения, старшина роты. Он навел в подразделении такой твердый уставной порядок, что сюда приходили со всей дивизии поучиться опыту, уму-разуму. Наблюдая это, генерал как-то назвал Ивана Щепотьева старшиной дивизии. А он знал, что говорил! Ивана Васильевича всегда отличала отменная строевая выучка и бравая выправка. Он был участником 16 военных парадов на Красной площади, в том числе парада 24 июня 1945 года, парадов ветеранов 9 мая 1995-го и 2000 годов.

В парадном строю 1-го мотострелкового полка бодро шагал по площади военинженер 3-го ранга Салдадзе Кирилл Максимович, кандидат технических наук. К этому времени он уже совершил свой ратный и научный подвиг: в усло-

виях нехватки бензина сумел из отходов нефтепродуктов создать огневую смесь. Ее использовали для огнеметов всех систем, для снаряжения бутылок, заменявших гранаты.

После войны Кирилл Максимович стал ученым с мировым именем, профессором, доктором химических наук, автором 432 научных работ и 62 изобретений.

До легендарного парада красноармеец Николай Лобачев уже побывал в ожесточенном бою под Боровском 11 октября 1941 года. Тогда усиленный батальон 2-го полка дивизии насмерть стоял на пути численно превосходящего противника. Ценой больших потерь ему удалось задержать немцев на сутки, дав возможность подходящим силам занять выгодные рубежи. Потом была Курская битва, освобождение Белоруссии, Польши, взятие Берлина и встреча на Эльбе. 7 сентября 1945 года Николай Михайлович участвовал в параде союзнических войск в Берлине. В послевоенные годы он проходил службу в управлении Генерального штаба. В соавторстве с генералом Н.С. Лабезниковым написал книгу "С Урала до Эльбы" о боевом пути и героях 175-й Уральско-Ковельской Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизии. Награжден 6 орденами и 32 медалями, полковник в отставке.

Все оставшиеся в живых бойцы и командиры 2-го батальона 2-го полка участвовали на ноябрьском военном параде. Среди них был его командир капитан И.П. Ключко, политрук А.М. Озерякин, командир 5-й роты старший лейтенант П.П. Семенюк, лейтенант И.М. Ломов, сержант Б.С. Егоров, младший сержант С.И. Фаловский, красноармеец М.А. Метельков и многие другие. Была на параде и санитарструктор Лидия Долгалева. Эта хрупкая на вид девушка вынесла из-под огня с поля боя 29 бойцов и командиров с их оружием, за что удостоилась ордена Красной Звезды. Она живет в Санкт-Петербурге, не порывает связи с родным полком.

С боевыми побратимами пришел на парад красноармеец Дмитрий Сторожев. Сноровистый и решительный, он весь был в готовности сразиться с врагом. Любили его товарищи за верность, добрый нрав, находчивость. Вскоре после

парада он стал сержантом, потом офицером. После хрущевского сокращения армии на миллион двести тысяч, с головой ушел в проблемы сельского хозяйства. Стал председателем подмосковного колхоза имени С. М. Кирова. И здесь проявился его талант организатора-хозяйственника. Пошел мощно в гору его колхоз, стал многоотраслевым, высокодоходным и гремел на всю страну. За большой вклад в развитие хозяйства колхоза, затем агрофирмы Дмитрий Андрианович удостоился ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. Ему было присвоено почетное звание "Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР".

Подполковник в отставке Марков Сергей Петрович не раз утверждал, что боевые и организаторские качества, пригодившиеся в дальнейшем, приобрел, находясь в боевых рядах дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. А на ноябрьском параде сорок первого года как никогда ощутил в себе готовность к защите Родины. После легендарного парада он был назначен в личную охрану Г.К. Жукова, со временем возглавил ее. Вместе с полководцем он прошел по всем дорогам войны, был рядом с маршалом и во время его командования Одесским, Уральским военными округами, не оставил его в годы опалы и отставки. Всего свыше 15 лет.

Всякий раз, когда на Красную площадь во время военных парадов выходила кавалерия, все взоры устремлялись на нее. Так было и 7 ноября 1941 года. Во главе одного из конных строев кавалерийского полка дивизии имени Ф.Э. Дзержинского на вороном коне выехал лейтенант Виктор Василенко. Много боевых задач в годы войны решал со своими подчиненными этот конник. Он стал мастером конного спорта, чемпионом Советского Союза по владению кавалерийским оружием. Позднее он будет командовать кавалерийским эскадромом, полком милиции столицы. Ныне полковник в отставке Виктор Дмитриевич Василенко живет в Москве, активно участвует в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Хотелось бы назвать еще многих и многих участников знаменитого парада, и прежде всего Евсее-

ва Николая Иосифовича, Ермолинского Владимира Прокофьевича, Павлия Николая Андреевича, Проскуракова Петра Ивановича, Чулаева Виктора Дмитриевича. Все они мужественно защищали столицу, достойно проявили себя в последующем. Евсеев участвовал в Олимпийских играх 1952 года. Ермолинский занимал крупную должность в одном из министерств. Виктор Чулаев стал полковником госбезопасности, имя Николая Павлия хорошо известно московским книголюбам, да и не только московским. Много доброго можно сказать и о бывшем командире взвода минометчиков Петре Проскуракове.

В одной шеренге со мной шел по кремлевской брусчатке сержант Александр Кольцов. Мы с ним вместе призывались на службу, всегда чувствовали локоть друг друга в строю. Александр Николаевич после войны стал директором крупного Гаврилов-Ямского льнокомбината, был отмечен высокими государственными наградами. Жаль, что сегодня его нет среди нас...

Заканчивался необычный парад в прифронтовой столице. И со всеми с нами произошло изумительное: исчезли тревога и беспокойство, появилась полная уверенность — Москву стоим! Это был парад подъема народного духа, воодушевления на борьбу с врагом, на победу!

Ноябрьский парад сорок первого для воинов-дзержинцев был примечательным и тем, что принимал его Маршал Советского Союза С.М. Буденный, почетный красноармеец кавполка дзержинцев, командовал парадом генерал-лейтенант П.А. Артемьев — командующий Московским военным округом, а до марта 1941 года — командир дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Именно при нем дивизия была награждена орденом Ленина. Дирижировал сводным духовым оркестром капельмейстер соединения интендант 1-го ранга В.И. Агапкин, автор бессмертного марша "Прощание славянки".

Парад сорок первого года... Вдуматься только — парад под самым носом самоуверенного врага в прифронтовом городе! Дерзкий вызов, презрение и оплеуха "непобедимым" завоевателям.

Общеизвестно, что когда немцы узнали о нем, по личному приказу Гитлера в воздух было поднято 250 самолетов-бомбардировщиков с задачей разбомбить на Красной площади все и вся. Но тщетно. Стервятники были встречены плотным огнем зенитной артиллерии и такими яростными атаками наших истребителей, что ни одному самолету не удалось прорваться к столице.

Военные парады на Красной площади всегда были строжайшим государственным смотром готовности Вооруженных Сил к защите Отечества. 7 ноября 1941 года проверялась еще и способность войск не только выстоять в боях под Москвой, но и нанести захватчикам поражение.

Военные парады всегда отличались красотой и строгостью ритуала, высокой боевой выучкой, бравым видом и строевой подтянутостью их участников. Это всегда вдохновляющее и по-воински мобилизующее зрелище. Ноябрьский же парад сорок первого года был по-фронтовому строг и суров. И в этом его величие.

Видные военачальники и политики утверждают, что ноябрьский парад был равен победному сражению. Сражению, которое произвело поворот в умах и сознании широкой общественности не только в нашей стране, но и во всем мире. У иных закралось сомнение в победе гитлеровцев, а те, кто не прочь были присоединиться к агрессору, серьезно задумались.

Парадом седьмого ноября зажглась заря нашей Победы. Правильно сказал поэт: "Воюет не железо, а душа! Вся сила в ней, а уж потом в железе!"

Перешедшие в контрнаступление полки Красной Армии отбросили врага от стен столицы на 150 — 300 километров. Был напрочь развеян миф о непобедимости гитлеровской армии. Провалился блицкриг — план молниеносной войны или быстрой операционной операции.

Владимир ЖУРАВЛЕВ,
полковник в отставке,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации.

Юрий ДУРНЕВ,
полковник в отставке

Военная молодость

Чернобровая казачка

У ЭТОГО фронтового снимка курьезная история. Когда полковой фотограф щелкнул затвором фотоаппарата, пред лихим седоком гвардии лейтенантом Аннушкой, как ее звали в полку, словно из-под земли вырос командир 6-го гвардейского корпуса генерал Плиев. Вскинув кустистые, подернутые сединой брови, генерал строго спросил:

— Гвардии лейтенант, почему опять без погон?!

А надо сказать, в ту пору погоны в Красной Армии только-только были введены, и начальствующий состав строго следил за тем, как к ним относятся подчиненные. Вот и тут, не успела Анна спешиться, как командир корпуса отчеканил:

— Пять суток за систематическое нарушение формы одежды!

Но отбыть наказание лейтенанту не довелось. Наутро разгорелся бой за станцию Валуyki.

Вместе со своим персоналом (Аня была начальником санслужбы полка) она занималась транспортировкой раненых кавалеристов. В этот день она вытащила из-под огня тридцать шесть бойцов. В пылу боя в траншее лицом к лицу столкнулась с дюжим германским фельдфебелем. Тот вскинул пистолет, но нажать спусковой крючок не успел: миловидный лейтенант ловким приемом самбо припечатала гитлеровца к земле, обезоружила и доставила в штаб.

Вручая Анне медаль “За отвагу”, Исса Александрович Плиев поинтересовался:

— Как же тебе, чернобровая, удалось пристукнуть эдакого верзилу фельдфебеля?

И тут кто-то из командиров спросил:

— Товарищ генерал, а как быть с пятью сутками, объявленными вами гвардии лейтенанту?

Командир корпуса, спрятав улыбку в усах, махнул рукой:

— Отсидит после победы!

Об этом случае вспоминал дважды Герой Советского Союза

генерал армии Плиев спустя много лет после войны в письме к Анне Михайловне.

С достоинством и честью прошла она в рядах кавалеристов по трудным фронтовым дорогам. Была ранена, контужена, к той памятной медали “За отвагу” прибавились ордена Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медаль “За боевые заслуги” и другие награды.

Спортсменка, любимица казачков, Анна никогда не терялась в самой, казалось бы, безвыходной ситуации. На Северном Донце, в районе Чугуева произошел с ней такой случай. Вместе с санитаром Аннушка пробирались в одно из подразделений. Слякоть страшная. Промокли. Аня решила переобуться. Сняла валенки, из вещмешка вытащила сапоги. И вдруг санитар крикнул: “Немцы!”. Гвардии лейтенант бросилась с студеную воду реки. Подбежавшие гитлеровцы заорали: “Рус, вылезай!”.

Аня нырнула, автоматные очереди вспороли волны. На секунду вынырнув, чтобы глотнуть возду-

ха, она вновь скрылась под водой. Так под непрерывным огнем чудом добралась до противоположного берега к своим...

О героических поступках начальника санслужбы полка мне поведал бывший начальник полтотдела гвардейского корпуса полковник в отставке Федор Семенович Плантав — замечательный офицер, настоящий рубака.

Мы сидели во дворе под абрикосовым деревом, разгорался чудесный весенний денек с бодрящей теплынью, которые так часты в эту пору в Пятигорске. Белые лепестки с сиреневым подбоем падали с абрикоса, словно игрушечные парашюты, и покрывали разложенные веером фронтовые фотографии. С каждой из них связана необычная история.

Комментировал снимки старый кавалерист пространно, особенно те, на которых изображен маршал победы Георгий Константинович Жуков:

— Полководец был страстным любителем лошадей, при okazji всегда навещался в гвардейский корпус...

Но я заметил, что больше всего карточек в альбоме, на которых запечатлена Аня.

— Ох, и бедовая казачка была эта чернобровая дивчина! — с придыханием говорил Федор Семенович.

— А где же она сейчас, как сложилась ее судьба? — спросил я.

— Как где? — встрепенулся ветеран. — Она моя жена! Сейчас придет с Верхнего рынка и принесет нам молодых огурчиков.

И он счастливо засмеялся.

Вася — сладкоежка

МОЛЧАЛИВЫЙ, веснушчатый младший сержант Василий Дегтярев слыл в полку мастером телефонного дела, ходил в разведку за языком и вообще все умел. А сладкоежка был каких поискать! Бывало, выдадут солдатам положенный на неделю паек сахара, а он за один день все съест.

— Что же ты, Василий, делаешь? — удивлялись товарищи. — С чем завтра будешь пить чай?

— Чудак вы, ребята! Я вовсе не жадный, но учитываю тут один момент. Представьте: прилетит фашист и сбросит бомбу, та прямо в мой вещмешок — и пропал сахар...

В те дни в Сталинграде полк 10-й дивизии НКВД вел бои в районе Комсомольского сада, что рядом с областным театром. Как всегда с утра Дегтярев проверил работу коммутатора, связался с "Чайкой" и "Волгой". И вдруг затряслась земля: налетели фашистские пикирующие бомбардировщики. Вскоре гитлеровцы пошли в атаку.

— Связи нет! — бросил в сердцах заместитель командира полка майор Яковлев.

Дегтярева как ветром сдуло. Он живо выпрыгнул из траншеи. Зажав в руке провод, Василий где ползком, где пригибаясь двигался в сторону речки Пионерки. Там находился штаб дивизии, с которым прервалась связь. Бойцы с тревогой следили за юркой фигурой связиста.

Не успел младший сержант подняться на фундамент каменной изгороди, как разорвавшаяся рядом мина бросила его на землю. Падая, Дегтярев все же успел схватить второй конец провода. Осколки раздробили ему руки, изувечили лицо. Но связист, зажав в зубах концы провода, пополз к командному пункту. Когда к нему подбежали товарищи, он последним усилием поднял голову и едва слышно прошептал:

— Передайте командиру... связь восстановлена...

Похоронили Васю Дегтярева на берегу Волги. Плывут пароходы — салютуют солдату, а когда, случается, однополчане приезжают на свою очередную встречу, каждый из них кладет на Васину могилу белый, как снег, кубик рафинада...

Старший брат Александра Матросова

ЕСТЬ у меня старая, выдавшая виды папка. В ней — многолетняя переписка с архивами, музеями, родственниками, сослуживцами тех отважных бойцов и командиров, кто в годы Великой Отечест-

венной войны совершил уникальный по духу подвиг, закрыв собственным телом пулеметную точку врага. Это самопожертвование принято связывать с именем гвардии рядового Александра Матросова, прославившегося в бою 23 февраля 1943 года у деревни Чернушки Псковской области. Но особенность моей папки такова: в ней собраны материалы о тех бесстрашных людях, которые раньше Матросова закрыли своим телом огневые точки противника. Об одном из патриотов — короткий рассказ.

Это был очень тяжкий для армии и страны 1942 год. На многих фронтах нас преследовали неудачи. К нефтеносным районам Северного Кавказа и Баку гитлеровцы рвались с остервенением, ведь война моторов немыслима без горючего. Танковая армия Клейста, казалось, имела все шансы овладеть нефтеносными промыслами Кавказа, но путь ей преградили войска генерала И.И. Масленникова, у которых танков не было, но были такие бойцы и командиры, которые оказались сильнее стальных машин. Успешно выполнив задачи по обороне, они готовились к наступательным боям. И вот что я прочитал в одном из наградных листов: "Петр Барбашев в период подготовки наступательной операции 8 — 9 ноября 1942 года выполнял задание командования по разведке сил противника. В разведке действовал смело и мужественно. 9 ноября 1942 года подразделения полка пошли в наступление, но были задержаны пулеметным огнем противника. Тов. Барбашев пошел на ликвидацию огневой точки..."

...Близ селения Пизель у обочины шоссе над курганом стоит скромный обелиск. На постаменте доска: "От трудящихся Северной Осетии... курсантам, солдатам, сержантам и офицерам, павшим в бою с фашистскими захватчиками в 1942 году при защите г.Орджоникидзе". Среди отдавших свою жизнь за Осетию сибирский паренек Петр Барбашев, командир отделения 34-го полка внутренних войск, секретарь комсомольской организации роты автоматчиков.

Сейчас здесь шумят тополя и

каштаня, а в ноябрьские дни 42-го все чернело от гари. Подразделениям полка было приказано блокировать и уничтожить опоясывающие селение Гизель вражеские доты.

По ложине плыл густой промозглый туман. Группа автоматчиков под его покровом прокладывала путь ротам. Методично били вражеские минометы, захлебывался в ярости пулемет. Прижимаясь к пожухлой траве, Барбашев подполз к доту на двадцать метров и швырнул в амбразуру две гранаты. Фашистский пулемет замолчал. Но как только поднялась цепь бойцов, дот ожил. Петр увидел, как пулеметная очередь прошла двух его сослуживцев Давыдова и Мову. Барбашев бросился к огневой точке, но тут же упал — пули перебили ноги. Как быть? Петр напряженно вглядывался в зияющее чернотой отверстие дота и думал лишь об одном: "Только бы хватило сил. На бросок. Один лишь бросок..."

Он сделал отчаянный рывок вперед и всем телом навалился на амбразуру немецкого дота.

"Пулемет захлебнулся, внезапно оборвалась его огневая строчка" — так писала о подвиге Барбашева 13 ноября 1942 года дивизионная газета "За родной Кавказ". А ровно через месяц Петру посмертно будет присвоено звание Героя Советского Союза.

Сибирское село Венгерovo, где родился Петр Барбашев, и кавказское селение Гизель, где он совершил подвиг, стали побратимами. Его имя присвоено школе в Новосибирске, площади и проспекту в Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Сохранился дот, который Барбашев заставил замолчать. Там взметнулся обелиск в память об отважном солдате...

Колодец Филиппыча

В ДАЛЕКОЕ таежное сельцо Колеус от командировочных дел я свернул не случайно: там жил мой давнишний знакомый — Герой Советского Союза Петр Филиппович Торгунаков, любимый сельчан, а мальчишек в особенности.

— С детворой у меня дружба

крепкая, — говорил по дороге в школу Филиппыч. — Это народец любознательный, дотошный, восприимчивый. В юном возрасте нужны добрые посевы. Ребяты непременно требует, чтобы я всегда был, что называется, при параде. С орденами и рассказ про войну всамделешным становится. Я их понимаю. Мальчишки во все времена остаются мальчишками. Помню, с каким восторгом сам смотрел в отрочестве на дядю Евтея, нашего волочаевца. Бывало, соберемся на берегу Кии у тихой заводи и, не шелохнувшись, слушаем его рассказы про Блюхера, про то, как они, народоармейцы, в февральский мороз разрывали двенадцать рядов колючей проволоки на сопке, как бились с белогвардейским отрядом полковника Аргунова. Те устные повести до сих пор живы в памяти...

Несловоохотливый, он, как мне показалось, говорил трудно, не сразу подыскивая точные слова, но то, о чем говорил, было основательным, прочувствованным до конца.

В школьном фойе неугомонная продленка сразу взяла Торгунакова в плотное кольцо. Мальчишки восхищенно рассматривали Золотую Звезду Героя, ордена и забрасывали вопросами: "Сколько граммов золота в звездочке?", "Дают ли ордена Славы генералам?", "Медаль "За взятие Кенигсберга" — а где такой город?".

Имба Петра Филипповича недалеко от реки. Стоит сделать сотню шагов, перевернуть отдохнувшую за зиму лодку-долбленку — и гуляй себе по волнам. Хочешь в Таежно-Александровку — иди вниз, и Кия, подхватив утлое суденышко, опирав несколько колен, вновь принесет тебя к колеульским берегам. Надумал завернуть в Заборье или Таежно-Михайловку — тут против течения подняться надо, а потом суши весла и любуйся тайгой, могучими кедрами и стройными березами.

Я хорошо знаю этот дом со светлой горницей, русской печью и полатями. В этот раз Лидия Онуфриевна, жена Торгунакова, хлопотала над еще пахнущим рекой налимом, а я рассматривал фронтальной альбом. По снимкам, сделан-

ым корреспондентами газет и фотографами-любителями, можно было представить, как воевал, какими дорогами шел к победе храбрый сибиряк.

— Филиппыч, если откровенно, не скучновато жить в далеком таежном селе? Ведь у героев есть льгота на получение квартиры в тех местах, которые они освобождали, а ты — освободитель юга России...

Торгунаков помолчал немного, взял в руки кусочек капроновой лески и, прикусив ее, сказал:

— Во дворе у нас колодец, да ты его знаешь — глубокий, с зеленоватым замшелым срубом. С отцом еще сработали. Вода в нем вкуснющая, хрустально чистая. Пьешь — зубы ломит, до того холодна. А напиться не можешь. Так вот, эта вода из родного колодца и привела меня после долгих солдатских странствий в Колеул, где родился и вырос, откуда уходил на фронт с легким, как пушинка, вещмешком. Взять-то было нечего, кроме алюминиевой ложки и куска хлеба с салом. Служил я в городах больших и малых, все больше современных и красивых, но сердце жило здесь, на реке Кие, где дымчатые рассветы, где играет красавец язь, дурманит черемуха на Песчанке... А слышал, как звенит река по вечерам и гогочут краснолапые гусаки за околицей? Я думаю, что у каждого должен быть свой родной колодец, которому нельзя изменять...

Зингеровские ножницы

АХ, ЭТА незабвенная военная молодость... Пора офицерского ожидания очередных путеводных звездочек, исключительная самоуверенность в том, что эта бьющая чистым, здоровым родником жизнь дана тебе до бесконечности...

Служил я тогда в Хабаровске, чудном и милом городе, полном солнца в любое время года, фиолетовым блеском цветов сакуры, напоенном запахом рыбы, где царствовала кета семужного посола, продававшаяся по совершенно смешной цене.

Мне казалось, что здесь все было самым лучшим — памятник Ерофею Хабарову на привокзальной площади, величественный Амур с тихими протоками-омутами, лучшие девушки в СССР, сбегавшиеся по вечерам в уютный парк Дальневосточного военного округа, где играл военный оркестр заводную легку-енку и вальс “Амурские волны”. Здесь были самые преданные друзья и умные наставники, чьи уроки помнятся до сих пор...

В тот памятный день генерал зачитал на совещании офицеров приказ о присвоении мне воинского звания “капитан”, и, вспоминая этот момент, не задумываясь скажу: такого радостного и подъемного чувства я не испытывал впоследствии, когда на погоны по очереди ложились уже крупные звезды.

Мой пронизательный и многоопытный редактор Иван Васильевич Фомин с поздравительной улыбкой сказал: “Учти, самое красивое и лучшее звание в армии и на флоте — капитан, а самая симпатичная должность — заместитель”.

Сразу же после совещания я направился в ателье заказывать новый китель.

Там седой полковник, примеряя парадный мундир, нахваливал работу мастеров военного ателье. Возле заказчика хлопотал и сам творец отлично сшитого изделия наш “штатный” закройщик Иван Никифорович Лодыжко. А я вдруг обратил внимание на необычной формы ножницы, лежавшие на столе закройщика. С изрядно сточившимися ножами, с поблекшими стальными гранями и кольцами замысловатой формы, они совершенно выбивались из атрибутики современной пошивочной мастерской.

— Иван Никифорович, — обратился я к Лодыжко, — если не секрет, где приобрели вы такую реликвию?

Закройщик, весело поблескивая глазами, стал разматывать штуку шинельного драпа, а я услышал такую историю.

В хабаровском гарнизоне во время войны шили исправное обмундирование для красноармей-

цев два друга — Василий Чумак и Иван Лодыжко. Оба знатоки портновского дела, весельчаки и балагуры, мастера на все руки.

В 1944-м, уезжая на фронт, Чумак сказал своему товарищу:

— Просись в действующую армию, а если не отпустят, на горюк: привезу тебе, Иван, из Германии зингеровские ножницы, все лучшие портные мира ими работают.

Лодыжко в действующую армию не отпустили, выполнял он срочные спецзаказы для фронтовиков Западного и Дальневосточного направлений.

А после двух великих побед нагрянул из Порт-Артура в родной дом при всех боевых наградах Василий Чумак. В день своего счастливого возвращения, как и обещал, он вручил Ивану Лодыжко подарок — зингеровские ножницы, добытые чуть ли не в самом Берлине.

И вот уже более полувека фронтовая реликвия старого друга служит Ивану Никифоровичу незаменимым помощником в портновском деле.

За ударный труд закройщик Лодыжко награжден семью государственными наградами. Среди них орден “Знак Почета”, медали “За боевые заслуги”, “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”...

Командирская сумка

С УТРА над полем прошумела гроза. Отгромычав, она укатилась куда-то дальше на юг, но тучи сразу не рассеялись, и мелкая морось еще долго оседала на поля, на скошенную и забранную в валки пшеницу. Терпко пахло стерней и мокрой соломой. Марш по разбитой и слякотной дороге оказался долгим и нелегким. И вот наконец связисты выгрузили технику из машин и расположились у площадки, открытой всем ветрам. Они установили растяжки на мачтах, и антенны радиостанций устремились в небо, затянутое белесыми облачками дождевой пыли.

“Ти-та, ти-та”, — запели передатчики, и все облегченно вздохнули. Когда к связистам прибыл старший начальник, офицер Вла-

сов доложил, что норматив перекрыт, с корреспондентами установлена надежная связь.

После команды “Отбой!” молодые радиотелеграфисты тесным кольцом окружили Власова. Рядовой Василий Приходько, всегда любопытный и дотошный, заметил:

— У вас, товарищ подполковник, командирская сумка особенная, первый раз вижу такую — из рыжей кожи!

— Верно, особенная, — подтвердил Власов, — это подарок моему отцу от великого полководца. В первые послевоенные годы мой отец служил в Группе советских войск в Германии, как тогда говорили, в оккупационной зоне. Территория бывшего гитлеровского рейха была разделена на четыре союзнические части: советскую, американскую, английскую и французскую. Батяка мой командовал ротой в полку связи и пользовался репутацией самого перспективного офицера. Однажды к ним приехал главком Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Он ознакомился с расположением полка, придирчиво осмотрел внутренний порядок. А потом командир части представил маршалу офицерский состав.

— Кто командир третьей роты? — вдруг спросил главком.

Отец, бывший в ту пору капитаном, четко представился.

— Да ты, я вижу, и внешне выглядишь примерно! Где воевал? — Жесткие складки у рта маршала тронула едва уловимая улыбка.

— На Первом Белорусском, товарищ Маршал Советского Союза!

— Значит, вместе работали. Получай подарок, орел, — и Жуков, взяв у адъютанта командирскую сумку, протянул ее отцу...

После окончания сыном военного училища полковник в отставке Леонтий Александрович Власов передал сумку ему. Четверть века маршалский подарок был постоянным спутником офицера на всех занятиях и учениях...

Игры юных патриотов

21 — 23 сентября на базе ОМОН Московского УВД на воздушном и водном транспорте в целях координирования работы и выработки единой программы в Москве прошли первые Всероссийские соревнования военно-патриотических объединений России "Каскад-2001", посвященные 60-летию разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой.

Несколько дней кряду в большую подмосковную крепость, носившую название Пресбург, шли обозы с барабанами, копьями, знаменами, деревянными пушками и саблями. Там юный Петр со своими сверстниками, готовясь к солдатским играм, создавал потешные роты и полки. Мало кто из придворного окружения всерьез воспринимал детские забавы будущего императора. Но именно тогда было положено начало русской гвардии...

Спустя годы многие из начинающих службу в Семеновском и Преображенском потешных полках стали видными полководцами, и никто уже не сомневался в необходимости ратного воспитания с юных лет.

Военное обучение молодежи стало делом государственным. Создавались кадетские корпуса и школы юнг, позже — суворовские и нахимовские училища. Огромный вклад в работу с подростками внес ДОСААФ. В школах проводились

детские военные игры "Зарница"...

В период перестройки о проблемах юных граждан нашей страны государственные мужи почему-то забыли. Забыли и о том, что юноше нужно мужское воспитание, а начиная с яслей и заканчивая школой педагог-мужчина становился крайней редкостью.

Подростки были предоставлены сами себе. Мгновенно выросла статистика детской преступности, наркомании и алкоголизма. Необходимо было принимать срочные меры.

Несколько лет назад начали возникать военно-патриотические общества и клубы, призванные привлекать в свои ряды молодежь для подготовки ее к военной службе. Одним из первых подобных обществ стал клуб "Прорыв", созданный двенадцать лет назад на базе школы № 1115 города Москвы.

Сегодня подобных клубов в разных регионах России насчитывается несколько сотен, а то и тысяч. Но единой, четкой программы у них до

сих пор не существует. Разрозненность и отсутствие связей между ними не дает возможности организовывать обмен опытом и оказывать друг другу взаимопомощь.

Но вот роль организатора взяла на себя Общероссийская общественная организация инвалидов внутренних войск МВД России, председателем оргкомитета стал президент Ассоциации социально-экономической защиты инвалидов ВВ МВД России Владимир Ведерников.

В проведенных ею соревнованиях приняло участие двенадцать команд из различных регионов страны. Многие коллективы уже участвовали в похожих региональных соревнованиях, но на таком уровне, конечно же, еще не выступал никто из них.

После установки полевого лагеря и организации питания был проинструктирован и выставлен суточный наряд. Ребята отнеслись со всей серьезностью к возложенным на них обязанностям, так что даже

представители прессы не могли передвигаться по территории без специального на то разрешения.

Участники построены в две шеренги. В торжественной обстановке, при полном молчании зачитывается приветствие министра внутренних дел Бориса Грызлова.

И вот по плацу, чеканя шаг, проходят торжественным маршем участники игры. Принимает парад командующий соревнованиями, ветеран внутренних войск генерал-лейтенант запаса Игорь Рубцов. Постороннему наблюдателю трудно поверить, что идет строй не профессиональных военных, а ребят, еще сидящих за школьной скамьей. Выдавали их только шевроны с названиями клубов.

Однако все это лишь прелюдия к основному этапу военной игры. Прозвучал сигнал, и к зданию под огнем прикрытия пошла первая группа участников.

— Первый пошел. Работаем, ребята, работаем, — подбадривал своих воспитанников один из педагогов. Но те, прыгая один за другим по “живой лестнице” в окно, были и без того полны энергии и азарта. Началась зачистка помещений, по передаваемым командам стало понятно, что они обнаружили “преступника”. Теперь главное — поймать его и обезвре-

дить. Спустя буквально минуту “бандита” уже выводили из помещения, а группа шла дальше, снимая расставленные по трассе растяжки. Затем, развернувшись в боевой порядок, представители столичной команды “Прорыв” вышли на пересеченную местность для выполнения новых вводных: реагирование на внезапный обстрел, эвакуация “раненого” с прикрытием, альпинистская подготовка, гладкий бег ...

Все три дня, в которые проходили соревнования, были насыщены вот такими же реальными заданиями, и по-боевому, по-настоящему справлялись с ними подростки.

Сам собой напрашивается вопрос: зачем такие взрослые игры детям, не происходит ли милитаризация их душ? Ответом так: как бы эти соревнования ни были приближены

к боевым, в них все равно в первую очередь присутствует дух игры. И еще: подростки получают благодаря им не только физическую, но и моральную, нравственную закалку, что, естественно, пригодится и во взрослой жизни. Так, многие выпускники той же школы № 1115, занимавшиеся в клубе “Прорыв”, уже служат в различных силовых структурах нашей страны. Двадцать учеников отмечены государственными наградами за поисковую работу в районах бывших боев. Встанут ли они тоже в скором времени в армейский строй, трудно сказать, но нет сомнения в том, что патриотами своей страны они будут.

Однако вернемся к соревнованиям. Вернее, к их итогам. Скажем так, проигравших не было, но были лучшие. После небольшого совеща-

ния, в котором приняли участие руководитель соревнований, дирек-

тор Департамента социально-экономических программ организации инвалидов ВВ МВД РФ Юрий Маслак, главный судья соревнований, куратор направления военного образования, специальной подготовки и спорта регионального общественного фонда содействия стратегической безопасности Владимир Кошкарёв, ветеран внутренних войск Андрей Баранов и руководители команд, было принято ре-

шение: присвоить первое место по общему зачету клубу “Прорыв”.

Каждая команда была награждена по той или иной номинации, а конкретные участники отмечены грамотами, медалями и памятными призами за лучшие результаты в организации лагеря, строевой подготовке, руководстве группой, стрельбе...

Кто знает, может быть, и эти совсем еще юные ребята, подобно петровским воспитанникам, когда-нибудь станут величайшими полководцами или государственными деятелями. Возможно, именно сейчас, как и в те времена, рождается что-то новое, что повлечет за собой подъем России.

Лейтенант Денис КОЗЛОВ
фото автора

ЧИТАЯ ПАСТЕРНАКА

"Испепеляющие годы"
На ней оставили свой след.
Два слова, взятые у Блока...
Как зорко он взгляделся в жизнь.
Его провидчество пророка
Вдруг обрело библейский смысл.
Мой век событий грозных полон,
Омрачено его чело.
И три войны, и хлад, и голод,
И торжествующее зло.
Потом мучительные роды
Демократических свобод.
"Испепеляющие годы!"
Кто им свидетель,
тот поймет.

Мне часто снятся сны,
где я с тобой
Опять иду по фронтовым
дорогам,
По селам, покореженным
войной,
По Родине, наказанной судьбой
За то, что отвернулась от Бога.

А на лугу горящие стога
И над Десною огненная лава,
И медсестра в кирзовых сапогах
Под пулями, одолевая страх,
Идет по шатким доскам
переправы.

Кого перевязать, кому помочь,
На берегу песчаном
не свалиться...
Уже рассвет, и отсупает прочь
Бессонная грохочущая ночь,
И солнца луч сквозь дым
сумел пробиться.

Опять война...
Опять пред ней в долгу
Ее солдат обветренные лица.
И наши в ней не зачеркнуть
страницы.
Как будто вновь стоим на
берегу
В том городе,
который нынче снится.

Войны дыханье настигает нас,
И жизнь порой как бы атака
с ходу.
Перед бедой не опуская глаз,
Не растеряем прочности запас
Во все судьбой отпущенные годы.

Хотя бы раз рукой несмелой
С душевной болью на челе
Мне б написать: свеча горела,
Свеча горела на столе.

Как средь войны осатанелой
В боренье жизнью и смертей
Мело, мело во все пределы,
Играя судьбами людей.

Казалось, мир заледенелый
Исчезнет в злой, крошечной
мгле.
И все ж любви свеча горела,
Свеча горела на столе.

Но как же выразить все это,
Прорваться к истине сквозь
стон?
Дано такое лишь поэту,
Что Божьей искрой наделен.

И чья в завесе снежной, белой
Не поколеблена мечта,
Кто в миг, когда свеча горела,
Увидел скорбный лик Христа.

Кто с простотою человеческой
Посмел в грядущее смотреть
И знал: любви заветы вечны,
Над ней не властна даже
смерть.

И осознанье это грело
Вместившую страданья грудь.
А на столе свеча горела...
И кто б посмел ее задуть?!

Поэзии бессмертный символ,
Что в горне пушкинском отлит,
Неколебимо, негасимо
И по сей день свеча горит!

ПАМЯТИ СЕВЕРЯНИНА

В декабре сорок первого
отлетела душа Северянина.
И никто не заметил —
бушевала война.
Было столько убитых
и столько израненных,
Что средь массы смертей

затерялась одна.
Затерялась песчинкой
в огнедышащей бездне,
Среди дымных пожаров
и вздыбленных рек.
А ведь с этой смертью
сиротела поэзия,
Сиротел на закате
"серебряный век"...

И увяданье может быть
красивым,
Как "бабье лето" в золоте лучей,
Как листопада медленное диво
В чреде коротких журавлиных
дней.

Сеть паутинок
над сентябрьским полем,
Смолистых сосен выправка
и стать —
Все отзовется радостью и
болью,
Все от души никак не оторвать.

И вот когда приходишь к
пониманью,
Что сделал шаг к последнему
випуску,
Найди красу в осеннем увяданье
В листе кленовом, брошенном в
реку.

Лист поплывет,
как солнечный кораблик,
Качаясь шатко на речной волне.
И не беда, что в ночь цветы
озябли,
Что журавли тоскуют
в вышине.

Нет, не беда, что где-то там
сварливо
Зима свои доспехи достает.
Ведь увяданье может быть
красивым,
И счастлив тот, кто это
сознает.

Роберт БАЛАКШИН

И В ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ...

Повесть

Прибытие в город N уполномоченного по борьбе с контрреволюцией

Вечерний мартовский морозец покрыл лужицы стекольно-хрупким белым ледком, и на темной окраине неба зажглась первая, яркая, лучистая звезда. И вдалеке, куда к темнеющему ночному горизонту уходили рельсовые пути, тоже появилась крошечная звездочка. Она приближалась, вырастая в слепящий прожекторный глаз бронепоезда. Лишь только его коробчатая бронированная громадина замерла у здания вокзала, в боку передней бронеплощадки отворилась стальная дверка и на перрон один за другим стали выпрыгивать красноармейцы. Взбивая коленями длинные полы шинелей, они бежали и становились частой цепочкой у пассажирского вагона первого класса, находившегося в середине состава.

Никанор Петрович, начальник станции, дрожа от озноба, направился к вагону. Окна вагона с их лимонно-желтыми сборчатými занавесками светились тихим, домашним светом. Но свет этот не успокаивал душу, а наводил на нее тоску и уныние.

— Кто такой? Чего тут делаешь? — подскочил к Никанору Петровичу мужчина в бекеше, напирал, на него, оттесняя к середине перрона.

— Н-начальник станции я, — отступая под натиском, волнуясь, ответил Никанор Петрович.

— Вызывали тебя?

— Нет, т-товарищ.

— Ну и пошел, не трись тут.

Никанор Петрович побрел к вокзалу, мелко крестя грудь между второй и третьей пуговицей форменной шинели, а за спиной его в первоклассном вагоне хлопнула дверь, и зычный голос гаркнул вдоль перрона:

— Комендант! Начальника станции сюда!

Никанор Петрович, скоро повернувшись, побежал к вагону.

— Я начальник, я.

— Заходи, — махнул рукой стоявший в тамбуре улыбчивый, широкогрудый, в новенькой офицерской гимнастерке верзила.

Никанор Петрович поднялся в тамбур.

— Ручки! — весело скомандовал верзила, сноровисто охлопал поднявшего руки Никанора Петровича, расстегнул шинель, проверил карманы, подмышки, обшарил его со спины, показал большим пальцем на дверь: — Сюда.

Начальник станции поддернул брюки, оправил китель, застегнул шинель, и, пока шел коридорчиком, в голове, в холодеющем сердце билось: "Господи, помилуй! Господи, пронеси!".

— Да-да, — глухо послышалось из-за обитой кожей двери.

В комнате у окна за небольшим письменным столом сидел пожилой, сухощавый, примерно одних лет с Никанором Петровичем мужчина, с седеющей,

расчесанной на пробор головой, с рыжеватой щеточкой усов, с умным и строгим, но несколько не страшным лицом. На стене над его головой портрет вождя. Всего же сильнее начальника станции поразило и как-то смягчило одолевавший его страх то, что мужчина был одет в белую, вышитую голубенькими цветочками по вороту и рукавам рубаху. Неужели это и есть грозный уполномоченный, слух о жестокой требовательности которого обгонял его бронепоезд? Неужели он на соседней с N станции приказал расстрелять бригадира ремонтной бригады, на несколько минут задержавшего отправление бронепоезда?

— Начальник станции? — с легкой барственной хрипотцой в голосе спросил мужчина. — Быстро наплись. Похвально. Садитесь, милости прошу.

Никанор Петрович примостился на краешке стула.

— С кем имею честь?

Начальник станции назвал себя.

— А моя фамилия — Гедров, товарищ Гедров, — представился мужчина, строго кольнул собеседника взглядом светло-карих глаз. — Итак, уважаемый Никанор Петрович, отныне мы с вами будем сотрудничать. Мои условия сотрудничества: дважды распоряжений не отдаю, отговорок не принимаю, любой мой приказ должен быть исполнен точно и в срок. Если принимаете эти условия, неприятностей у вас не будет. В противном случае не взыщите. Время военное, суровое. Так что, принимаете?

— Принимаю, — отяжелевшим, глиняным языком пробормотал Никанор Петрович.

— На это я и рассчитывал. — Гедров помешал ложечкой в стакане, перехватил взгляд Никанора Петровича, сказал негромко: — Еще чаю.

За его спиной распахнулась дверь, и молодой человек в военной форме, почти мальчик, поставил с подноса на свободный угол стола стакан чая, хрустальную сахарницу и тарелку с бутербродами.

Никанор Петрович сглотнул голодную слюну, приободрившись, подвинулся на середину стула.

— Смотрите внимательно. — Гедров взял серебряный подстаканник, отпил глоток и на плане станционных путей, лежавшем перед ним, обвел карандашом глухую отдаленную ветку. — Этот тупик свободен?

— Забит до отказа. Поезда, товарищ Гедров, сами знаете, дальше на север не идут, все у нас копятсья.

— Сколько понадобится времени, чтобы освободить тупик?

— Часов... — Никанор Петрович покосился на бутерброды, на мелко колотый сахар, — часов пять.

— Сколько?

— Часов... часа четыре.

— Даю вам три часа. Тупик освободить, мой поезд поставить туда. Что же вы не пьете чай? Не стесняйтесь, пейте.

Поедая досадно тонкие ломтики бутербродов и запивая их горячим, ароматным, настоящим чаем, Никанор Петрович осторожно отвечал на испытую-

ще-подробные вопросы Гедрова о городской жизни, мучимый одной мыслью: как бы разжиться хоть одним кусочком сахара?

Но хозяин вагона, положив руки на стол, как прилежный ученик на уроке, не сводя глаз с Никанора Петровича, внимательно слушал его.

— Что же, благодарю за сведения, — наконец-то завершая беседу, сказал Гедров и склонился к нижнему ящичку стола.

Никанор Петрович склонил щепотью кусок рафинада из сахарницы. Гедров резко выпрямился на его движение, остановил метнувшийся взгляд на руке Никанора Петровича.

— Что там у вас? — громко спросил он.

Дверь за его спиной приотворилась.

Никанору Петровичу, уже державшему руку у кармана, выронить бы сахар на сукно, устилавшее пол вагона, но ужас помрачил рассудок старого железнодорожника, он поднял руку, показывая похищенное.

— В-внучка... простите, ради... пять лет... первый раз... — лепетал Никанор Петрович, а сам уже видел, как его волокут из вагона, как швыряют...

— Церковь посещаете? — обрывая мычащий лепет, сухо спросил Гедров.

Черным ветром махнуло в голове начальника станции: "Нет!", а губы шепнули:

— Да.

— Восьмую заповедь помните?

Гедров выдернул из-под стопы документов чистый лист писчей бумаги, свернул воронкой кулек, высыпал в него содержимое сахарницы. Холодно взглянув на исхудалого старика, сложил один на другой оставшиеся бутерброды, завернул их в лист бумаги.

— Берите! — приказал он, сдунул с края стола осевшую сахарную пыль. — Итак, через три часа тупик свободен. Персонально на вас возлагаю обязанность бесперебойного обеспечения поезда углем, водой и прочим. Каждое утро в 6.30 делаете мне максимально сжатый, исчерпывающий доклад о положении дел на станции, доносите о всех случаях ле-

ни, неповиновения, контрреволюционной агитации. — Гедров провожал Никанора Петровича к дверям. — И не верьте нелепым слухам, которые обо мне распространяют враги революции. Наши с вами враги. С ними я строг, порою строг чрезвычайно, но друзья молодой Советской власти всегда найдут во мне товарища и старшего друга. Передайте это вашим родственникам, знакомым...

Запинаясь во тьме о шпалы, прижимая к груди кульки с так неожиданно доставшимися гостинцами для внучки, Никанор Петрович торопился в тупик — три часа уже начали свой роковой отсчет.

Глава вторая

Город N и его обитатели

N был одним из многих дореволюционных, похожих друг на друга, губернских городов. С древним кафедральным собором и колокольной, возносившей свою золоченую главу над всеми колокольнями, колоколенками и звонницами епархии, с трехцветным флагом на губернаторском доме и часовым солдатом в будке, с главной Плацпарадной площадью, по соседству с которой раскинула свои уголья более многолюдная, шумная и неопрятная площадь Торговая, с булыжной мостовой в центре и пыльными проселками на окраинах, с рекой, делившей город пополам.

Все, что издревле происходило на Святой Руси, отзывалось и в N. Пережил он княжеские междоусобные свары, претерпел наезды ханских баскаков, ревмя ревели бабы и молодичицы, провожая своих мужиков и суженых на кровопролитное побоище с агарянским царем Мамаем, приезжал в N с опричной свитой грозный царь-государь, топтали городские мостовые копытами своих по-польски кованых коней горделивые, заносчивые паны...

Летучими снежинками, золотой листопадной поземкой пролетали над N годы, твердой поступью за веком шествовал век. Растаяла лежавшая на народ-

Роберт Александрович Балакшин родился в 1944 году. Три года срочной служил во внутренних войсках в Прибалтике, в конвойном полку. После увольнения в запас закончил Вологодский пединститут, участвовал в семинарах молодых писателей. Автор нескольких книг рассказов и повестей. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

ной груди льдина крепостного права, по чугуныным рельсам во все концы матушки-России покатались копытные, пыхтящие паровозы, словно вдогонку им зашепила, заторопилась и сама жизнь в суеде народившихся новых интересов, мыслей и дел. Все чаще, сначала тайно, на дружеских вечеринках, в уединенных уголках пригородных роц стали слышны слова о свободе, равенстве и братстве. И хотя люди не могли объяснить точно и ясно, что такое и свобода, и равенство, и братство, но слова эти так волновали слух и пламенили сердца, что верилось: стоит за ними что-то новое, несомненно, счастливое.

Вскоре в N залетными, диковинными птицами замелькали листовки — то наспех, воровски наклеенные на забор, то дерзко пущенные с галерки городского театра в темный подвал партера, то разбросанные ночью по городскому рынку, то подкинутые в приемную самого губернатора.

И настал тот день, когда впервые за историю города не для крестного хода, не для молебствия о даровании победы благочестивому императору на враги и супостаты, но для неслышанной от века демонстрац и скопилась на улице, разрослась слепым тысячеголовым телом толпа и тесно двинулась по узкой улочке к дому губернатора. На Плацпарадной площади путь ей загородили две струнки солдатских шеренг. Поднялись и легли к плечам солдат винтовки, взмахнул саблей офицер и, как удары кнута, хлестнули поверх людского скопища один за другим залпы. Толпа попятилась, смялась, ручейками хлынула в переулки, в подворотни, и упал на землю пожарно полыхавший над толпой красный флаг.

Еще месяц было тревожно в городе и уезде. В городе была решительно пресечена попытка еврейского погрома, обнаружены и ликвидированы подпольная типография, мастерская по изготовлению метательных бомб и склад оружия. Двое неизвестных пытались проникнуть в губернаторский дворец, но один из них был убит в перестрелке с охраной, а другого зарубил шашкой казак из губернаторского конвоя. В уезде разграбили и сожгли несколько помещичьих усадеб, в одной из которых были зверски истерзаны не успевшие скрыться две девушки. Насильников схватили в этот же день. Около месяца длилось следствие, потом был суд. На суде либерал-защитник в многочасовой речи убеждал присяжных быть снисходительными к его подзащитным, видеть в их деянии не проступок конкретных лиц, а олицетворение народного гнева, народной совести, рвущейся из-под гнета невыносимых общественных условий к свету. Однако преступление было настолько вопиющим по своей безнравственности, что присяжные признали подсудимых виновными, суд приговорил их к смертной казни, и зимним морозным утром палач повесил их во дворе губернской тюрьмы.

Так завершилась в N революция. Жизнь снова потекла по привычному, вековому руслу.

Как встарь, по воскресным и праздничным дням город полнился раздольным говором колоколов, и после обедни одна половина города с подарками и

поздравлениями шла в гости к другой. Окраины в эти дни допоздна звенели удалями, пьяными гармониями, в солидных особняках звучали благородные рояль и виолончель, а в домах средней руки крутился диск граммофона и какая-нибудь Жаннет страстно визжала о любви Его превосходительства к озорной шансонетке.

Летом городские сады и палисадники у домов захлестывала душистая кипень сирени и цветущих яблонь. В кустах гремели, свистели, томно прищелкивали соловьи. И хорошо было присесть с любимой подругой на лавочку в городском саду, слушать соловьев, следить, как мерцают, медленно разгораются и внезапно тонут в темной глубине клумбы таинственные огни светлячков.

Зимой к городу со всех сторон тянулись обозы, сиреневым бором стояли думы из труб, снег в ночь перед Рождеством все так же блестел хрустальными звездами, и на тридцатисаженной высоте добропобедно сиял в месячном свете золотой крест епархиальной колокольни.

В двух городских монастырях и полусотне приходских церквей у чудотворных намоленных икон теплились неугасимые лампы. Под их кротким светом текла семейно-привычная жизнь N, в чем-то, быть может, нескладная, неурядливая, трудная и горькая до кипучих непроцающих слез, но во всем, до последней большой кровинки своя, за которую и буйную голову сложить не жаль. Та жизнь — с терпеливой любовью и заветами потаенного милосердия, с преданьями и легендами и поверьями, завещанными от отцов и дедов, которую вскоре (и недолго осталось ждать) назовут проклятой, патриархальной, облепят обидными, поносными прозвищами.

Первые месяцы германской, второй Отечественной войны не внесли заметного разлада в устоявшийся быт, разве что люди стали несколько строже и молчаливей. В здании епархиального училища и мужской гимназии открылись лазареты для раненых бойцов, братство хоругвеносцев при соборе Всемилостивого Спаса оборудовало на свои средства богадельню для увечных воинов и повсюду собирались средства в фонд победы над врагом.

Летнее наступление генерала Брусилова на третьем году войны подняло в городе волну ликования и восторга, пробудило надежды на скорое окончание военной страды. Однако потом потянулась осенняя затяжная полоса неудач, необъяснимых поражений. У магазинов и лавок выросли непривычные, пугающие очереди. А в очередях змеились слухи, которые не принимало сердце, но они точили его, как капля камень — слухи о Гусударе и Гусударыне, о Григории Распутине, об измене...

И вдруг как гром среди ясного неба — отречение царя от престола.

Первое чувство недоумения, даже страха от этой вести — как же жить без царя? — дня через два, когда новость подтвердилась, сменилось бурным ликованием: свобода, граждане! Ура!

Восторженный народ высыпал на улицы. Впечатление было такое, что в домах остались, верно, только немощные старцы да грудные дитяти. Везде,

куда ни глянь, алены банты — в петлице студенческой шинели, на солдатской папахе, на цивильном пальто. Громыхали оркестры, кричали гармошки, здесь и там хором распевались еще вчера запретные песни. Люди обнимались, целовались, поздравляя друг друга со свободой. Казалось, все опьянели от нее. И в самом деле, на улицах было много пьяных: сухой закон, введенный в начале войны, отменился сам собой — царя-то нет!

Упоительный пир свободы не мог длиться бесконечно. Люди успокоились, начали трезво смотреть на жизнь не только с праздничной стороны, но осенью, в октябре, совершился большевистский переворот. Жители N не успели дух перевести, сообразить что к чему, как в стране уже бушевала гражданская война.

Военные действия не затронули N, и все же ночью на улицах грабили, убивали и раздевали, и никто не мог поручиться, что, открыв поутру дверь, он не обнаружит у своего дома мертвое тело или лужу крови — немую свидетельницу ночной трагедии. Не легче было и днем. Как-то накануне Сретенья (в Спасском соборе еще шла обедня) на улице слышались гулкие хлопки гранатных разрывов, а с крыши лучшей городской гостиницы "Эрмитаж" рывнул и дробной тяжелой очередью залился пулемет.

В N стали поговаривать, что в город отовсюду собираются офицеры. На подмогу им будто бы должны прийти не то англичане, не то французы, и тогда водворится прежняя, надежная, устойчивая жизнь.

Этого не произошло, ибо поздним мартовским вечером к перрону вокзала прибыл бронепоезд с пассажиром, размещавшимся в вагоне первого класса.

Глава третья

Неутомимая деятельность

Застегивая френч — верхнюю пуговицу, крючок ворота — Гедров из-за оконной занавески отстраненно-задумчиво смотрел на прибывших по его вызову руководителей города и губернии. На скудно освещенном перроне отдельные человеческие фигуры различались плохо, в темноте обрисовывался лишь смутный силуэт сгрудившихся у вагона людей. Разгоравшийся огонек самокрутки озарял кратковременным красным всплеском чье-то лицо, и оно тут же окуналось во тьму.

— Товарищ Гедров, — спросил ожидавший распоряджения ординарец, — сапоги?

— Нет, благодарю, — отходя от окна, сказал Гедров. — Как приеду на новое место, с дороги ноют сапоги. Скажите им, пусть заходят.

Так, переменявший вольную, затрапезную рубашу на казенный должностной френч, встречал он за столом заходивших в комнату секретаря губкома — высокого, пышноусого кавказца, еще не так давно отбывавшего в N ссылку; председателя губисполкома — русоволосого, с небольшим животиком и лисьими повадками человека; крепкого, плечистого, с ястре-

биным носом и слегка навывкате глазами, вразвалку, по-матросски шагавшего председателя губчека.

Когда все расселись на стульях вдоль стены, Гедров представился и несколько томительных мгновений испытующим, нестесняющимся взглядом рассматривал собравшихся, будто без слов допрашивал их.

Губернские руководители, люди в общем-то тертые, видавшие виды, поеживались под этим взглядом: у каждого были свои грешки, упущения по службе. Они ждали гневного разноса, ругани, но уполномоченный заговорил с ними спокойным, дружеским голосом.

— Цель, поставленная передо мною военным советом республики, — говорил он, — не допустить, чтобы крупный железнодорожный и речной узел, экономический и политический центр оказался в руках врагов революции. Для этого нужно, во-первых, разобратся, почему город сегодня на грани контрреволюционного мятежа. Расследование будет произведено и виновные наказаны. Во-вторых, я должен научить работать тех, кто разучился, и заставить тех, кто работать не хочет. Каждый из вас с этой минуты, — уполномоченный постучал ногтем по столу, — должен понять: время разгильдяйства, лени, прошлых заслуг миновало. Бдительность, энергия, строжайшая дисциплина — вот наш девиз. Прошу понять мои слова не как угрозу, а как последнее товарищеское предупреждение — я лобого человека сумею поставить на его место, поэтому я не потерплю рядом с собой вранья, пьянства, воровства, интриг и подхалимства.

Уполномоченный, болезненно поморщившись, вышел из-за стола, и все со скрытым изумлением увидели, что на ногах у него не сапоги, логично ожидавшиеся с военным френчем и галифе, а домашние тапки. Высокие, чуть не до половины голени, пошитые из шкуры рыси тапки.

— Итак, это что касалось вас. — Уполномоченный медленно прогуливался по вагону. — Теперь что касается наших врагов. Приходилось ли вам видеть, как цирковой укротитель заходит в клетку к диким зверям, как одним властным щелчком бича он дает понять — пришел хозяин, спуску никому не будет. — Гедров помолчал, легкая гримаса боли искадила его лицо. — Такова и наша первоочередная задача — щелкнуть революционным бичом. Господа, мечтающие о возврате вчерашнего дня, должны знать: хозяин здесь, он никуда не уходил и вновь готов действовать.

Гедров скользнул своим особенным взглядом по присутствующим.

— Так точно, товарищ Гедров, готовы действовать! — выпалил вскочивший со стула секретарь губкома.

Гедров, не привыкший, чтоб его перебивали, хмурым взглядом на него.

— Хорошо. Садитесь, — махнул он ладонью и снисходительно, понимающе улыбнулся. — А теперь приступим к конкретным вопросам...

Наутро N был объявлен находящимся на осадном положении, в нем был установлен комендантский

час и произведены первые аресты. Губчека предоставила данные, и из тех семей, в которых кто-либо из мужчин служил в белой армии, взяли заложников различного возраста и пола: от 86-летнего бывшего вице-губернатора Николая Ивановича Засецкого до молодой беременной Лизочки Гордеевой, первой городской красавицы, чей жених незадолго до приезда Гедрова исчез из города. Три дня они содержались под арестом, а затем ночью их всех расстреляли в канаве за оградой иноварческого кладбища, где обычно хоронили самоубийц и безродных бродяг.

Этот расстрел заставил город содрогнуться. А по нему тут же был нанесен следующий удар.

В назначенный день и час вооруженные отряды закрыли город, заняв окраинные городские заставы. А в городе в это время, процеживая квартал за кварталом, сходясь к центру, по улицам двинулись облавы. Улицы перекрывались заслоном из красноармейцев, и все угодившись в невод облавы — кто не успел разбежаться по домам, знакомым и соседям, шмыгнуть в ближайшую подворотню, — все они препровождались в губчека для выяснения личности. Одновременно шел повальный обыск квартир, чердаков, чуланов, подвалов, погребов, дворовых сараев, амбаров, каретников. За двое суток буквально неусыпной работы губернский город был обыскан, прощупан, перерыт и перевернут сверху донизу. Без внимания не остались ни одна баржа на реке, ни логва бродяг и босяков под пристанью и мостами, ни притоны уголовного отребья, ни один заброшенный, пустующий дом. Из потаенных углов и скрытых убежищ на белый свет под револьверы и маузеры чекистов выходили бледные кадровые офицеры, лабазники и лавочники, те, кто числился в списках черной сотни, Союза русского народа и братств хоругвеносцев, выбирались дрожащие юнкера, безусые ученики старших классов гимназий и семинарий, все, кто мог быть заподозрен во враждебном отношении к новой власти.

Губчека, находившаяся в двухэтажном здании бывшего реального училища, захлебнулась людьми — ими были переполнены коридоры, забит подвал, а человеческий поток не скудел. Тогда выбросили на снег мешки с мукой из близлежащего мучного склада и в нем разместили задержанных.

В кабинетах губчека шли непрерывные допросы: кто такой, где живет, чем занимается, где учился, работал, воевал, что делает в №? В особо сложных, запутанных случаях к допросам подключался сам Гедров. Он же изредка принимал наиболее настойчивых просителей, которые в тревоге за судьбу своих родных добивались личной встречи с ним.

Когда в кабинет к нему впустили очередного посетителя, с уполномоченным произошла чудесная перемена. Никто бы не узнал холодного, недоступного, закованного в броню официальности и долга уполномоченного в улыбающемся, широко распахнувшем руки для объятий человеке. А виновник этой перемены, пошаркивая ногами, ковылял к нему со смущенной, светившейся робкой надеждой улыбкой.

— Сергей, дружище, ведь это ты? Я не ошибся, — смеясь, воскликнул Гедров.

— Вы не ошиблись, — скромно отвечал ему Сергей Иванович Коноплянников, коренной житель №, в давние годы однокашник Гедрова по университету.

Обняв старого товарища, Гедров подвел его к столу, вежливо, но твердо пресек его "выканье". После обычных житейских расспросов и непродолжительных, не клеившихся воспоминаний о студенческой жизни Сергей Иванович, заикаясь от волнения, изложил свою просьбу: освободить арестованного сына.

— Безотлагательно разберемся, — сказал Гедров, просяив открытой, приветливой улыбкой, и снова обнял старого товарища.

С этой же, вспоминающей что-то давнее, приятное улыбкой, уполномоченный читал и следственное дело сына Сергея Ивановича, которое принесли ему.

Дело заключало в себе исписанный с двух сторон лист бумаги — протокол допроса. В верхнем левом углу листа красным карандашом размашисто написано "Р" — рекомендация Гедрова к расстрелу.

Сын Сергея Ивановича — офицер-артиллерист, участник мировой войны, дезертировал из белой армии, пробрался в родной город и проживал здесь под фальшивыми документами. При аресте оказал сопротивление — ударил безменом чекиста, оглушив его. Искупить вину перед республикой и вступить в ряды Красной Армии отказался — участие в братоубийственной гражданской войне противно его убеждениям.

Гедров мельком взглянул из-за листа на Сергея Ивановича, в молодые годы задиру и остролова, а нынче дряхлого, придавленного жизнью старика, и, закрыв папку, неспешно завязав тесемки, сказал глуховато:

— Обвинения против твоего сына, милый Серж, к несчастью, слишком тяжелы, чтобы я мог принять единоличное решение о его освобождении. Мои соратники меня не поймут. Будем ждать, что постановит на своем заседании чрезвычайная комиссия.

— Дорогой мой, — трясущейся рукой поправляя пенсне, возразил Сергей Иванович, — ты не хуже меня знаешь, у комиссии одно постановление — расстрел.

— Зачем так категорично, — усмехнулся Гедров. — Бывает, что комиссия оправдывает задержанных. Впрочем, если ты убедишь своего сына перейти к нам на военную службу, даю слово, его освободят при тебе. Хорошие специалисты нам нужны.

— На что же мне надеяться? Что ожидать? Только скажи правду.

Они встретились взглядами, и в этот миг, который иногда стоит многочасовых разговоров, Сергей Иванович вдруг понял, как чужды они друг другу. Да, по савести сказать, никогда и не были по-настоящему близки. Даже в университете. Что могло быть общего у Гедрова — отпрыска богатых, чиновных родителей, и у него — сына захудалого служащего из городской управы? Ничего, кроме всеобъединяющей, ликующе-весенней юности.

— Боюсь, ты должен готовиться к самому худшему, — опуская взгляд, вымолвил наконец Гедров.

— Вот как! — Сергей Иванович вскинул голову, в

глазах его сверкнул отчаянный, студенческий огонек. — Но почему, скажи мне, почему? Мой сын — прекрасный математик, геодезист-практик, разве ему не найдется работы в другом месте, почему он должен непременно воевать?

— Теперь революция распоряжается людьми, — сказал уполномоченный. — И люди обязаны либо подчиниться, либо умереть.

— Ах, революция, — словно извиняясь за свою непонятливость, вздохнул Сергей Иванович. — Так будь она проклята, если она пожирает наших детей!

Гедров сжал побелевшие губы, но ординарца не вызвал.

Допросы закончились. Многих отпустили, а для оставшихся незадолго до рассвета растворились ворота склада, и в стылom полумраке мартовского утра длинная колонна измученных допросами, голодом и ожиданием смерти людей под конной охраной двинулась за город. Позади колонны, постукивая железными ободьями колес по булыжной мостовой, катились две телеги. На них везли тех, кто не мог идти — был болен или ранен при задержании.

Колонна смертников проходила улицами спящего, как будто вымершего города, не встретив на своем скорбном пути ни одного человека. Горожане спали в своих домах, не смея выйти наружу, а уличные, усиленные в эту ночь патрули незримо таились за углами отдаленных домов.

Люди шли по улицам города, прощаясь с ним: с детством, с первой, выученной от бабушки молитвой, с первым, помнящимся в памяти причастием, с недочитанными книгами, с оборванными, несбывшимися мечтами, думами, со всем, что дорого сердцу.

И все же не все спали в городе в эту ночь. Чье-то любящее сердце почувало, что в эту ночь дорогого человека повели на смерть. И, презирая страх, не убоявшись патрулей, одна храбрая женщина пустилась в опасное странствие по мрачным каналам улиц. Догнала и у крайнего городского дома проводила беззвучной крылатой молитвой уходившую к рассвету колонну.

Обратно в город смертные телеги вернулись к полудню. На них, накрытая брезентом, холмилась одежда и обувь убитых.

А городские афишные тумбы, еще несколько лет назад украшенные именами несравненного тенора И.Алчевского, короля баритонов М.Баттистини и блистательной М.Фигнер, приняли на свои круглые бока свежие оттиски губернской газеты с длинными столбцами фамилий расстрелянных.

И много пожилых и молодых женщин в отчаянии потрясенно замирали у этих тумб, спешили домой и там в жгучих, иступленных, обморочных слезах, крестясь и рыдая у семейных, родовых икон, облачались в черные, ночные платки.

Через два дня поздним вечером Гедров выходил из здания губчека, отправляясь на вокзал. Он открыл дверь, шагнул на улицу, как тут же прозвучали выстрелы. Первая пуля пробила фуражку на уполномоченном, от второй его стремительно заслонил молодой 18-летний чекист, пораженный пулей в серд-

це. Охрана толкнула уполномоченного обратно в здание, открыла ответный огонь.

Стреляли из покинутой хозяевами, осиротевшей книжной лавки через дорогу от губчека. Неизвестный, отстреливаясь, убил еще двоих человек, одного тяжело ранил и последней пулей выстрелил себе в рот. Личность его установить не удалось, при нем не было ни документов, ни часов, ни денег, ни клочка бумажки, ни меток на белье. Он проник в лавку, разобрав с чердака потолок. Судя по теплой одежде, остаткам недооженной пищи и количеству папиросных окурков у печи, можно было предположить, что он находился в засаде не один день.

Гедров был возмущен. Не самим фактом покушения, поскольку его жизнь, подчеркивал он, жизнь скромного труженика революции, не много значит на весах истории, а тем, что контрреволюция свила свое осиное гнездо под самым носом губчека.

За утрату бдительности, халатность и безалаберность Гедров отдал председателя губчека под суд ревтрибунала, который единогласно приговорил того к расстрелу. Гедров, однако, не утвердил приговор, пожурил членов трибунала, что они разбрасываются кадровыми работниками, и разжаловал председателя в рядовые сотрудники.

Ответом на вылазку врага была еще одна общегородская облава. Почти все попавшиеся в нее были расстреляны.

Город накрыла паутина страха. Знакомые улицы казались чужими, на постаревших домах, на серых лицах людей появилось прячущееся, молчаливо-послушное выражение, словно каждый хотел стать меньше, незаметнее. Казалось, даже сам солнечный свет приобрел какой-то тусклый, щемящий, стеклянно-колющий оттенок.

А на бывшую Плацпарадную, а теперь площадь Свободы, каждый день по повесткам сходились люди. Там под громы оркестров и пение революционных песен, под развевание знамен один за другим текли нескончаемые митинги, завершавшиеся принятием резолюций, то посылавших приветствия баствующим английским рабочим, то клеймящим зверства американской полиции при разгоне демонстрантов...

Вроде бы жизнь продолжалась, бурлила, била ключом, но люди понимали — это видимость жизни, подлинная жизнь творится не здесь, на площади, и не в здании бывшего реального училища, а в одиночном вагоне первого класса, что стоял на высокой крутой насыпи тупика под охраной круглосуточного караула.

Глава четвертая

Отъезд уполномоченного

Новым председателем губчека был назначен Алексей Блеханов — в прошлом слесарь вагоноремонтных мастерских, солдат-окошник в годы империалистической войны, активный участник установления Советской власти в N.

в прощальной беседе с ним Гедров сказал, что органы ВЧК — это стеновой хребет Советской власти на местах, и поэтому он надеется на его пролетарскую неутомимость в борьбе с классовыми врагами.

Гедров принимал Алексея в жилой половине своего вагона. Стены здесь тоже были обиты кожей и пол застилало серое шинельное сукно, но над кроватью висела семейная фотокарточка, а рядом с ней в золоченой рамке картина — красивая женщина с мечом, наступившая на отрубленную голову мужчины. Меж окон полки с книгами, на одной полке в вазочке букетик засохших незабудок. У другой стены, напротив кровати — пианино.

— Вы, возможно, будете меня порицать, уважаемый Алексей Николаевич, — с ласковой улыбкой говорил Гедров, — но без музыки, увольте, не могу. Мудро сказано: только в Моцарте защита от бурь. Я бы добавил — и в Бахе, но для Баха все же предпочтительней орган.

Алексей, ковыряя изящной серебряной вилкой рыбу на бледно-прозрачном фарфоровом блюде, тайком вытер о брюки вспотевшую ладонь. Великолепно накрытый стол, обходительный, на равных разговор уполномоченного с ним, вкусные кушанья, сладкая водка из запотевшего хрустального графинчика — все так ошеломило его, что он, казалось, лишился дара речи. Он только молчал.

В конце ужина двое прислуживающих молодых людей удалились, оставив на столе вазу с яблоками и большую коробку душистых папирос.

— Не возражаете, если я немного помузицирую? — сказал Гедров, вытирая руки желтой льняной салфеткой.

Алексей, до конца не веря, что Гедров не подпучивает над ним, а говорит искренне, покраснел. Скрывая смущение, он взял папиросу из коробки, закурил и задохнулся в кашле. Нежный, по сравнению с привычным мажорочным, дым папиросы словно пушистым пером пощекотал в горле.

Гедров деликатно протянул Алексею стакан воды и, когда он отдышался, сказал:

— Так что вам предложить? Для начала что-нибудь легкое, школьное? Хотя бы... "К Элизе" Бетховена.

Гедров задержал на миг пальцы над клавишами, окинул Алексея задумчивым, далеким взглядом.

Алексей первый раз в жизни слышал пианино. С 14 лет слесарь в мастерских, из цеха угодивший прямо на фронт, что он видел и знал к 25 годам, когда судьба вознесла его на пост председателя губчека? Конечно, до фронта он много читал и трудовую копеечку нес не в кабак, как многие сверстники, а отдавал матери, но единственный музыкальным инструментом, доступным ему, была отцовская гармонь.

Но разве сравнишь гармоньку с тем, что он слышал сейчас?

Прозрачная, текучая печаль, жившая в музыке, казалось, была всюду — в воздухе вагона, в складках оконных занавесок, в золотых буквах корешков книг на полке, в глазах женщины и детей на фотокарточке. Музыка текла из-под пальцев строгого, волевого человека, одно имя которого наводило страх, будило

бессильную злобу и ярость в тысячах и тысячах людей (за сотни километров отсюда и рядом — в подвале губчека), которым никогда не дано проникнуть в этот вагон.

Но музыка отгоняла прочь эти житейские мысли, смывала их с души, и на обманчивый миг душе представлялась светлая лесная река, сплошь заросшая белыми звездочками кувшинок, и думалось, что гражданской войны нет, все друг друга любят, всюду только музыка.

Алексей вспомнил, что эту лесную речку он видел на самом деле. Их рота отступала лесом под огнем австрийской батареи. Тогда он и увидел речку, тогда же его ударило осколком в правый бок, вынесло два ребра и задело легкое. Вспоминая это, Алексей вдруг обнаружил, что музыки больше нет, а товарищ Гедров, сложив руки на коленях, с улыбкой смотрит на него.

— Да вы, Алексей Николаевич, оказывается, мечтатель, — сказал Гедров, вновь поднимая руки к пианино.

Алексей опять покраснел, сконфузился, словно его уличили в непозволительном взрослому человеку поступке.

В дверь комнаты постучали.

— Я слушаю, — отозвался уполномоченный.

— Товарищ Гедров, — сказали за дверью, — командир бронепоезда докладывает: поезд к отправке готов, путь свободен. Ваши распоряжения?

— Снимайте караул, командира и начальника станции ко мне. Через пять минут отправляемся.

Глава пятая

Председатель губчека

Позвонив с вокзала на службу и узнав, как там дела, Алексей заспешил домой.

Автомобиль, дри́везший его на вокзал, сломался, ждать, пока его починят, недосуг, и он двинул домой на своих двоих. Легкий на ногу Алексей пешком ходил, как бегом бегал, не утонишься. А сегодня он и впрямь бежал, подхватив под мышку колотивший по бедру тяжелый маузер.

Дома Алексей приобнял радостно ахнувшую жену, расцеловал дочек-погодок, игравших на кровати в куклы (на пол их до лета спускать нельзя, на полу вода мерзнет), стащил полушубок, сдернул с полатей гармошку, обдул ее со всех сторон.

Песни, частушки и плясовые наигрыши Алексей схватывал на лету. Недавняя музыка еще целиком жила в памяти. Хотелось выучить ее на гармошке, затвердить, чтоб потом играть для себя, для дочек, для жены.

Бережно дотрагиваясь до кнопок, он начал подбирать звук к звуку, сливать их, вытягивая в ниточку мелодии. Но только раздалась первые звуки, музыка почему-то начала таять в голове, рваться на клочки. Подберет он один кусочек, примется за другой, а первый уж забыл, скорей схватится за него, а второй пропадает, тонет, как в тумане.

Маруся, оставив стряпню, зашла в комнатенку. Дочки, счастливые, что видят отца, с кровати дотянулись до него ручонками, цеплялись за него, отгаликвивая друг дружку.

— Катюша, Ниночка, — шептала Маруся, замечая, как глубже залегает морщина досады на лбу мужа, как нетерпеливее, злее давят на кнопки пальцы.

Как ни бейся, ничего не получалось. Если бы записать на бумаге, что помнится, тогда б и другое уверенней вспоминалось. Но записывать музыку он не умел, этому надо учиться.

Алексей сорвал ремень с плеча, швырнул гармонь на полати.

— Поиграй, Леша. — Маруся прижалась к его плечу, обняла.

— А ну ее к Богу в рай, несолидно баловством этим заниматься, — переламывая досаду, отшутился Алексей, подхватил дочурок на каждую руку, закружилась в комнатенке, чмокая их в щеки. — Скоро, скоро из гнилухи этой на хорошую фатеру переедем. Как баре заживем.

— Поскорей бы, — вздохнула Маруся, радуясь, что муж в хорошем настроении и, быть может, пришел надолго. А то все бывает набегом, сердитый, усталый.

Алексей предполагал провести этот вечер дома, но только они сели ужинать, только завели разговор о новой квартире и Маруся пожаловалась, что Катя второй день кашляет и плохо спит, как за окном слышался шум подъезжающего автомобиля. Алексей с Марусей переглянулись с надеждой: не к нам.

Автомобиль остановился у их дома. Шофер привез записку от начальника отдела по борьбе с бандитизмом. Нужно ехать на службу.

Алексей дохлебал щи, оделся, перекинул через голову на плечо ремешок маузерной портупей, подмигнул жене:

— Приеду через час, — и вышел за порог.

В городе уже несколько месяцев пропадали мужики из пригородных деревень. Приедет человек в город и как в воду канет. Первый сигнал поступил с полгода назад, но ему не придали значения: война идет, мало ли где человек мог пропасть. Затем второй, третий случай, их накопилось больше дюжины. Очевидно, в городе орудует шайка.

А оказалось — всего лишь муж с женой. Они приглашали приехавшего в город крестьянина к себе на ночлег, убивали его и, обчистив убитого, спускали ночью труп его под лед.

Всего эта парочка наладила в Могилевскую губернию ни много ни мало 16 человек. Было подозрение, что они и человечинкой торговали, но этого признания выбить из них не смогли. Убийц отправили в подвал, а к Алексею с ходатайством о них пришел начальник оперотдела Петр Лукич Задман. Люди такого сорта были неоценимым материалом в оперативной работе. Сидящим на крючке (расстрел или жизнь), им можно было поручить самые неприятные задания. Алексей в ходатайстве отказал. Ладно бы они ухайдакали одного-двух, ну трех человек, это еще куда ни шло, но — 16!

— Только в раскод, — сказал Алексей.

Петр Лукич уламывал Алексея битый час и все же добился, что он обещал подумать.

Алексей было собрался ехать к семье, как поступило сообщение о взрыве на городской электростанции. Это пахло уже не уголовщиной, все поехали туда. Там была элементарная неосторожность, но выяснение затянулось и, когда Алексей вернулся на службу, домой ехать не имело смысла, только всех перебудить. В пять утра уже начинался новый рабочий день.

У себя в кабинете Алексей бросил на кожаный диван давно принесенную из дома подушку и лег, накрывшись полушубком. В ночной тишине к нему снова пришла музыка. Как бы воочию он снова увидел легкие пальцы, скользящие над белой дорожкой клавиш, как они безошибочно точно, то жестко — ударом, то мягко, едва прикоснувшись, рождают музыку. И лежа на диване, вдыхая ветровой, дорожный запах полушубка, Алексей с завистливой тоской подумал, что никогда не сможет играть так, никогда не придет к нему в отдельный вагон молодой сподвижник, и он, повернувшись на стуле, поглаживая пальцы, как бы что-то стягивая с них, никогда не скажет: "Итак, с чего начнем?"

Почему же, почему так устроена жизнь? Почему с детства он не учился играть на пианино и не ходил в гимназию с гувернанточкой, а стоял у тисков с зубилом и напильником, зарабатывая гроши на прокорм больной матери и младшим братьям с сестренкой? Почему он слушал не музыку, а каждодневный мат пившего запоем отца? Кто виноват во всем этом? Кто отнял у него детство? Кто потом всучил ему винтовку со штыком и он месил с нею фронтную грязь, голодал, вшивел в окопах, мыкался по провонявшим гноем, потом и хлороформом госпиталям?

"Порежем всю контрреволюционную сволочь, — подумал Алексей, засыпая, — настанет коммунизм, обязательно пойду учиться".

Рабочий день начинался с приведения в исполнение высшей меры социальной защиты, а попросту с расстрела осужденных за контрреволюционную деятельность и бандитизм. Присутствие на нем было одной из обязанностей председателя. Обязанностью, конечно, малоприятной, тяжелой, но необходимой. Товарищ Гедров на совещании, посвященном самоубийству начальника спецотдела, так сказал об этом: "Французский политик Ришелье признавался: "У меня нет личных врагов. Все, кого я преследовал и карал, были врагами государства, а не моими". Мы же, отбросив буржуазное лицемерие, говорим открыто: враг революции — мой личный враг. Точка. И никаких нервов. Поменьше переживаний, товарищи, это ваш долг, это ваша работа".

Сегодня осужденных было немного — 14 человек. Но в первой же пятерке произошел казус, какого не бывало. Осужденные разделись догола, подошли к черным прямоугольникам, закрашенным на стене подвала, исполнители вскинули револьверы. Промануться было нельзя, стреляли практически в упор. Грянули выстрелы, осужденные повалились. Запахло горячим порохом и свежей кровью. Как

вдруг крайний расстрелянный (учитель гимназии, контрреволюционная агитация) приподнялся на четвереньки, заерзал руками по скользкому полу, сился встать, и, истекая кровью из простреленной головы, захрипел: "Помилосе... помило..." Ответственный за него исполнитель подскочил, выстрелил и — надо же — промахнулся, третий раз, и опять не попал, и тогда, перехватив револьвер за ствол, отчаянным ударом сорвал верхушку лысого, с закрайками седых волос черепа.

Как потом увидели, случай был редчайший: пуля вошла в затылок и вскользь вылетела возле уха, только оглушив казнимого.

Исполнителя быстро вывели из подвала, вызвали к нему врача. Чтоб не затягивать время, на вторую пятерку по старой памяти встал сам Алексей, а у него рука была твердая. Это неоднократно с похвалой отмечал товарищ Гедров, любивший посещать по утрам подвал губчека.

Поднявшись из подвала к себе в кабинет, Алексей почувствовал, что еле стоит на ногах. Сказывалось постоянное недосыпание (спать приходилось по 4-5 часов), да и случай с учителем, что и говорить, был все же переживательный.

Алексей открыл правую створку шкафа, налил в чашку с изображением целующихся голубков водки из стоявшего в глубине чайника, закусил куском колбасы с ломтем круто посоленного хлеба и включился в работу: чтение оперативных сообщений, писем (доносов), прием посетителей, допросы задержанных.

Около одиннадцати часов он устроил себе перерыв — поприседал, двадцать раз отжался от пола, выпил два стакана крепчайшего чая. Затем машинкой он набил в папиросную гильзу махорки, отстриг ножницами бумажную трубочку, заправил табак в наборный, привезенный с фронта трехвершковый мундштук и, прикурив, подошел к окну. Направляясь к губчека, дорогу переходил сопровождаемый двумя красноармейцами из конвойной роты настоятель Лазаревской кладбищенской церкви отец Панкратий Примагентов. Чуть сбоку от красноармейцев следовал сотрудник губчека Тимофей Проимин.

Часа полтора назад из отдела искусств губисполкома Алексею позвонили с просьбой дать кого-нибудь из сотрудников. Узнав, что идут к отцу Панкратию и два красноармейца уже есть, Алексей недовольно буркнул:

— Может, тачанку к этому попу послать? — и все же выделил Тимофея.

Глава шестая

Отец Панкратий Примагентов

Отец Панкратий был личностью примечательной. В ежегодном городском крестном ходе от кафедрального собора к известному всей России подгородному монастырю над многотысячным морем богомольцев возвышалась его исполинская фигура.

В молодые годы он в числе первых учеников закончил в Н семинарию и был оставлен при ней. Но преподавательская деятельность ему не задалась по причине его порывистого, гневного (хотя и быстро отходчивого) нрава. Он попросился на приход, около двадцати лет священствовал в церкви благоверного князя Александра Невского, а когда новая власть закрыла эту церковь, был переведен в Лазаревский храм. Его многочисленная паства последовала за ним.

Литургия Преждеосвященных Даров приближалась к концу. Отец Панкратий причастил исповедников, дьячок вычитывал псалом "Благословлю Господа на всякое время". В церкви витал бытовой, не нарушавший благочиния службы шумок: люди у свечного ящика получали просфоры, разбирали поминальнички.

Вдруг громко, отрывисто хлопнула дверь притвора, и в храме сперва шелестящим шорохом, а затем нарастая, поднялся непристойный галдящий шум. В этом шуме различалась поступь нескольких человек, идущих через храм, в особенности же четкий, копытный цокот чьих-то кованых сапог.

— Остановитесь! — пронзительно хлестнул женский вскрик, и церковь, как обвалом камней, наполнилась говором и топотом ног.

С забившимся в негодование сердцем отец Панкратий накрыл покровцем Чашу, вскинул взгляд на икону "Сошествие во ад" над жертвенником, перекрестился и царскими вратами вышел на амвон, заклонив путь уже всходившим на него трем нежданым посетителям. Одного он знал — Тимофея Проимина, в царское время кочегара на лесобирже, пьяницу и богохульника, ныне состоявшего на службе в ЧК. С Тимофеем были еще двое — молодая, бледнолицая, некрасивая женщина, в поношенном пальтишке с каким-то свалывшимся, едва ли не кошачьим воротничком; и парнишка лет пятнадцати, в черной, гимназической, видно, с чужого плеча шинели. На Тимофее была барабашковая солдатская папаха, на мальце — треух. В довершение всего — малец курил.

У дверей притвора переминались с ноги на ногу красноармейцы с винтовками.

— Кто вы и почему бесчинствуете в храме? — спросил отец Панкратий. Унимая желание вырвать у мальца сигарку, он правой рукой взялся за цепочку наперсного креста.

— Мы из губисполкома. — Женщина предъявила священнику бумажку с круглой печатью. — Нам поручено провести опись церковного имущества.

— Богохульники! Губители вы и есть, — загомонил народ.

— Кто бы вы ни были, — заглушая гомон, ответил отец Панкратий, прошу вас не курить в храме, снять головные уборы. Женщину в алтарь я допустить не могу.

— Не больно, поп, фуфырься. — Тимофей поставил ногу на амвон, притопывая носком. — Куда хочем, туда и зайдем.

— Не иначе, — подпел ему сосунок в шинели, выпустил дым ноздрями и, насмешливо глянув на прихожан, сикнул из-под губы тонкой струйкой слюны.

Промкий вздох гневного изумления всколыхнул храм.

Отец Панкратий стиснул цепочку в ладони, перевел дыхание и, желая все же кончить дело миром, сказал:

— Прошу вас, будьте людьми, не безумствуйте.

Женщина повернулась к Тимофею с намерением что-то сказать ему, а он самоуверенно шагнул вперед:

— Проповедь окончена? Посторонись.

Отец Панкратий не шевельнулся. Тимофей взял право. Священник выставил руку.

— В чека захотел? — пригрозил Тимофей.

— Там ему мозги вправят, — подстегнул мальчишка и прилепил обсосанный дымящийся окурок сбоку большого, лоснившегося от лампадного масла подсвечника.

Смахнув паскудный окурок на пол, отец Панкратий столкнул своим большим животом Тимофея с авона и, возгораясь праведной яростью, прогремел:

— Вон, хриstopродавцы!

Прихожане и незваные гости отшатнулись, как от удара, огоньки свеч на подсвечнике легли на бок и, как один, потухли, словно бурный порыв ветра сорвал с них огненные лепестки.

— Значит, так, — с трусовато-смущенной ухмылкой сказал Тимофей, тряхнул головой, и тут же взгляд его налился самоуверенной злостью. — Арестовать его!

— За что? Почему? — загудели голоса. — Не отдадим батюшку, православные!

И люди, послушно было расступившиеся перед шагавшими красноармейцами, сомкнулись, не пропуская их дальше. Расталкивая прихожан, красноармейцы рвались вперед, но окружавшие их прихожане еще плотней жалась к ним. И так сдавили со всех сторон, что красноармейцы не то что двинуться вперед, рук поднять не могли.

Такого оборота событий никто не предвидел — ни отец Панкратий, ни пришельцы, ни сами прихожане.

— Господи, что вы делаете? — испуганно вскрикнула бледная женщина, и отец Панкратий увидел, что это совсем юная девушка, просто от голода лицо ее осунулось и постарело.

— Ну, поп, — шипел сквозь зубы Тимофей, скреб пальцами по кобуре нагана. — Ты ответишь за это по всей строгости ревзакона.

Отец Панкратий оглядел народ, беспомощных красноармейцев, словно запечатанных в людской массе, и сказал обреченно:

— Пустите воинов. Не препятствуйте им.

Глава седьмая

В губчика

Алексей вышел из кабинета на широкую площадку, куда поднималась из вестибюля парадная лестница реального училища, наблюдая из-за колонны за происходящим внизу.

В вестибюле, где размещалась дежурка, стукнулись об пол винтовки красноармейцев и Тимофей сердито сказал:

— Принимайте попа. Надоед хуже горькой редьки.

— Как не принять желанного гостя. Давно ждем, — с едкой улыбкой проговорил дежурный, выходя из-за барьера, отгораживавшего дежурку от остальной части вестибюля.

— Эка башня вавилонская.

— Дубина стоеросовая, — посмеивались чекисты на лавке за барьером.

Дежурный обшарил карманы отца Панкратия. Расческу, кошелек с деньгами, часы положил на стол за барьером, полистал карманное Евангелие, вернул его и протянул руку, чтобы снять наперсный серебряный крест.

— Не касайся до святого креста, иже не ты возложил на место сие, — сдержанно промолвил отец Панкратий, накрыв крест ладонью.

— Ай, поп, — всхотнул чекист, — как в церкви своей командует.

— Я до тебя прикоснусь — запляшешь у меня, — хмуро сказал дежурный. — Сымай сам, не кобенясь.

— Пляске не обучен. — Отец Панкратий покачал головой, не убирая руки.

Чекисты скопом, молча пошли из-за барьера.

— Чего с ним толковать, — опередил их Тимофей, — козь русского языка не понимает, — и, подбежав, залепил священнику оплеуху.

Отец Панкратий, вспыхнув, оттолкнул рукой Тимофея, но от обиды не соразмерил силу движения, и сметенный с ног Тимофей кубарем покатился по мраморному полу вестибюля. Охнув, отец Панкратий шагнул, чтобы скорей поднять его, и тут же был облеплен насевшими на него чекистами: двое овладели его руками, третий прыгнул на спину и, запустив пятерню в густые волосы священника, ломая шею, отгibal назад голову, а дежурный вцепился ему в грудь и дважды ударил кулаком в лицо. Отец Панкратий распрямылся, крутнулся своим огромным телом, взмахнул руками — чекисты полетели в стороны, затрещал барьер, со стола дежурного с грохотом и звоном повалился телефонный аппарат.

— Ах, с-сука, — вскакивая с пола, рвал кобуру револьвера дежурный.

— Что тут за свалка? — Алексей вышел из-за колонны.

Все замерли. Из опрокинутого на столе дежурного графина, булькая, лилась на пол вода.

— Да вот, товарищ председатель, попа оформляем. — Дежурный застегнул кобуру, оправил гимнастерку.

— Работнички, — хмыкнул Алексей, — впятером скрутить не можете. А вы чего стоите, как пни, — закричал он на красноармейцев, — швабры вам дать, а не боевое оружие. Ну-ка, ходом его сюда!

Красноармейцы, наставив винтовки, погнали отца Панкратия по мраморной, избитой прикладами и коваными салогамы лестнице на второй этаж. Не подошло ни сану, ни летам отца Панкратия так

оголтело нестись, перешагивая через две ступеньки. Он укоротил шаг и сразу получил тычок штыком в спину.

— Ты заходи, — сказал Алексей Тимофею у своего кабинета, — а вы тут стойте.

В кабинете Тимофей рассказал, что и после ареста священника народ не пустил их в алтарь, стеной встал у иконостаса, а когда он повел отца Панкратия в губчека, народ хотел идти следом, а поп сказал, чтобы все оставались, страдать — так одному.

— Тебя, болвана, зачем туда послали? — заорал на Тимофея председатель. — Ты почему не стрелял, когда в церкви антисоветский мятеж? А бугая этого ты на кой ляд сюда приволок, через весь город крестный ход устроил? Ему у стенки места не нашлось?

— Да что ты, Алексей Николаевич, — обиделся на незаслуженную выволочку Тимофей. — Вчерась бабенку хлопнул — неладно, сегодня попа не хлопнул — обратно не угодил. Как работать-то мне?

Алексей погонял желваки на скулах.

— Говори с обаятисом. Как ему работать? Пустой башкой своей думать, вот как. У этой бабенки два брата на юге, мы б сколько сведений из нее вытянули. А от попа какая корысть? Молебны его да тропари никому не нужны, рвет с них. В общем, держу тебя до первого замечания.

Алексей до сего дня, конечно, встречался с отцом Панкратием на городских улицах, сойтись же лицом к лицу им пока не доводилось, и сейчас, поглядывая на него, вошедшего в кабинет, и готовясь начать допрос, Блеханов, как и многие люди, оказавшиеся вблизи священника, невольно подивился той необъятно-могучей богатырской стати, какой одарила его природа. На лицах многих людей, очутившихся в губчека, появлялось выражение виноватой пришибленности, на лице же отца Панкратия и здесь, даже после недавней схватки, сохранялся отпечаток величавого, уверенного в себе достоинства.

— Садись, — сказал Алексей.

— Постою, мы люди простые.

— Исполни, что приказано. Не на базаре.

Отец Панкратий сел на табуретку возле кафельной, жарко натопленной голландки, приложил руку к затылку, глянул на ладонь и качнул головой.

Алексей, не спускавший с него глаз, подошел к нему, нагнул голову, раздвинул пальцем седеющие русые пряди: на затылке кровоточила ссадина от вырванного клока волос.

— Фельдшерницу ко мне, — приказал он, приоткрыв дверь кабинета.

Зина, фельдшерница в губчека, была духовной дочерью отца Панкратия. Ходить открыто в церковь ей было нельзя, она исповедовалась и причащалась на дому священника. Увидев батюшку у Блеханова, она чуть не упала в обморок, но справилась с собой. Все же, обрабатывая ссадину, она так волновалась, что пролила половину пузырька с йодом за шиворот отца Панкратию. Холодящая струйка ниточкой протекла меж лопаток, засела в штыковой ранке.

— Ответь мне, гражданин Примагентов, — сказал председатель, когда фельдшерница вышла. — Как ты относишься к Советской власти?

— Власть она и есть власть, без нее никуда, — ответил священник.

— Почему ж не исполняешь требований ее представителей?

— В алтарь, святое место, с цигаркой да в шапке входить не положено.

— Для тебя — святое место, для власти — обыкновенное помещение. Так. А кто тебе дал право речи на улице перед народом говорить? Ты у кого разрешения на это испросил?

— Да что же это, — возразил отец Панкратий, — без спроса теперь и не пики?

Председатель не ответил, поднялся, потрогал револьвер на столе, оперся кулаками о зеленое вытертое сукно столешницы.

Священник почувал: настала важная минута, однако вставать не стал.

— За сопротивление власти, выразившееся в недопущении ее законных представителей в алтарь культового здания, а также контрреволюционную пропаганду, — чеканил слова председатель, — губернская чрезвычайная комиссия приговаривает гражданина Примагентова к расстрелу!

Алексей надавил кнопку звонка. В кабинет ворвались два чекиста с револьверами, подхватили священника под руки. Он поднялся с табуретки, пошел, но у дверей, словно очнувшись, сказал:

— Гражданин начальник, да ведь у нас завтра престольный праздник. Всенюшную-то кто сегодня править будет, я ж в церкви-то один?

— В подвале справишь, — ответил председатель. — Там и со святыми упокой запоешь. Ведите его.

— Гражданин начальник, — прижав локтями к косякам дверей своих конвоиров, воззвал отец Панкратий. — Отпусти, ради Христа! Завтра после обедни сам приду, хошь на куски меня мелкие режьте. Молитесь за вас буду.

— Ведите ж его! — ударил кулаком по столу Алексей.

Глава восьмая

Во узнице срадном

Когда губчека заняла здание реального училища, помещения подвала приспособили под камеры — убрали лишние перегородки, заложили имевшиеся окна, двери оковали железом, снабдили их глазками и засовами. В одной камере находились временно задержанные, которых по выяснении обстоятельств или отпускали восвояси, или водворяли во вторую камеру, где содержались приговоренные к расстрелу. Расстрелы производились в третьей, самой большой камере, в дальнем конце коридора. Эта коридорно-камерная система в документах именовалась внутренней тюрьмой губчека.

Чекисты с такой остервенелой поспешностью влекли священника по коридору, а потом стремглав по главной лестнице на первый этаж и мимо дежурного по винтовой лесенке в подвал, что отец Панкратий подумал: "Убивать ведут" и на бегу стал читать себе отходную молитву. И только оказавшись в

камере, когда за его спиной длинно шаркнул засов и загремел запираемый замок, он понял, что еще поживет.

Священник с облегчением перекрестился, переводя дух, осмотрел каталажку: промозглую, без окон комнату, с тусклой лампочкой над дверью. Только здесь, у порога, было светло. Здесь же воняло нужником — у двери в углу стояла параша, кадка с крышечкой. В сумраке камера показалась очень большой, несоразмерной даже со зданием чека, но глаза присмотрелись, и во тьме решетчато зачернели нары. На них кто-то был, из тьмы, как два серо-призрачных пятна, вытаяли чьи-то лица.

— Мир вам, люди добрые, — в полупоклоне приветствовал их священник.

— Батюшка! — был ему ответом истошный вопль, и двое человек, мужчина и женщина, бросились к нему под благословение. Отец Панкратий умилился: целуя благословившую их руку, они омочили ее слезами.

— Помолитесь, батюшка, за нас, безвинно страдаем, бес попутал, — всхлипывала женщина, не отпуская руку.

— Помолитесь, батюшка, помолитесь, — сипло вторил мужчина.

— Господь вас простит, дорогие мои. Молитесь Господу. Он утешит, укрепит, пошлет ангела-хранителя, как послал в темницу апостолу Павлу.

На двери камеры загремел замок. Новые знакомцы священника, отпрянули от него, полезли на нары, забились в дальний угол.

— Эй, мясники, выходите, — позвал их отперевший камеру чекист.

— Нет, нет, — завывли с нар.

— Не бойтесь, на допрос.

Опрометью, отгалкивая друг друга, мужчина и женщина побежали к дверям.

Отец Панкратий остался один.

Происшествие в церкви, хотя и взволновало его, но в душе он готовился к чему-то подобному, ждал. Такие комиссии проходили уже по многим городским церквям. Кое-где священники пострадали, приняв мученический венец, а в иных храмах все обошлось благополучно. В Покровскую на Торгу церковь пожаловали после службы, все чинно, благополучно переписали и с миром удалились. Но отца Георгия из Вознесенской церкви прямо у престола испыряли штывками, а отца Иннокентия из Никольской — вздумать жутко — епитрахилью удавили. Что творится! А его вот сюда привели. Что ж, будь что будет, как Господу угодно, а он свой долг исполнил. В душе отложилась только горечь, что ненароком ушиб человека да сцепился, как зверь необузданный, со служителями безбожной чеки. Но не отдавать же им крест на поругание. С мертвого пусть снимают.

Думы о завтрашней службе (кто ж ее вести-то будет?), горестные раздумья о семье, о матушке Платониде с детьми, обступили его. Как же они без него, бедные, жить станут? Зиму перезимовали с Божьей помощью, но до тепла, до первых овощей еще далековато. Голодовать еще и голодовать.

Отец Панкратий с сожалением вспомнил об оставшихся в кошелке шкалике постного масла и полупунте перловки, что поднесли ему сегодня доброты-прихожане. Передадут ли кошелку матушке, ведь нынче каждый сучарь, каждая крупинка в цене.

Засов камерной двери заработал снова. Вниз, доставая до нар, упал косой лоскут света из коридора, и в женской фигуре на пороге отец Панкратий узнал и не узнал Зину-фельдшерницу.

— Зинаида Степановна?.. — с заминкой, в которой было желание ошибиться, спросил он.

— Да, батюшка, — грустно подтвердила Зина, садясь на нары рядом.

— Как же так? — развел руками отец Панкратий. — Вас-то, женщину, за что?

Зина работала в губчека ради больной матери: зарплата тут хорошая, твердая и, главное — паяк. Насмотревшись в кабинете председателя на избыток, доведенных до обморока, до нервного припадку людей, она давно порывалась уйти отсюда, да не хватало мужества. Но, увидев арестованного, пораненного отца Панкратия, дорогого батюшку, сдерживавшие преграды — благоразумия, осторожности — рухнули. Она выплакалась у себя в медицинском уголке, помоллилась на образок Божией Матери Владимирской, что носила с нательным крестом, пошла и заявила Блеханову, что отказывается служить в губчека. Председатель возмутился: это почему же? "Потому что вся губчека, от крыши до подвала, забрызгана кровью, и меня мутит от этого".

— И теперь я здесь, — покусывая губы, чтоб не заплакать, сказала Зина.

Отец Панкратий бухнулся на колени перед ней.

— Зинаида Степановна, — со слезами в горле говорил он, — прости, коли в чем согрешил пред тобою. Прости, ежели чем досадил, опечалил. Из-за меня, скверного, страдаешь и муки лютые приемлешь...

— Вставайте, батюшка, вставайте, — заплакала Зина, затеребила отца Панкратия за плечо.

Священник склонился, чтоб коснуться лбом пола, и отшатнулся — в лицо ему шибануло удушливым запахом мочи, словно пол был пропитан ею.

— И вы меня, батюшка, простите, — когда священник поднялся, сказала Зина, падая на колени.

— Господь простит, — подхватывая ее с гадкого пола, сказал отец Панкратий.

Глава девятая

Пою Богу моему дондеже есмь...

Еще не раз и не два гремел замок, отворялась массивная дверь и в камеру заходили, были втолкнуты, затащены под руки разные люди. Три молодых человека — вероятно, офицеры, затем пара — должно быть, муж с женой, несколько человек порознь — один крестьянского склада, двое с виду мастеровые.

Люди заходили в камеру молча, брели к нарам или подолгу стояли у двери, переживая всю глубину совершившегося несчастья. Иногда сразу же — еще двигался, отрезая все надежды, засов — человек кидался к двери, колотил кулаками, умоляя выпустить его, разобраться, он же ни в чем, ни в чем не виноват. Подчас кто-нибудь срывался с нар, жадно, захлебываясь, кричал в глазок, что хочет сделать важное сообщение.

— Чего? Говори, — подходил к двери часовой.

— Скажу одному председателю губчека, — вопил контрреволюционер, виновный лишь в том, что у него при обыске нашли нагрудный знак члена "Союза русского народа", владельцы таких значков подлежали безоговорочному расстрелу. Часовой отходил от двери: неосновательных заявителей, отделивающих общими словами, к председателю было не велено приводить.

Люди испокон века живут в сознании грядущей, неминуемой смерти. Кто ощущает это сильно, кто слабей, но нет ни одного человека, который хотя бы однажды не задумался об этом. А задумавшись, не встретился бы с тайной. Действительно, по мудрому устроению Господню, никто из людей не знал дня своей кончины. Это было не случайно. А здесь, в камере, покров с тайны был сорван. И если причастность к тайне возвышает человека, то ее отсутствие одинаково унижало всех, все делалось равны в унижении.

Отец Панкратий подумал, что в проповеди эту мысль можно было развить пространней и глубже, задержаться, в частности, на том, что грех самоубийства тем и непрощителен, что человек самочинно посягает на Божественную тайну.

Однако время проповедей прошло. С каждой минутой жизнь уходила, как вода меж пальцев. Никогда уж он не увидит Лазаревский храм, не поклонится могиле приснопамятного отца Владимира, не произнесет в храме проповедь. Никогда не пройдет по милым сердцу городским улицам, мимо здания семинарии, где было прожито столько счастливых, радостно-духовных, а порой и горько-постыдных дней (грехи юности и по прошествии долгих лет жгли сердце). Никогда больше не увидит он дорогую матушку Платониду, не обнимет детей.

Скорбь по уходящей жизни, а пуще всего неодолимая жалость к матушке и сиротеющим детям — могли бы свести с ума. Спасала молитва. С той минуты, как он переступил порог камеры, отец Панкратий неустанно творил благодатное: "Господи, помилуй!" В редкие минуты, когда он оставался один, он шептал ее явно, устами, и повторял мысленно, когда разговаривал с кем-то, утешал, исповедовал. Народу в камеру натолкали много, люди все незнакомые, чужие. И хотя у всех было одинаковое горе, но тоскующая человеческая душа жаждала слова сострадания и поддержки. Он, священник, оказался для всех тем общим человеком, к которому легче было подойти за словом утешения. Легче такое слово принималось и от него, когда он подходил к человеку сам.

А непрерывно звучащее в сердце "Господи, помилуй!" утишало скорбь, отгоняло тоску. И чем непре-

станней длилась молитва, тем ошутимей пробуждалось в душе чувство неведомой свободы. Как упругая иголочка весенней травы, проколов слой перезимовавшей, гнилой листвы, тянется к свету, так и душа, словно пробив какую-то корку, рвалась к новой, иной жизни. Это было удивительно, но именно здесь — под замком и охраной, в вонючем холодном подвале, орошенном слезами, слышавшем стенания и проклятия несосчитанных жертв, он чувствовал себя более свободным, чем там, на воле. Если не считать не утихавшей, жалостной тоски по матушке и детям, во всем остальном он был совершенно свободен. Все служебные, родственные, соседские связи отпали, он ни от кого не зависел, никому не подчинялся, ни перед кем не был ответственен. Только перед совестью, перед Богом.

В камере все молчали. Такие мертвенные, провальные паузы возникали все чаще. Казалось, даже время застывало в этот миг, но оно неумолимо шло, его нельзя было ничем ни замедлить, ни остановить.

Где-то наверху кто-то глухо ударил в блюдо: блюм-м, блюм-м. Почти сразу все догадались: то звонят ко всенощной на церкви Афанасия Александрийского, что неподалеку от губчека. Звон проникал под землю, просачивался дальним, зовущим стоном.

Отца Панкратия кто-то позвал. Он повернулся на голос и увидел, что потолочный угол камеры возле дверей заняла область равномерно дрожащего, струистого света. В камере не стало светлей, никто не шевельнулся вместе с ним, и священник понял, что удостоился духовного видения. В этом дивном, не похожем на солнечный, свете находился юноша с волнистыми, ниспадающими на плечи кудрями. В руках он держал связку венков, какие обычно плетут летом девочки. Свив невинными, чистыми пальчиками тугой ободок из стеблистых ромашек, они вплетают в него фиолетовый огонек полевой гвоздички и золотистую звездочку зверобоя. "Так вот они какие, мученические венцы", — подумал отец Панкратий. А он представлял их золотыми, убранными в драгоценные камни, как царские короны...

— Пасха скоро. Семь дней осталось, — с болью и горькой укоризной сказал кто-то рядом.

— Нам уж ее не праздновать, — послышался тяжкий вздох.

— Там отпразднуем! — указуя рукой вверх, сказал отец Панкратий и поднялся с нар. — Ну, братья и сестры, делу — время, молитве — час. Вы как хотите, а я буду всенощное бдение править.

— Батюшка, — сказал чей-то боязливый голос, а из-под боязни сквозила радость, — да разве тут можно?

— Не злите вы их, здесь же не церковь, — проскулил кто-то внизу.

— Вся земля — храм Божий, — сказал священник.

— Батюшка, — попросила Зина, — благословите псаломщицей быть, вам одному трудно.

— Службу хорошо знаете, не собьетесь?

— Не собоюсь. Давно я мечтала, там не довелось, так хоть здесь, перед смертью.

— Не поможет нам, святой отец, ваша служба, — сказал один их троих молодых людей. — Разве только время быстрее пройдет.

— Кто-нибудь еще хочет что-то сказать? — спросил священник, прикидывая, куда обратиться лицом, где восток. По его расчетам стоять нужно к двери правым боком. — Кто не хочет молиться, прошу не мешать нам.

Отец Панкратий снял с себя зимнюю, теплую, добротню наваченную рясу, положил ее на нары, поправил крест на груди, откашлялся и произнес:

— Восстаните, вернии!

На этот возглас позади него встали: Зина, супружеская пара, один из молодых людей (товарищи его присоединились к нему). Люди вставали и вставали. Мельком оглянувшись, священник увидел, что почти вся камера стояла за ним, в промежутках нар и ближе к двери.

— Как древние христиане в катакомбах, — шепнул один офицер другому.

— Вполголоса, не громко, — предупредил отец Панкратий, поднял руку ко лбу и, осеняя себя знаменем победы жизни над смертью, возгласил:

— Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельной Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков.

— А-аминь, — нестройно подпели в первый и последний раз в жизни собравшиеся вместе певчие.

Глава десятая

И в жизнь вечную...

Отец Панкратий мог никого не предупреждать — в коридоре перед камерами сейчас не было ни души. Часового позвал в караулку играть в карты комендант внутренней тюрьмы Антон Пастухов, бывший проштрафившийся председатель губчека, помилованный Гедровым. Играли в подкидного, на "носы", для второй пары не хватало человека. Осужденные из камеры, запиравшейся засовом и замком, никуда выйти не могли, а если б каким-то чудом и выпшли, то коридор тюрьмы от караулки отделялся еще одной дверью.

Карты были новенькие, изъяты недавно при обыске в одном буржуйском доме, такими поиграть приятно. Тасуешь, сами в руках шевелятся. И уж коли такими картишками по носу от души, с отяжкой врежешь — искры из глаз.

Первую игру Антон с напарником проиграл и сейчас, зажмурившись, получал положенные удары. Как бывшее начальство, его жалели, били вполсилы: выслужился ведь проныра Антон уже в коменданты, а ну подфартит и опять председателем станет.

На винтовой лестнице послышались шаги. В караулку шел сменившийся дежурный — Гаврила Смирнов, принимавший днем отца Панкратия.

Гаврила подсел к Антону, заглядывая ему в карты.

— Как, брат лихой, живем-можем? — спросил он.

— Помале-е-еньку живем, — думая, как сходить, пропел Антон, ткнул Гаврилу локтем в бок. — Расскажи-ка, как с попом-то вы воевали, уделать его не могли.

— Чего не могли? — Гаврила почесал в затылке. — Леха не сунулся бы, изломали б ему машину.

— Куда вам, — поддразнивал Антон, — силищи-то у него.

— Ну да, мерин адоровый. Четвертых ведь нас на себе поднял. Дай, Антоша, ключи, гляну на него напоследок, все же видный мужчина.

— Только недолго. — Антон подал приятелю связку ключей, вскинул над головой козырную карту. — Кто имеет двух бубен, не бывает..

Гаврила на цыпочках подкрался к камере, отвел пальцем, закрывавший глазок железный кругляш. В тусклом сумраке камеры слитной серой массой стояли люди. Поп возвышался над ними темным столбом. Где-то рядом у двери торопко лилась невнятная пономарская скороговорка, словно в камере кто-то читал женским голосом псалом. "Боже, Божей мой, к тебе утренюю", — машинально повторил за чтецом Гаврила, сплюнул и насторожился. А голос вскоре начал: "Господи Боже спасения моего, во дни воззвях, и нощи пред Тобою..."

Сомнений не могло быть — в камере читали шестопсалмие, там шла служба. "Вот это номер!" Гаврила выждал еще малость, чтоб окончательно удостовериться в истинности своей догадки, и так же крадучись отошел от камеры.

"Ну, по-о-оп! Такого в чека еще не бывало. А что будет Антохе-псу, если Блеханов узнает об этом! Натянет он Антошу, как надо".

Гаврила давно имел зуб на Антона. Когда тот еще председательствовал, они однажды круто разлапались из-за посеребренных шпор одного хлопнутого офицеришки.

— Ты чего, заснул там? — принимая ключи у Гаврилы, проворчал Антон, сдавая карты.

— Все запер, запер, — невпопад ответил Гаврила, спеша к винтовой лестнице.

Антон подозрительно посмотрел ему вслед, однако, охваченный азартом, сыграл еще двух "дураков".

А Гаврила, поднявшись наверх, облокотился на барьер в дежурке, яростно думая (аж голова горячая стала), как сделать, чтобы Блеханов узнал о службе в камере? Пойти на прямой донос было как-то боязно, а пустить сообщение окольным путем — потеряешь время.

Но тут со второго этажа ступил на парадную лестницу и, скользя рукой по перилам, пошел вниз начальник оперотдела Петр Лукич Задман.

— Ну, Васька, — нарочито громко сказал Гаврила новому дежурному, — знал бы ты, что на белом свете деется. В камере поп Панкрат Советской власти анафему поет, а наш Антон, едрена корень, и в ус не дует.

Круглое Васькино лицо от изумления округлилось еще сильнее, но выражение глупой, конопатой

Васькиной физиономии мало интересовало Гаврилу — тот, кому предназначались слова, услышал их.

— Какую анафему? — спросил Задман.

— А вы сходите послушайте, Петр Лукич, — умирал от радости Гаврила.

— Нехорошо радоваться промаху сослуживца, — назидательно заметил Задман. — Это подло.

...На винтовой лестнице послышался бешеный топот, в вестибюль с выпученными глазами, с окровавленным лицом выбежал Антон. Вырвавшись из руки схватившего его Петра Лукича, размазывая кровь по лицу, он вихрем помчался на второй этаж.

— Оружие у них там! — орал он во весь голос.

...Растворялись в былое время царские врата в Лазаревской церкви, из алтаря шествовал в храм отец настоятель Панкратий Примагентов в сонме сослужащих ему иереев, певчие на хорах воспевали умиленные тропари "Ангельский собор удивися...", храм насыщался светом свеч в паникадилах, перед образами мигали и дрожали глазки лампад, трепет и волнение растекались по храму и еще строже смотрел с потолочной росписи Господь.

Наступил этот торжественный, радостный миг и в подвале губчека, и хоть не было ни многосвечных паникадил, ни душистого кадильного фимиама, ни лампад, ни стройного пения вышколенного регента хора, но в сердцах молящихся свет разгорался все ярче.

В это время Антону стало невозможно размышлять о странном поведении Гаврилы, о его бегающем взгляде, о той суетливости, с какой он заторопился наверх. Антон швырнул карты и пошел взглянуть, что же такое Гаврила увидел в камере.

"Ах, подлюги!" — свирепея от злости, подумал он, услышав пение.

Ключ никак не попадал в скважину замка.

— Молчать! Перебью, как собак, — прорычал он, распахнув настежь дверь.

Люди, напуганные его появлением, умолкли. Слышались только голоса отца Панкратия и Зины. Но сразу же, подстраиваясь, присоединяясь к их голосам, люди возобновили пение.

— Молчать! — заверещал Антон, ринулся в камеру, расстегивая кобуру. Но только револьвер привычно вылетел из кобуры, как сокрушительный удар по зубам посадил Антона на зад. Револьвер завертелся по полу камеры.

Антон перевернулся на четвереньки, вскочил, кинулся вон, захлопнул за собой дверь и, запирая замок, обдумал все мгновенные мысли: управиться своими силами (часовые побьют их из винтовок) или лучше сообщить начальству?

А в камере отец Панкратий потребовал у офицера, разделавшегося с Антоном, спустить револьвер в поганую кадку у двери, после чего сказал:

— Мир всем! — и, став ближе к лампочке, начал читать Евангелие под Лазареву субботу.

Не дослушав до конца суматошный рассказ Антона, Алексей Блеханов, побледнев, метнулся к заглубленному в стене шкафу, где в соседнем с чайником и чашкой с голубками отделении наготове стоял тяже-

лый и толстый, как самоварная труба, ручной пулемет "Льюис"...

Дочитав Евангелие, отец Панкратий осенил Им паству и, словно предчувствуя, что истекают последние минуты его земной жизни, что уже мчит к камере, грохоча коваными сапогами, крошечное чекистское воинство во главе с одержимым его председателем, грянул своим знаменитым на всю епархию, широким, будто полноводная весенняя река, басом:

— Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу...

— Отпирай, раззява! — став у камерной двери, прилаживая к пулемету каравай патронного диска, взревел председатель.

Повернулся ключ, заскрипел засов. В коридор вытекла мощная, густая волна:

— ...даде нам живот ве-е-е-ечный...

И только отошло чуть в сторону полотно двери, Блеханов вогнал в гущу людских тел протяжную пулеметную очередь.

Последнее, что увидел Алексей, был обернувшийся к нему отец Панкратий и его лучащиеся, пылающие необыкновенным светом в черноте подвала глаза.

Эпилог

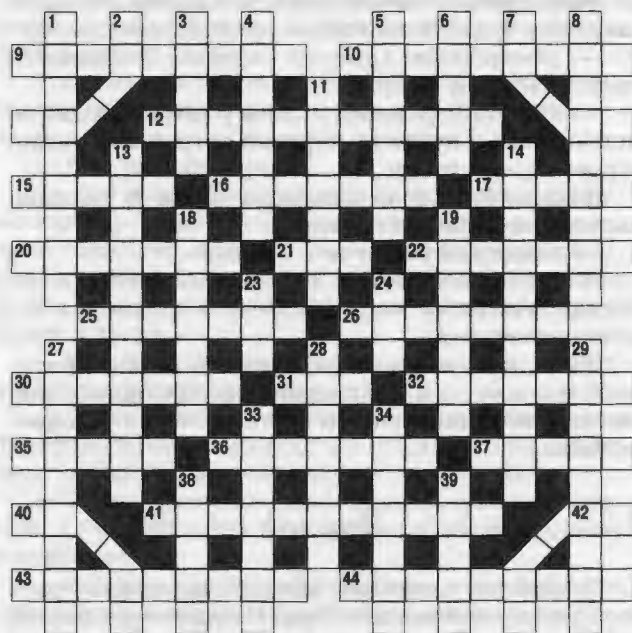
По-разному сложилась дальнейшая жизнь героев этой небольшой эпопеи. Город N существует до сего дня. Правда, от некогда старинного русского города осталось фактически одно название: он перестроен и исковеркан до неузнаваемости. История с попом, расстрелянным во время совершения службы во внутренней тюрьме губчека, дошла до самого товарища Гедрова. После этого Алексея, Петр Лукич и Антон круто пошли в гору. Однако ни они, ни сам Гедров не пережили 30-е годы. Благополучно прошел через все испытания лишь один подловатый Гаврила.

В бывшем здании ЧК ныне размещается институт. По его лестницам и коридорам ходят молодые веселые студенты и студентки, не догадывающиеся, кто ходил и кого водили по этим коридорам и лестницам восемьдесят лет назад. В стенах камеры, где приняли смерть отец Панкратий и его паства, заново пробиты окна и установили приборы для лаборатории сопротивления материалов.

А в Лазаревской церкви, которую на другой день после преставления отца Панкратия закрыли и обратили в сапожную мастерскую, вот уже около тридцати лет снова идут службы. В храме горят лампы и свечи, курится ладанный дым. В Великий пост под Лазареву субботу священник читает в алтаре Евангелие, и мнится порой убогим старушкам, что не священник, а сам Господь плаголет вечные, нетленные словеса:

— Аз есмь воскресение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет — оживет.

КРОССВОРД

По горизонтали: 9. Военачальник, в войну командовал авиацией дальнего действия. 10. Командир звена женского авиационного полка, совершила 815 боевых вылетов, Герой Советского Союза. 12. Маршал Советского Союза, кавалер двух высших военных орденов "Победа". 15. Полководец, государственный деятель, четырежды Герой Советского Союза. 16. Начальник артиллерии Красной Армии в годы войны, участник боев в Испании. 17. Маршал Советского Союза, командующий войсками ряда фронтов, дважды Герой Советского Союза. 20. Военный летчик-истребитель, участвовал в 120 воздушных боях, сбил 62 самолета противника, трижды Герой Советского Союза. 21. Специально оборудованное сооружение для стрельбы по мишеням из ручного огнестрельного оружия. 22. Военачальник, в войну — начальник штаба ряда фронтов, участник Будапештской и Венской операций. 25. Воинское звание в Военно-морском флоте России. 26. Писатель, участник Великой Отечественной войны, автор романа "Живые и мертвые". 30. Полевое оборонительное сооружение, применявшееся в XIX в. 31. Писатель, автор повести "Волоколамское шоссе" о героях обороны Москвы. 32. Ударный музыкальный инструмент, используется в военных оркестрах. 35. Кодовое наименование плана операции советских войск по прорыву блокады Ленинграда в 1943 г. 36. Специально отведенный и оборудованный участок суши или моря для испытания военной техники. 37. Свод правил и взаимоотношений между военнослужащими. 40. Суточный перерыв при совершении войсками длительного марша. 41. Компози-

тор, автор песни "Священная война" на слова Лебедева-Кумача. 42. Военачальник, в войну командовал Брянским и Резервным фронтами. 43. Вывоз населения, предприятий, имущества и др. из района боевых действий. 44. Ввод вооруженных сил одного государства на территорию другого.

По вертикали: 1. Композитор, автор песни военных лет "Заветный камень". 2. Поселок в Курской области, центр крупного сражения во время Курской битвы в 1943 г. 3. Сокращенное название радиолокационной станции. 4. Герой повести Ю.Бондарева "Последние залпы". 5. Русский живописец, автор картины "Фашист пролетел". 6. Разведчик, в годы войны командовал разведывательно-диверсионной группой в Николаеве, Герой Советского Союза. 7. Планета Солнечной системы. 8. Изоляция группировки противника с целью уничтожения или пленения ее. 11. Физическое уничтожение отдельных групп населения по расовым или религиозным мотивам. 13. Орган управления военного коменданта гарнизона. 14. Город в Московской области, где в 1941 г. шли ожесточенные бои на подступах к Москве. 18. Военачальник, участник многих крупных военных операций, особенно под Сталинградом. 19. Ручная писталь с механическим приспособлением для воспламенения заряда при выстреле, применялась на Руси в XV—XVI вв. 23. Навигационный прибор для измерения скорости движения корабля и пройденного им расстояния. 24. Элемент защитного вооружения тела воина. 27. Санинструктор стрелкового полка, вынесла с поля боя более 30 раненых бойцов, Герой Советского Союза. 28. Диктор Центрального радио, который читал сводки о ходе боев на фронте. 29. Писатель, автор романа "Весна на Одере" о Великой Отечественной войне. 33. Марка отечественного автомобиля. 34. Роман М.Алексеева, участника Великой Отечественной войны. 38. Прозрачный и бесцветный драгоценный камень, отличающийся большой твердостью. 39. Все положительное, хорошее, полезное.

Составил Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 2. Журба. 7. Десятник. 10. Алексеев. 12. Осада. 13. Автомат. 15. Ньепс. 16. Майда-нек. 20. Врангель. 23. "Отец". 24. Кильватер. 25. Рени. 27. Ушиб. 29. Танкодром. 30. Итто. 32. Землянка. 35. Наводчик. 36. Форма. 39. Дивизия. 42. Якуты. 43. Волновод. 45. Радиатор. 47. Яхонт.

По вертикали: 1. Острова. 2. Жуков. 3. Атака. 4. Луконин. 5. Секстант. 6. Серпилин. 9. Бронеавтомобиль. 13. Аре. 14. Тир. 17. Дедебал. 18. Никитин. 19. Колонна. 20. Ветеран. 21. Абрамов. 22. Гарфилд. 23. "Оцу". 26. Иго. 28. Шлемофон. 31. Твистрон. 33. Ямамото. 34. Код. 36. "Ася". 37. Осянина. 40. Индия. 41. Иприт.

По дугам: 8. "Соловьи". 11. Лиедупс. 44. Лагорко. 46. Аппарат.

Михаил Александрович ДУДИН (1916-1994) — замечательный русский, советский поэт, как и многие его сверстники, начинал свой творческий путь в солдатской шинели. На "незнаменитой" финской войне был в конном взводе разведки полковой батареи. В годы Великой Отечественной сражался в рядах героических защитников полуострова Ханко, затем стал военным корреспондентом на Ленинградском фронте. Его первая книга "Стихи" увидела свет в издательстве "Молодая гвардия" в 1943 году.

Автор многих поэтических сборников, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР. В нынешнем ноябре ему исполнилось бы 85.

Владимиру Жукову

Это память опять
от зари до зари
Беспокойно листает страницы.
И мне снятся всю ночь
на снегу снегири,
В белом инее красные птицы.

Белый полдень стоит
над Вороньей горой,
Где оглохла зима от обстрела,
Где на ровную землю,
на снег голубой
Снегириная стая слетела.

От переднего края
раскаты гремят.
Похоронки доходят до тыла.
Под Вороньей горою
погибших солдат
Снегириная стая накрыла.

Мне все снятся военной поры
пустыри,
Где судьба нашей юности
спета.

И летят снегири,
и летят снегири
Через память мою до рассвета.

**ОПЕРАТИВНАЯ
ПОСТАВКА СТАЛЬНЫХ ИЗОЛИРОВАННЫХ ТРУБ
ДЛЯ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ И ВОЕННЫХ ГОРОДКОВ**

ISSN 0869-6403

БООС-М

*Трубы с теплогидроизоляцией
предназначены для строительства
трубопроводов тепловых сетей, подземной и
надземной (воздушной) прокладки, транспортирующих
теплоноситель с температурой до 150° С.*

*Применение теплоизолированных труб дает снижение
стоимости земляных работ, так как позволяет прокладывать
трубы без каналов и без колодцев.*

*Трубы стальные с ленточно-полиэтиленовым и внутренним
цементно-песчаным покрытием предназначены для
прокладки сетей газопроводов, питьевых водопроводов
и артезианских скважин со сроком службы не
менее 30 лет.*

Защитная оболочка
из полиэтилена или
оцинкованной стали

Стальная или
полипропиленовая
труба

Теплоизоляция из
пенополиуретана
(ППУ).

Поставка труб сопровождается комплектами для монтажа стыков, отводами и сантехарматурой

ООО Фирма "БООС-М"
тел/факс (095) 211-54-14
тел. 8-902-125-84-36
WWW.mtu-net.ru/boos-m
e-mail boos-m.com@mtu-net.ru

ПОСТАВКА СТАЛЬНЫХ ИЗОЛИРОВАННЫХ ТРУБ